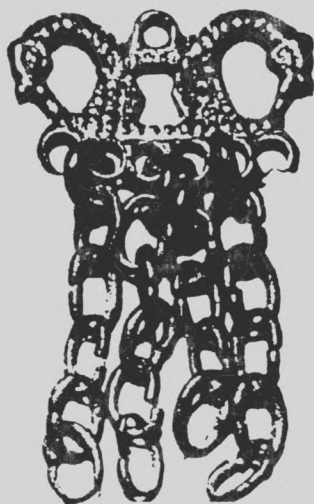

Государственный Исторический музей
Институт Археологии РАН
Московский Государственный университет им. М.В.Ломоносова

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А.П.СМИРНОВА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ВОЛГО-КАМЬЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

**НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
А.П.СМИРНОВА
И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОЛОГИИ ВОЛГО-КАМЬЯ**

**Сборник тезисов докладов конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
Алексея Петровича Смирнова**

Москва
1999

Конференция проводится при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
проект № 99-01-14020

Ответственный редактор
кандидат исторических наук И.В. Белоцерковская

20–24 апреля в Москве в Государственном Историческом музее состоится конференция, посвященная 100-летию со дня рождения замечательного ученого и человека, крупного организатора науки и музейного дела, талантливого полевого исследователя и педагога, создателя научной школы, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки и культуры Татарской и Чувашской АССР Алексея Петровича Смирнова (родился 29 мая 1899 г.). Программа конференции составлена с учетом широких научных интересов А.П.Смирнова и включает доклады, посвященные проблемам археологии Волго-Камья начиная с эпохи бронзы и вплоть до времени существования Золотой Орды. Доклады содержат анализ научного наследия А.П.Смирнова и современные разработки отдельных проблем археологии, в том числе методами естественных наук.

Научные работники более чем из 25 учреждений — музеев, Академии наук, НИИ, университетов, из 15 городов России сочли своим долгом принять участие в конференции, посвященной одному из наиболее уважаемых представителей замечательной плеяды российских ученых, наметивших пути развития современной археологии.

Г.А. Федоров-Давыдов (Москва, МГУ)

Алексей Петрович Смирнов — ученый, человек

Выдающийся русский археолог и историк А.П. Смирнов родился 29 мая 1899 г. в Москве в семье присяжного поверенного. Он окончил реальное училище и попал на фронт первой мировой войны. В 1922–1924 гг. он учился на факультете общественных наук МГУ. В это время начинается его экспедиционная деятельность под руководством В.А. Городцова, чьим учеником он себя всегда считал. Территория, где работал А.П. Смирнов, весьма обширна: Московская и Ивановская области, Коми, Удмуртия, Татария, Северный Кавказ.

В годы Отечественной войны А.П. Смирнов уходит добровольцем на фронт в составе Московского ополчения, затем работает по оборонным заданиям НКО.

После войны он трудится в ГИМ — заведующим отделом и зам. директора и в ИИМК (ИА) АН СССР — заведующим сектором. А.П. Смирнов становится руководителем крупнейших новострочных экспедиций: Куйбышевской и Чувашской, а в конце своей полевой деятельности создает Поволжскую археологическую экспедицию. Эти экспедиции внесли огромный вклад в историческую науку.

Основной тематикой научных исследований А.П. Смирнова были история и археология Волжской Болгарии. Он провел грандиозные раскопки городища Болгары. Им выявлены особенности развития городов Волжской Болгарии, их социального строя, культуры, ремесел, сельской округи и т.п. Под его руководством сформировалась мощная школа болгароведов — историков и археологов.

Второй главной темой научных работ А.П. Смирнова были история и археология финно-угорских народностей Поволжья и Прикамья. Он наметил пути решения проблем этногенеза этих

народов, указав на существенную роль в этом процессе племен бронзового века, носителей пьяноборской и городецкой культур.

А.П. Смирнов отличался широким кругом научных интересов. Он изучал и находки восточного серебра, и социальный строй скифов, и некоторые вопросы ранней истории славян и т. п. А.П. Смирнов выступил инициатором возрождения археологического изучения городов Золотой Орды.

Т.И. Останина (Ижевск, Национальный музей Удмуртии)

Археологические исследования А.П. Смирнова на территории Удмуртии

Первая информация о древностях р. Чепцы, где издревле обитало удмуртское население, встречается на страницах путевых заметок ученых XVIII в., а также в Отчетах Императорской археологической комиссии. Открывателями же чепецких памятников археологии стали учитель Вятской женской гимназии, впоследствии крупный русский археолог, А.А. Спицын (1881–1889) и инспектор народных училищ Глазовского уезда Н.Г. Первухин (1885–1888). Упоминания о памятниках и находках на р. Чепце есть и в статьях ОАК, опубликованных И.Н. Смирновым, И.А. Износковым, П.Г. Тарасовым и В.Д. Емельяновым в конце XIX — нач. XX вв. Несмотря на это к 1920-м годам целостного представления о древней истории обитателей бассейна р. Чепцы в научной литературе не имелось. Это особенно остро почувствовали любители-краеведы г. Ижевска, объединенные в 1925 г. в Научное общество по изучению Вотского края (НОИВК). Они и стали инициаторами проведения археологических раскопок в крае. По просьбе НОИВКа с 1926 г. на территории автономной области стали вести археологические работы ученый секретарь археологического подотдела Главнауки С.Г. Матвеев и аспирант отделения археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН А.П. Смирнов. Наиболее интенсивно археологические работы проходили в течение первых двух лет. В 1926–27 гг. велись совместные раскопки около д. Солдырь Глазовского уезда (городища Иднакар, Сабан-

чикар, могильник Чемшай). Кроме того, А.П. Смирнов проводил исследования на Дондыкарском городище. Раскопки здесь проходили столь интенсивно, полученные материалы были так уникальны, что глазовский краевед И.Ф. Ившин, наблюдавший за работами, сравнил памятник с «Помпеей в миниатюре». В 1928 г. в трудах НОИВК материалы этого городища уже были опубликованы А.П. Смирновым, где он датирует памятник X–XII вв. и относит к кругу поселений восточных финнов.

С 1928 г. исследования в Глазовском уезде ведутся уже только под руководством Алексея Петровича: раскопки двух могильников около д. Адам (Бигершай, Вужшай) и разведочные работы на р. Пызеп, правом притоке р. Чепцы. Исследователь отнес первый могильник к населению культуры чепецких городищ и датировал X–XI вв. Другой памятник — Адамовский Вужшай — был отнесен им к концу XVII — нач. XVIII в. и связан с удмуртами-язычниками.

В 1930 г. А.П. Смирнов проводил раскопки на Кушманском (Учкакар) городище, расположенном на берегу р. Чепцы около д. Кушман Ярского р-на, где изучено 20 сооружений: остатки жилых домов, кладовок, очагов, горнов, сараев и загонов для скота. Вещевой материал позволил отнести его к кругу древнеудмуртских памятников IX–XII вв. В том же году на Солдырском Чемшае он вскрыл 52 погребения. В 1931 г. он возглавил Удмуртскую экспедицию секции археологии ГАИС и ГИМа, организованную для изучения эпохи перехода к пашенному земледелию. Разведочный маршрут проходил по северным и восточным районам Удмуртии, где было обнаружено 18 памятников. Особый интерес представляют могильники Пургашай и Вужшай, частично вскрытые им около д. Ляльшур Шарканского района. Они представляют кладбища определенных удмуртских родов XVIII — нач. XIX в., хронологически функционировавшие друг за другом и позволяющие проследить эволюцию погребального обряда от язычества до принятия удмуртами христианства.

В Национальном музее Удмуртской республики хранятся негативы, датированные 1932 г., свидетельствующие о работах ученого в бассейне р. Ижа, правого притока р. Камы. Это его раскопки около д. Бобья-Уча (городище, могильник) и исследование городища у д. Кузюмово.

Последние крупные археологические работы на территории края были проведены им в 1936 г., когда по инициативе Удмурт-

ского НИИ решено было обследовать южные и юго-западные районы УАССР. Поиск памятников археологии проходил в бассейне р. Валы, левом притоке р. Кильмези, левом притоке р. Вятки, а также р. Тоймы на территории Можгинского, Алнашского р-нов. За один полевой сезон экспедицией исследовано 73 памятника археологии, в основном, XVII–XVIII вв. За 7 лет работы на территории УАССР (Вотский автономный округ) А.П. Смирнов провел раскопки на 8 памятниках археологии, где обнаружено 55 сооружений, 131 погребение. Кроме того, совместно с С.Г. Матвеевым он принял участие в раскопках двух могильников (Чемшай, Чужьяловский) и трех городищ (Сабанчикар, Иднакар, Чужьяловское-Кереметь). Он руководил четырьмя разведывательными отрядами по изучению памятников археологии в бассейнах р. Чепцы, Валы, Иж, Тоймы, всего на территории Удмуртии было обследовано 98 памятников археологии. Результаты работ были частично опубликованы А.П. Смирновым в трудах НОИВК и Ученых записках УдНИИ, в серии книг МИА и САИ, в трудах ГИМ и в журнале СА. В Национальном музее Удмуртии отложился рукописный фонд (отчеты, описи, публикации), отражающий работы археологических экспедиций с участием А.П. Смирнова, который дополняется коллекцией негативов полевых работ и личными вещами видного ученого.

С.В. Кузьминых (Москва, ИА РАН)

А.П.Смирнов как исследователь бронзового века Волго-Камья*

Научное наследие А.П.Смирнова удивительно многогранно. За 50 лет активной творческой жизни Алексей Петрович обращался к изучению множества самых разнообразных тем, но важнейшими для него всегда оставались сложнейшие проблемы археологии, истории и культуры Волжской Булгарии и финно-угорского мира. Однако в силу своего образования (школа В.А.Городцова), тесного

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект №98-06-80040

общения в годы археологической юности с городцовскими учениками-гимовцами (Д.Н.Эдингом, А.Я.Брюсовым, С.В. Киселевым, Е.И.Крупновым, М.Е.Фосс, П.А.Дмитриевым, Д.А.Крайновым), служебного положения (руководитель отдела древней истории и 2-го археологического ГИМ, сектора скифо-сарматской археологии Института археологии, Куйбышевской и Чувашской экспедиций, член редколлегии и долгие годы заместитель главного редактора журнала “Советская археология”) и, наконец, попросту любопытства (свидетельство тому — огромное количество лишь частью опубликованных отзывов и рецензий на статьи, книги, полевые отчеты, рукописи диссертаций) А.П. Смирнов не мог уйти от обсуждения и своего видения тех или иных проблем древнейшего прошлого Волжско-Камского края. К этому обязывала и сложившаяся в 40-60-е гг. традиция, когда при создании крупных монографических работ, посвященных, скажем, железному веку или средневековью, было принято давать очерки — пусть сжатые — более ранних культур и эпох.

Не исключением стали и первые очерки А.П.Смирнова. Рубеж 40-50-х гг. в археологии Волго-Камья действительно был временем создания широких исторических полотен. Источниковедческая база этих исследований, а также предвоенных А.В.Шмидта и М.Г.Худякова фактически оставалась прежней, но их отличало главное: А.П. Смирнов и его коллеги стремились преодолеть социологизм “яфетической теории” Н.Я.Марра, и в их работах на смену очеркам стадий родового общества пришли очерки археологических культур. Знаменитые “Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья” наряду с вышедшими в том же году книгами А.Я.Брюсова, М.Е.Фосс и А.В.Збруевой в известной мере стали продолжением исследовательских подходов и идей В.А.Городцова.

А.П.Смирнов, уже обогащенный знанием результатов первых работ Куйбышевской экспедиции, а также коллекций Исторического и поволжских музеев, прежде всего Казанского, упорядочил все имевшиеся к тому времени разнородные материалы по эпохе раннего металла Волго-Камья, показал динамику развития археологических культур и наметил их исторические судьбы. Важной его заслугой стало выделение позднебронзовой культуры приволжских стоянок, или же приволжской, на территории Волго-Вятс-

кого междуречья (позднее для нее укоренится термин “приказанская”, предложенный Н.Ф.Калининым и А.Х.Халиковым). Особое внимание в этой работе и ряде других было уделено судьбам абашевской культуры. А.П.Смирнов считал, что эта культура была одним из основных компонентов при сложении приволжской, а затем и ананьинской, что ее наследие проявилось в погребальном обряде, керамике и украшениях последующих финно-угорских культур. Ряд проблем, особенно связанных с внедрением производящей экономики и реконструкцией социального строя, решался — с высоты наших дней — весьма упрощенно. Однако вульгарный социологизм был присущ большинству работ 40–50-х гг. — и не только последователям идей Н.Я.Марра. Те же проблемы, но уже спустя десятилетия, рассматривались А.П.Смирновым с совершенно иных позиций.

В 50–60-е гг. благодаря работам Куйбышевской, Камской, Горьковской, Марийской и Чувашской экспедиций произошел прорыв в накоплении археологических источников. Событием в изучении бронзового века Волго-Камья стало появление монографических работ Н.Я.Мерперта, О.Н.Бадера, П.Н.Третьякова, Н.Н.Гуриной, П.Д.Степанова, А.В.Збруевой, Б.Г.Тихонова, К.В.Сальникова, А.Х.Халикова, Е.Н.Черных. Стало возможным обсуждение проблем: переход от неолита к эпохе раннего металла, взаимодействие культур пришлых скотоводов (фатьяновская, балановская) с местными постнеолитическими охотниками и рыболовами (волоховская, гаринская), истоки и исторические судьбы абашевского населения на Средней Волге, роль срубной и андроновской культур в сложении поздняяковской и приказанской, динамика развития культур конца бронзового века, становление и развитие древнейшей волго-уральской металлургии и т.д.

А.П.Смирнов живо интересовался всеми новыми веяниями в изучении бронзового века и не оставался в стороне от обсуждения этих проблем. Примером тому служит ряд его очерков о древнейшем прошлом Ульяновского и Чувашского Поволжья, Башкирии, а также дискуссионных статей. Алексей Петрович первым поставил вопрос о необходимости выделения отличной от средневожского и зауральского абашева (типа Малокизильского селища и Верхнекизильского клада) культуры селища Баланбаш. Он не поддержал О.Н.Бадера и А.Х.Халикова в их стремлении выделить осо-

бую — отличную от фатьяновской — балановскую культуру, сознавая в то же время всю сложность соотношения памятников типа грунтового Балановского могильника, курганов Атликасы и поселения Хула-Сюч между собой и соседними культурами. А.П.Смирнов продолжает настаивать на особой роли абашевской культуры как того объединяющего компонента, что придал единый облик всем вариантам ананьинской культуры. В связи с происхождением абашевской культуры он обращает внимание исследователей на ряд общих элементов в фатьяновской, срубной, андроновской и абашевской культурах и по-прежнему полемизирует с А.В.Збруевой по поводу культурной принадлежности Маклашевского могильника (абашевской — по Смирнову, предананьинской — по Збруевой). Но, пожалуй, основная полемика развернулась в те годы вокруг понимания приказанской культуры — и прежде всего между А.Х.Халиковым и А.П.Смирновым.

Алексея Петровича не смущали эклектический облик и периодизация приказанской культуры, поскольку он сам отмечал в ней элементы, заимствованные из других культур, но упрекал А.Х.Халикова, а также П.Н.Третьякова в том, что ими не выявлены основные элементы, характеризующие эту культуру, что остается неясным ее специфический вещевой комплекс. Бесспорно, в этой полемике сказывался личностный момент: Халиков не воспользовался при выделении приказанской культуры уже существовавшими в литературе терминами приволжская и луговская культуры, предложенными Смирновым и Збруевой, хотя во многом все эти термины были синонимами. У А.П.Смирнова, А.В.Збруевой, К.В.Сальникова вызывали возражение территориальные рамки приказанской культуры, особенно на востоке, в Прикамье.

А.Х.Халиков отстаивал ее автохтонное развитие, объясняя специфику культуuroгенеза тесными связями с соседними племенами. Но в таком случае не находили удовлетворительного решения такие проблемы, как появление “текстильной” керамики в Среднем Поволжье, андронидный характер памятников типа Луговского 2 и Сусканского 1 поселений, сложение ананьинской культуры и многие другие, которые поставил в 60-е гг. А.П.Смирнов и которые обсуждаются до сего дня.

Следует отметить, что обсуждение большинства из упомянутых проблем в 50–60-е гг. было бы невозможно без организаторс-

кого таланта А.П.Смирнова как руководителя крупнейшей ново-строчной экспедиции тех лет. Благодаря работам Куйбышевской экспедиции состоялись как “бронзовики” Н.Я.Мерперт и А.Х.Халиков, плодотворно сотрудничали А.В.Збруева, Н.Ф.Калинин, Н.В.Трубникова, А.Е.Алихова, школу экспедиции прошли многие молодые сотрудники Института археологии, ГИМ и научных центров Поволжья. Огромная заслуга А.П.Смирнова и в том, что материалы экспедиции практически полностью и оперативно были введены в научный оборот, что и позволило в эти годы совершить рывок в изучении бронзового века Поволжья и Приуралья.

Как исследователь бронзового века А.П.Смирнов останется в истории нашей науки как очеркист и полемист, автор широких исторических полотен, но не публикатор. И это закономерно, поскольку через все его творчество проходила тема этно- и культурогенеза волжских и пермских финнов, предысторию которых Алексей Петрович, как правило, вел с эпохи бронзы. А.П.Смирнову было чуждо вольное обращение с материалом. Взгляды его на те или иные проблемы эпохи раннего металла естественно менялись: он умел слушать и воспринимать новое, если в споре его убеждали факты, но в то же время был нетерпим к фальши. В нем в полной мере уживались автохтонист и миграционист, но не в угоду идее, а сообразно пониманию тех или иных археологических источников. В последние десятилетия изучение бронзового века Волго-Камья значительно ушло вперед, и многое в творческом наследии А.П.Смирнова стало достоянием истории науки, хотя еще целый ряд поставленных им проблем ждет своего решения. Но, пожалуй, главным в его наследии остается сам нравственный облик Алексея Петровича как исследователя и человека.

Ю.А. Зеленева (Йошкар-Ола, Госуниверситет)

**Этнокультурная история Поволжья XIII–XV вв.
в работах А.П. Смирнова 40–50-х гг.**

Концепция этнокультурного развития Поволжья, предложенная А.П. Смирновым в ряде работ, написанных еще в 40-х–50-х гг.

XX в., в основе своей принята исследователями и сейчас. Естественно, что на протяжении почти пятидесяти лет она конкретизировалась и в отдельных моментах пересматривалась, в том числе и самим А.П. Смирновым. Он, вслед за авторами письменных источников, называет татарами тюркские этносы, пришедшие из Центральной Азии, отделяя от них болгарский этнос. Правда, А.П. Смирнов указывал и на возможность того, что часть местного населения, особенно знати, подверглась влиянию завоевателей. А.П. Смирнов считает, что этноним болгары существовал и в XV в., но, скорее всего, в это время он нес уже не этническую, а географическую и социальную нагрузку — «Болгары», «Новый Булгар», «царь Болгарский». Он считает, что пришедшие в Восточную Европу татары восприняли болгарскую культуру, хотя сильное влияние на этот процесс оказали Хорезм и Русь. Он говорит даже об идентичности культуры Золотой Орды и Болгар. Так, по его мнению, в XIV в. болгарское ювелирное искусство переходит в города Нижнего Поволжья.

Первоначально, как отмечает А.П. Смирнов, монгольское завоевание вызвало отлив болгарского населения к северу и западу: на Русь и в Предкамье. Но уже в конце XIII в. и, в XIV в., с развитием городов Болгарии, ситуация меняется и, наоборот, усиливается приток сюда нового населения, например, ремесленников из Средней Азии. Возможно, с их деятельностью связаны остатки бани XIV в. в Болгаре, которые раскапывались в конце 30—40-х г. и связывались А.П. Смирновым с восточным влиянием. По его мнению этот этнос был немногочисленным и тюркоязычным. Он усматривал в этом факте восточное влияние. Связь с Арменией прослеживается на материалах обнаруженных в погребениях армянского кладбища Болгара фрагментов ткани.

Болгары частично уходят в Предкамье и дальше на север, в финские земли, а также на Русь. По мнению А.П. Смирнова, в XIV в. усиливается влияние болгар на соседнее финское население, проживавшее к северу от Камы. После XIV в. углубляется различие в религиозных верованиях русских и болгар, что стало значительным препятствием к их объединению и ассимиляции.

Из работ А.П. Смирнова видно, что в XIII—XV вв. продолжается процесс консолидации и развития мордовского этноса, хотя он и пишет о русификации и отатаривании части мордвы.

Л.Д. Макаров (Ижевск, Удмуртский Госуниверситет)

А. П. Смирнов о древнерусском населении Прикамья

Древнерусские находки из средневековых памятников бассейна р. Камы так или иначе находились в сфере внимания А. П. Смирнова. Еще в конце 1920-х — 1930-х гг. ученый отмечал древности, попавшие в Прикамье с территории Древней Руси с их носителями или в результате импорта. Так, говоря о поселениях бассейна р. Валы XII—XVI вв., А. П. Смирнов неоднократно описывает раннегончарную керамику слабого обжига с примесью песка, серого, черного, желтого, коричневого цветов, иногда с черным лощением и линейно-волнистым орнаментом. Часть этой керамики, по-видимому, связана с древнерусским населением. Для более определенных выводов необходимо выявление этих материалов в музейных фондах. Славянские аналогии ученый широко использовал при атрибуции памятников чепецкой культуры.

На основании находок по течению р. Вятки вещей древнерусского происхождения, в том числе денежных слитков и керамики, А. П. Смирнов указывает, что «славянское воздействие в начале II тысячелетия н. э. было не мимолетным, а более или менее постоянным». Опираясь на разработки А. А. Спицына по средневековым городищам, он отмечает на некоторых из них (Ковровском и Котельничском) «черепки славянской керамики, украшенной резным волнистым орнаментом, ... которые свидетельствуют о проникновении славян». Относительно возникновения Вятской земли ученый опирался на данные «Повести о стране Вятской», датируя появление новгородцев на Вятке концом XII в. Именно с разгромом чепецких городищ новгородцами связывал А. П. Смирнов запустение большинства из них к концу XII в. Отметим, что он неправомерно называет здесь новгородцев ушкуйниками — последние известны в летописях лишь со 2-й половины XIV — начала XV в. Что касается запустения городищ, то оно относится скорее к 1-й половине — середине XIII в., и, вероятнее всего, связано с монгольским нашествием и его последствиями. Во всяком случае, этот вывод справедлив по отношению к городищу Иднакар.

Касаясь истории Верхнего Прикамья, А. П. Смирнов отмечал проникновение сюда «славянизированных болгар» по реке Каме и

собственно славян из новгородских земель по р. Вычегде и указывал на древнерусские находки, попавшие сюда либо через Волжскую Болгарию, либо непосредственно из Руси: киевские браслеты-наручи, браслеты с проволоочной оплеткой, лунницы, височные подвески, перстни, бусы, гребни, керамику. Часть выводов ученого, безусловно, требует корректировки, в частности, мысль о славянизации болгар — правомернее говорить об обратном, т.е. о процессе болгаризации славян либо о древнерусском компоненте (см. об этом ниже). Требуют проверки и сведения Н. Н. Новокрещенных, обнаружившего в одном из 8 курганов у д. Плехановой «фрагменты посуды, сделанной на гончарном круге из глины без примеси раковины», что дало основание А. П. Смирнову высказать предположение, «что эти курганы насыпаны пионерами славянской колонизации края». В литературе этот могильник отнесен к неволинской культуре бассейна р. Сылвы конца IV—IX вв. Однако появление древнерусских материалов здесь фиксируется еще с XI—XII вв., а начало проникновения поселенцев из Древней Руси приходится на вторую половину XII в.

Наиболее пристальное внимание древнерусской культуре Прикамья А. П. Смирнов уделил, естественно, в трудах по истории Волжской Болгарии. Этот сюжет в работах ученого уже рассматривался М. Д. Полубояриновой, поэтому коснемся его лишь вкратце. Исследователь обратил особое внимание на взаимоотношения Древней Руси и Волжской Болгарии, подчеркнув многообразие параллелей в технологии производства и формах предметов материальной культуры обоих государств. Основные идеи А. П. Смирнов развил затем в книге «Волжские булгары». Здесь он коснулся преимущественно политической и военной истории взаимоотношений соседних стран, проанализировал сообщения Ибн-Фадлана и русских летописей и выделил заметное русское наследие в материалах болгар. Ученый, основываясь на открытии в ремесленном квартале Болгара славянского жилища с находками керамики, крестов и височных колец XI—XII вв., а также значительного количества курганный керамики XI—XIV вв., пришел к выводу «о большом влиянии русской культуры на сложение культуры волжских болгар в период X—XIV вв». Интенсивные раскопки городов Волжской Болгарии привели к обнаружению новых древнерусских находок, позволивших А. П. Смирнову дополнить свои наблюде-

ния. Например, на Болгарском городище к западу от соборной мечети выявлены остатки дома с русскими украшениями и деревянная мостовая шириной более 2 м, которые он связал с проживанием здесь русского купца. Говоря о мирных экономических связях между народами, А. П. Смирнов отмечал наибольшую концентрацию древнерусских предметов в западной половине Волжской Болгарии, преимущественно в Западном Закамье.

Значительная часть наблюдений и выводов А. П. Смирнова нашла подтверждение в исследованиях последующих лет. Весьма плодотворной оказалась идея о смешении волжских болгар и выходцев с территории Древней Руси, о чем свидетельствуют материалы археологических памятников — могильников и поселений. Активное взаимодействие этносов проявилось и в возникновении керамических традиций — появление групп «славяноидной» керамики. Аналогичные группы керамики выявлены также в Марийско-Чувашском Поволжье, на Средней Вятке, на памятниках чепецкой культуры, в верховьях р. Иньвы Верхнего Прикамья, в Среднем Прикамье и практически всегда сопровождаются собственно славянской посудой, что свидетельствует о проживании на поселениях смешанного славяно-финно-пермского населения. Не исключено, что носители «славяноидной» керамики расселились в этих регионах из района Нижнего Прикамья после разгрома Волжской Болгарии Батыем, и их можно связать с летописными «серебряными» болгарами, в составе которых заметную роль играл древнерусский компонент.

*Н.И. Шишлина, А.Л. Александровский,
Йоханнес ван дер Плихт, О.А. Чичагова
(Москва, ГИМ, ИГ РАН, Голландия)*

Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы

Применение ускорителя (AMS) при радиоуглеродном датировании значительно расширяет возможности построения точной C^{14} хронологической шкалы, в частности, для решения проблемы хронологии ямной и катакомбной культур Калмыкии эпохи бронзы. С его помощью впервые на рассматриваемых памятниках региона

удалось датировать микрообразцы 0,01-1г: органические подстилки, уголь из курильниц, ветки, фрагменты колеса и др. Полученные результаты показали, что даты AMS точнее, чем полученные ранее обычным сцинтилляционным методом. Так, для анализа были использованы микрообразцы, многие из которых были очень малы даже для AMS ($<0,01\text{г}$). Тем не менее и по ним получились хорошие даты, хотя и имеющие погрешность до $\pm 60-80$ лет. В целом же разброс дат AMS был значительно меньшим, чем по обычным данным.

Отметим, что одним из важных методических подходов к проблеме хронологии с использованием C^{14} метода считаем возможность проведения “перекрестного” датирования, заключающегося во взаимной корректировке абсолютных радиоуглеродных и относительных хронологических дат: в получении парных, тройных и т.д. дат по одному погребению; в проверке точности датирования сериями дат, полученными для единого курганного комплекса, где последовательность погребений четко фиксируется курганной горизонтальной и вертикальной стратиграфией.

Сопоставление 15 новых AMS дат с обычными, полученными ранее, показало следующее:

1. Даты по кости человека во многих случаях моложе ожидаемого временного интервала, к которому ближе калиброванные даты. Полученные даты по другим материалам несколько древнее. Например, Зунда-Толга, курган 9, погребение 1: 3580 ± 35 лет назад (ИГАН-1792, дата получена по кости человека), 3910 ± 40 (GrA-10045, угольки из курильницы).

2. Датирование серии погребений позволило выявить среднюю дату по методу Weiss и др. Например, для погребения 1 кургана 8 могильника Зунда-Толга: 3670 ± 35 (ИГАН-1793, кости человека); 3970 ± 50 (GrA-10165, древесина); 3975 ± 40 (GrA-10043, камыш со дна могилы), 3840 ± 60 (GrA-10575, ветки из перекрытия могилы) — 3865 лет. Однако, исходя из того, что среди AMS наиболее достоверны даты с погрешностью $\pm 40-50$ лет, предпочтительными датами являются 3970 ± 50 , 3975 ± 40 лет назад.

3. Были получены даты по погребениям, которые из-за отсутствия традиционного датируемого материала (например, плохая сохранность костей человека, отсутствие деревянного перекрытия) выпадали из общей базы данных. Благодаря возможности проана-

лизировать микрообразцы, были получены C14 даты по целому ряду погребений. Например, Зунда-Толга, курган 9, погребение 2: 3980±80 (GrA-10685, микрофрагменты деревянного заслона входа в катакомбу); Элистинский могильник, курган 8, погребение 6: 3980±70 (GrA-10682, микрофрагмент деревянного колеса).

Таким образом, новая серия C14 дат подтвердила правомерность удревнения хронологии культур эпохи бронзы. Отметим, что калибровка дат и переход от радиоуглеродного времени, имеющего некоторые искажения, к календарному, удревняет их еще более. Решение проблем хронологии позволяет продолжить работу по определению возраста отдельных могильников, наметить характер освоения раннекатакомбными племенами новой экологической ниши, указать на вероятные внутрилокальные передвижения отдельных племен.

Н.И. Шишлина, А.А. Гольева (Москва, ГИМ, ИГ РАН)

Палеоэкология Калмыкии в бронзовом веке*

С точки зрения экологии степные и пустынные регионы Северной Евразии разделяются на несколько широтных зон, различающихся по характеру растительности. Степные ландшафты рассматриваются нами как экологические микрониши, изучение которых позволит оценить смену локальных культурных традиций в эпоху бронзы. Полагаем, что анализ каждого из компонентов ландшафта — животных, растений, почв позволит определить динамику климатических изменений и воссоздать общие условия палеосреды во времени и пространстве.

Одним из таких исследовательских полигонов стали калмыцкие степи. Благодаря раскопкам курганов ямной (первая половина III тыс. до н.э.) и катакомбной (вторая половина III тыс. до н.э.) культур отобрано большое количество почвенных образцов (из естественных разрезов и под курганами), которые были обработаны методом комплексного биоморфного анализа: изучались мик-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 97-06-80141 и National Geographical Society, проект № 6341-98

рочастицы биогенной природы (пыльца, фитоциты, споры, растительный детрит). Таким образом, курган рассматривался нами не только как историко-археологический памятник, дающий представление о культурной принадлежности носителей, его создавших, или объект для фиксирования временного интервала этого события (относительного — с помощью данных курганной стратиграфии, и абсолютного — с помощью метода радиоуглеродного датирования), но также как комплекс, содержащий конкретную информацию о растительном покрове местности, где был насыпан курган на момент его возведения, степени сохранности этого покрова и характере антропогенного воздействия; общей продуктивности локальных пастбищ; времени (сезона) сооружения основного погребения (возможно, и впускных), а также о характеристике структуры “археологического слоя” самого погребения (анализ деревянных перекрытий, подстилок и циновки, органической утвари). Полагаем, что важным моментом в этой работе являлась возможность параллельного контроля полученных данных независимыми методами разных естественных наук (например, перекрестное определение времени (сезона) совершения погребения по зубам животных (методика Г.А. Клевезаль), соотнесение реконструируемых растительности и животного мира (определения И.В.Кирилловой) и т.д.

В качестве примера приведем результаты исследований курганов 8 и 9 могильника Зунда-Толга (Ики-Бурульский район).

Курган 8 (катакомбная культура) сооружен в местности, где преобладали растения сухих степей: почвы под курганами содержат большое количество форм степных и сухостепных растений, среди которых центральное место занимают полыни. Необходимо отметить угнетенный характер полученных форм, что является результатом либо ветровой эрозии, либо антропогенного воздействия: местные стада домашних животных вытоптали пастбища, что ухудшило характер травостоя. Отсутствие пылевых зерен указывает на вероятный сезон сооружения основного погребения: это могли быть ранняя весна, осень или зима. При оформлении могилы использовались растительные циновки — стены задрапированы тростниковыми занавесками. В сосуде, вероятно, находилась какая-то растительная масса (каша?), либо использовалось несколько видов растительных специй.

Характер растительного покрова на локальном участке, где был сооружен курган 9 (катакомбная культура), был аналогичным. Основное погребение 1, вероятнее всего, было сооружено в конце зимы — ранней весной, о чем свидетельствует полное отсутствие пыльцы как в могильной яме, так и на деревянном перекрытии.

По курганам 4 и 7 получены близкие или аналогичные характеристики.

Данные цементного анализа зубов овцы из жертвенника основной могилы кургана 9 (анализ Г.А. Клевезаль и Ю. Труновой) также указали на вероятное время года ее сооружения — весна. Явное преобладание костей мелкого рогатого скота во всех 10 катакомбных погребениях могильника Зунда-Толга вполне соотносится с реконструируемым растительным покровом: полынные пастбища наиболее продуктивны именно для овец, которые поедают 46 видов полыней.

Таким образом, анализ палеоэкологических материалов позволил предположить, что в эпоху катакомбной культуры в Калмыцкой экологической нише фиксируется быстрая смена природно-климатических условий: эпоха ямной культуры характеризовалась относительно влажным климатом и доминированием степной растительности, в катакомбное время климат был сухим, преобладала сухостепная и полупустынная флора. Результаты содержания и распределения фитолитов в почвах под курганами, сооруженными над катакомбными погребениями, свидетельствуют об интенсивном развитии ветровой эрозии, которая способствовала уничтожению верхнего, наиболее плодородного, слоя почвы. Также фиксируется усиленный выпас скота и даже перевыпас на месте сооружения курганов могильника, что усилило интенсивность эрозионных процессов. Установлено разнообразное использование текстильных изделий из рогоза, камыша, плетеной утвари в погребальном обряде катакомбников, что также является характеристикой местного или ближайшего ландшафта: рогоз и камыш растут у озер и рек.

Такая детальная многообразная информация о конкретном палеоландшафте позволит в будущем по-новому рассмотреть экологические аспекты изучения подвижного пастушества в локальных нишах, выявить различия региональных форм и оценить вклад носителей разных хозяйственных систем в развитие подвижных форм скотоводства.

В.А. Демкин, Т.С. Демкина

(Пушино, Институт фундаментальных проблем биологии РАН)

**Палеоэкологические условия лесостепного Заволжья в эпоху бронзы
(по данным почвенно-археологических исследований)***

В последнее десятилетие широкое распространение приобрели палеопочвенные исследования грунтовых памятников древней и средневековой истории, прежде всего курганных сооружений. Эти работы заметно расширили представления о динамике природной среды и ее роли в жизни населения прошлых эпох. Своими корнями интеграция почвоведения и археологии уходит еще в XIX — начало XX в. и связана с именами известных ученых Ф.И.Рупрехта, В.В. Докучаева, В.А.Городцова. Затем в течение полувека данная проблема практически не разрабатывалась. Не будет преувеличением сказать, что в основе нынешнего своего рода бума почвенно-археологических исследований лежит проблемная статья Алексея Петровича Смирнова (в соавторстве с Н.Я. Мерпертом) “Археология и некоторые вопросы почвоведения”, опубликованная в журнале “Советская археология” в 1960 году (№4). Она сразу получила отклик в среде почвоведов и фактически инициировала работы в этом направлении, в частности, исследования казанских ученых под руководством П.В.Маданова. Уже в 1967 г. вышла их монография “Вопросы палеопочвоведения и эволюции почв Русской равнины в голоцене”, до сих пор служащая настольной книгой для исследователей, занимающихся вопросами естественнонаучного изучения археологических памятников. Таким образом, не очень известная сторона научного наследия А.П.Смирнова тем не менее сыграла большую роль в становлении и развитии в 60—90-е гг. нового междисциплинарного направления — археологического почвоведения.

Наши исследования проводились в лесостепном Самарском Заволжье в подзоне типичных черноземов (долина р.Сок, левый приток Волги). Объекты расположены у с.Лопатино Красноярского района Самарской области. Изучена палеопочва, погребенная под курганом ямной культуры бронзового века (рубеж III—II тыс.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 96-06-8006 и фонда Сороса 1994 г.

курганная палеопочва относится к лугово-черноземной тяжело-суглинистой. Ее профиль стратифицирован на горизонты А1, В, ВС и С (с 85 см) (рис.1). Границы между ними ровные, языковатость отсутствует. Реконструируемое содержание гумуса в гор.А1 7–8% и с глубиной резко убывает. В большом количестве присутствуют мелкие пятна ожелезнения. Вскипание отмечается с 35 см. При высоком содержании карбонатов (до 14%) их новообразования отсутствуют. До 250 см почвенно-грунтовая толща выщелочена от легкорастворимых солей и гипса, преобладающий тип ее химизма гидрокарбонатно-натриевый. Морфологические признаки солонцеватости выражены очень слабо, хотя содержание обменного натрия в гор.В составляет почти 10%.

В настоящее время участок террасы, где расположен курган, занимает чернозем остаточно-луговой, исследованный разрез которого находится в 100 м от археологического памятника (рис.1). Характерными особенностями этой почвы являются: языковатость гумусового профиля; высокая карбонатность (до 15–16% CaCO_3) при отсутствии сегрегированных макроформ; наличие во втором метре легкорастворимых солей (более 0,3%) и гипса (свыше 0,5%); сульфатно-натриевый тип засоления; слабая солонцеватость в гор.В, выражающаяся в комковато-призматической структуре; сильная перерытость профиля землероями и др.

Сравнительный анализ свойств изученных разновозрастных почв дает основания говорить о смене на протяжении эпох средней и поздней бронзы гидроморфных и полугидроморфных условий почвообразования автоморфными. В первую очередь этот процесс был обусловлен развитием речной долины (снижение базиса эрозии, падение уровня грунтовых вод и др.). Ранее нами установлено, что в степных районах Заволжья и Южного Приуралья в первой половине II тыс. до н.э. усилилась степень континентальности и засушливости климата. В ряде районов это привело к сдвигу природных рубежей к северу, формированию языковатого гумусового профиля, в частности, в черноземах и темно-каштановых почвах Приуралья. Поэтому есть основания полагать, что в пределах исследуемого участка левобережья Сока 4000–3500 лет назад террасовые остаточно-луговые черноземы эволюционировали в черноземы типичные, в которых к середине II тыс. до н.э. в результате морозобойного растрескивания нижняя граница гумусового го-

ризонта приобрела языковатую форму. Прежде всего это свидетельствует о заметном снижении зимних температур в эпоху средней бронзы.

В.А. Лопатин (Саратов, Госуниверситет)

**Раннесрубный компонент в керамическом комплексе
Смеловского грунтового могильника**
(опыт пространственно-временного анализа
типообразующего признака)

Среди 119 захоронений Смеловского грунтового могильника обращают на себя внимание пять погребений с оригинальной керамикой. Оригинальность этой группы сосудов заключается в удивительной близости (однотипности) орнаментальных композиций. Объединяющим элементом здесь является наличие в декоре подтреугольных оттисков, которые расположены на внешней поверхности сосудов в один, реже — в два опоясывающих ряда, и, как правило, сочетаются с горизонтальными линиями, выполненными зубчатым штампом. Зона декора размещена в верхней части сосудов.

В целом композиции вариативны: две линии + один ряд треугольников (погр. 63); четыре линии + один ряд треугольников (погр. 69); один ряд треугольников + шесть линий + один ряд треугольников (погр. 78); три линии + один ряд треугольников (погр. 101); ряд косых оттисков короткого штампа + один ряд треугольников (погр. 108).

Небезынтересно, что все погребения, в которых встречена эта керамика — детские. Все умершие похоронены в традиционно срубной обрядности — скорченно, на левом боку, в позе адорации, головой к ССЗ, в грунтовых ямах подпрямоугольной формы, за исключением погребений 69 и 101, которые были устроены в надматериковом грунте. Следы подсыпок, органики и огня здесь не отмечены. В комплексе с сосудами зафиксированы: бронзовые височные подвески овальной формы, свернутые в полтора оборота, и кости лошади (погр. 78); альчики мелкого рогатого скота (погр. 101); баночный сосуд с нерегулярной орнаментацией и кости мелкого рогатого скота (погр. 108).

Зафиксированы два случая прямой стратиграфии. В одном случае комплекс перекрыт детским погребением с неорнаментированным сосудом, который, скорее всего, относится ко времени развитой культуры; в другом — парное детское погребение этой группы перекрывает более древнее захоронение, где взрослый человек лежал в позе «скачущего всадника», головой к ССВ, в сопровождении костей мелкого рогатого скота.

На фоне пестрого разнообразия керамики Смеловского могильника указанный блок сосудов выглядит компактно. С одной стороны, напрашивается вывод об их принадлежности к некой конкретной родовой группе. С другой, — вполне очевидна стойкость определенной гончарной традиции, в корне отличной как от яркой покровско-потаповской, участвующей в культуuroобразованием, так и от готового производного — весьма монотонной рядовой срубной посуды.

Поиск аналогий в материалах широкой географической зоны, от Северного Приазовья и Поднепровья до Южного Зауралья, показал весьма значительную пространственно-хронологическую устойчивость указанного типобразующего признака. В частности, установлено, что наиболее близки смеловским экземплярам два сосуда саратовского Поволжья — один из раскопок кургана около пос. СХИ, второй — из материалов поселения покровского времени Вишневое.

Хорошо заметна связь рассматриваемого орнаментального элемента с технологическими приемами уплотнения на швов стыках сложных керамических форм.

Очевидна преемственность подтреугольных оттисков с зигзагами и свисающими треугольниками, которые также обычно сопровождаются горизонтальными линиями.

В раннесрубное время такое построение орнамента представляется строго канонизированным, генетически восходящим к позднеполтавкинским аналогам Южного Приуралья. Подобный элемент орнамента отмечен даже в раннекатакомбных материалах Донецкого региона.

В степном Волго-Уралье этот элемент маркирует все раннесрубные поселения, в более позднее время он часто встречается в материалах подкурганных захоронений и поселений, но уже как самостоятельный, не всегда сочетающийся с горизонтальными линиями.

В памятниках эпохи финальной бронзы подтреугольные оттиски, иногда принимающие формы полуокружностей, есть в черкаскульских и межовских комплексах, на федоровских и бишкульских сосудах, в том числе происходящих со срубно-хвалынских поселений.

Подобный тип орнаментации полностью отсутствует в керамических комплексах синташтинских, абашевских, потаповских, покровских и раннеалакульских памятников.

На основании изложенного представляется, что выразительная группа керамики из Смеловского могильника могла быть частью местного степного компонента, который во взаимодействии с потаповско-покровскими элементами участвовал в процессе становления раннесрубного пласта культуры. Достаточно целостный в культурном отношении, он сформировался на основе местных степных традиций, выросших из эпохи средней бронзы в результате сложных этнокультурных миксаций. Подобный тип орнаментальной композиции (горизонтальные линии в сочетании с нижележащими треугольниками и зигзагами) возникает еще в ямное время и особенно выразителен в приуральских материалах. Он весьма характерен для раннесрубной культуры и именно в покровское время. В ходе развития культуры эта орнаментальная композиция — как один из наиболее четких типобразующих признаков, — широко распространяется в степной и лесостепной полосе Евразии, преимущественно в материалах срубных памятников. Такой элемент орнамента, как подтреугольный оттиск, был заимствован, пожалуй, только одной сопредельной культурой Зауралья — федоровской. В несколько трансформированном виде он возвращается в Поволжье в срубно-хвалынское время именно на федоровско-бишкульских сосудах.

Р.С. Багаутдинов, А.И. Крамарев, В.А. Скарбовенко
(Самара, Госуниверситет)

Раскопки курганов эпохи поздней бронзы в лесостепном Ульяновском Заволжье

С 1986 по 1992 г. археологической экспедицией Куйбышевского (ныне Самарского) университета произведены раскопки 50

курганов эпох бронзы (43) и средневековья (7) в лесостепном Заволжье, на территории Старо-Майнского района Ульяновской области.

Исследованием был охвачен участок водораздельного пространства между долинами рек Майны и Уреня (левых притоков Волги) от с. Дмитриево-Помряскино на юге до пос. Прибрежного на севере, к востоку от шоссе Ульяновск — Старая Майна. Работы велись на могильниках Урень I (8 курганов), Урень II (21 курган), Урень III (5 курганов), Урень IV (1 курган) севернее с. Дмитриево-Помряскино, располагавшихся почти непрерывной цепью вдоль широкой и неглубокой ложбины, впадающей справа в долину р. Уреня, а также на могильниках Кременки I (2 кургана), Чалга I (4 кургана) и Чалга II (2 кургана) в окрестностях пос. Прибрежного, в центральной возвышенной части водораздельного плато. Могильники Урень I, II, III и Чалга II раскопаны полностью, остальные — частично. На указанной территории раскопки курганных могильников ранее не предпринимались и исследованная группа памятников, таким образом, в некоторой степени заполняет территориальный пробел между двумя массивами погребальных памятников эпохи бронзы: в низовьях Камы и Самарском Заволжье.

Преобладают могильники, образованные цепочкой курганов (Урень I–IV, Кременки I, Чалга II), в одном случае все курганы располагались компактной группой (Чалга I).

Для внутрикурганной планиграфии характерно использование двух ведущих идей устройства подкурганной площадки: *центрической*, при которой местоположение каждого погребения соотносится с мысленно выделенным центром подкурганного пространства — в эту группу входят курганы с так называемыми центральными погребениями, единственными в курганах или попарно расположенными относительно центра кургана, а также различные варианты кольцевого размещения периферийных погребений (34 ед., 79,1 %); *рядовой*, при котором погребения пересекают площадку от одного края к другому, образуя полосу в один или несколько рядов (5 ед., 11,6%).

В общей сложности под насыпями 43 курганов эпохи бронзы было обнаружено 243 могильных ямы (от 1 до 29 в кургане), в которых было захоронено не менее 263 человек. По способу погребения выделяются: трупоположения, трупосожжения и кенота-

фы. Все они в той или иной степени характерны для погребальных памятников срубной культуры лесостепного Поволжья. Достаточно редкими выглядят погребения, совершенные по смешанному способу захоронения — ингумация и кремация в одной могиле. Среди других погребальных памятников срубной культуры нам известно только 7 подобных захоронений, 4 из которых выявлены в могильниках лесостепной (Кайбелы к.23 п.26; Маклашеевка III к.6 п.3, Рождествено I к.3. п.8, к.5 п.3) и 3 — степной полосы Урало-Волго-Донского междуречья (Натальино II к.17 п.3; Алексеевский левобережный грунтовой могильник п.38; Северский Донец).

По количеству погребенных в одной могиле все захоронения делятся на индивидуальные, двойные (в т.ч. парные) и коллективные. Массовой формой погребения являются индивидуальные трупоположения, скорченные на левом боку, с руками, расположенными у лица или перед грудью — поза, получившая в литературе название срубной обрядовой нормы, или стандарта (от 77% до 100%). Практически во всех могильниках встречены отличные или особые формы погребений. «Особость» эта выражается в отклонениях от обрядовой нормы как в количественном отношении (более одного погребенного в могиле), так и в способе обращения с умершим и придании ему особой позы при захоронении. К особым формам погребений нами отнесены: 2 тройных и 7 двойных захоронений; 5 — погребений с захоронением умерших на правом боку, 1 на спине; 2 — на левом боку, но с одной или двумя руками, вытянутыми к коленям; еще 1, также на левом боку, но с отсечением рук; 8 кремаций, 6 биритуальных погребений и 1 кенотаф.

Погребальный инвентарь представлен керамикой, оружием и орудиями труда, украшениями, принадлежностями конской упряжи (псалиями) и костяными поделками.

Наиболее многочисленная категория инвентаря — керамика. Она обнаружена в 227 погребениях (93,4% от общего количества) и насчитывает 346 сосудов баночной (62%) и горшковидной (38%) форм. Орнаментировано около 1/3 всех сосудов. Другие категории инвентаря: бронзовые ножи (4), кремневые и костяные наконечники стрел (23), бронзовые шилья (2), стрела (3), узкожелебчатые браслеты (17), височные подвески в полтора оборота (3), бинноклевидные пронизки (18), фигурная нашивная пластинка с оч-

ковидными завитками и пуансонным орнаментом по краю (1), сурьмяные (5) и каменная (1) ромбовидные подвески, клыки-амулеты (16) и др.

Значительная часть керамики имеет ярко выраженные покровские черты: сосуды подколоколовидной формы, с высокой шейкой, часто утолщенным венчиком и тонким дном, внутренним ребром и характерными расчесами на поверхности. На ряде сосудов отмечены признаки, типичные для керамики синташтинской (могильники Урень I, II, Чалга I) и отчасти петровской (Урень III) культур. В основном это узкодонные (кубковидные) сосуды или сосуды с оформленной ножкой. Синташтинские традиции проявляются в орнаментации сосудов, в частности, в наличии таких фигур, как «пирамидки», «уточки», треугольники вершинами вниз, налепные шишечки и др., а также в повторении геометрических фигур, четко привязанных к определенным частям сосуда. Необходимо отметить, что сосуды с «восточными» чертами найдены в одних погребениях с покровскими сосудами. Интересен тот факт, что почти вся посуда, имеющая инокультурные признаки, обнаружена в могилах, отмеченных особыми формами погребального обряда. Чаще всего она встречалась в погребениях с трупосожжениями и биритуальных могилах.

Один сосуд (Урень III к.22 п.4) орнаментирован жемчужинами. Подобный орнамент имел широкое распространение в памятниках поздняяковской культуры.

Сосуды горшковидной формы с высокой шейкой (Урень I, II) можно соотнести с сосудами займищенского типа приказанской культуры, выделенные А.Х. Халиковым на материалах памятников Татарии.

Некерамический инвентарь зафиксирован в 33 погребениях (13,6% от общего количества), из которых только 6 (4,3% от числа детских) являлись индивидуальными детскими захоронениями. Остальные вещи находились в погребениях, где были захоронены взрослые люди, а также в погребениях особых форм, что еще раз подчеркивает отражение социальной и возрастной дифференциации в погребальном обряде срубной культуры.

Наиболее информативным с точки зрения культурно-хронологической интерпретации материалов является погр. 1 кург. 6 могильника Урень I. Единственное в кургане захоронение было со-

вершено по обряду трупосожжения. На краю могилы зафиксирован жертвенник — уложенные особым образом черепа и кости конечностей жеребят. Могильная яма перекрыта мощным накатником, стенки обложены корой, по периметру дна ямы проходила канавка. Погребение было ограблено. Уцелевший инвентарь состоял из двух костяных псалиев, бронзового ножа, кремневого наконечника стрелы и фрагментов как минимум от шести сосудов.

Псалии подпрямоугольной формы, с округлыми отверстиями в центре, один из них с 6 небольшими отверстиями по периметру, другой — с 4 монолитными шипами. Аналогии данным находкам нам неизвестны. Наиболее близкие по типу псалии обнаружены в Потаповском могильнике (к.3 п.4) и в Синташтинском могильнике. В.С.Бочкаревым высказано предположение о том, что для Покровки характерны орнаментированные псалии со вставными шипами, а для Синташты — монолитные псалии без орнамента. Бронзовый нож узкий, плоский в сечении, имеет стержневидный насад и длинный перехват. Керамика из погребения характеризуется ярко выраженными покровскими признаками. Таким образом, в кургане представлены черты как синташтинской, так и покровской культур, что может свидетельствовать либо о контакте данных культурных образований (Покровки и Синташты) на достаточно раннем этапе, либо о генетической связи между ними.

Несмотря на определенные различия, которые нагляднее всего отражены в керамике, все раскопанные курганы могут быть отнесены к единому культурно-хронологическому горизонту и связаны, очевидно, с конкретными (племенными?) группами населения, оставившими в Поволжье памятники покровского типа. Наличие «восточных» (синташтинских и др.) черт в погребальном обряде и инвентаре, особенно в керамике, вероятно, указывает на исходную территорию обитания племен, оставивших могильники Уреньской группы. Не исключено, что эти памятники отражают процесс продвижения «уреньского» населения в Ульяновское Заволжье. Именно районы Приуралья могли быть местом интенсивных контактов, следствием которых стало формирование культурного облика будущих обитателей лесостепного Поволжья.

Вопросы соотношения памятников типа Покровки и Синташты сегодня не вполне ясны. Но уреньские материалы наглядно

демонстрируют комплексы, содержащие вещи как покровских, так и синташтинских культурных традиций.

В процессе заселения территории Ульяновского Заволжья срубные племена взаимодействовали с населением более северных районов, в частности, с носителями поздняяковской, а возможно, и приказанской (займищенского типа, по А.Х. Халикову) культур.

Д.А. Хоркин (Саратов, Центр «Поиск»)

Производственно-ритуальная постройка на срубном поселении Усть-Курдюм под Саратовом

Интерпретация и последующая классификация построек на поселениях эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии традиционно опираются на такие данные, получаемые в процессе раскопок, как керамическая серия, набор орудий труда, система размещения очаговых, хозяйственных и столбовых ям. В.А. Лопатин, классифицируя постройки срубных поселений Заволжья с учетом господствовавшего у племен этой эпохи пастушеско-земледельческого уклада хозяйства, выделил четыре основных типа построечных комплексов: хозяйственно-жилая постройка, чисто жилая, чисто хозяйственная и производственная. Исследования, предпринятые на поселении срубной культуры у с. Усть-Курдюм, позволяют дополнить этот типологический ряд.

В процессе раскопок 1995–1996 гг. в частично разрушенном полуземляночном строении зафиксированы свидетельства металлообработки срубной культуры. С поселения происходит комплект из двух керамических односторонних пятипредметных литейных форм, предназначенных для отливки ножей, тесел, долот и стержней, набор кузнечных инструментов, обнаруженный вместе с формами в специально устроенной яме, фрагмент трехпредметной литейной формы для отливки серпов, целая серия пестов и абразивов и ряд других предметов производственного назначения.

Вместе с тем, результаты раскопок 1997–1998 гг. свидетельствуют о существовании в усть-курдюмской постройке ритуального комплекса в виде системы из четырех углубленных в материк до 0,6 м ям с неординарным содержимым (кусочки охры, пережженные кости, глиняные колесики от моделей повозок, votивный «хле-

бец», альчики и некоторые орудия производства). Исследованный комплекс был истолкован как алтарь-жертвенник.

Постройка полуземляночного типа на поселении Усть-Курдюм, очевидно, более чем наполовину размыта рекой. Прослеженные очертания позволяют отметить ее подпрямоугольную форму (ширина 10–12 м) и наличие остатков бокового помещения с западной стороны. Столбы каркаса не были зарыты в грунт, так как столбовых ямок не прослежено. Классифицировать усть-курдюмское строение как жилище нельзя (отсутствуют пристенные земляные нары, не обнаружены характерные для срубных поселений зольники, недостаточно развита система хозяйственных ям).

Налицо ярко выраженная ремесленная специализация постройки и взаимосвязанный с ней культовый комплекс. Необходимо отметить, что именно поселения, связанные с металлургией и металлообработкой, чаще всего имеют в своих материалах артефакты, иллюстрирующие развитую систему мифологический представлений того времени. Следы древних культов обнаружены на Мосоловке, Усовом Озере, Преображенке, Липовом Овраге, Макаровской Речке.

Металлургия и металлообработка первыми из придомных производств выросли до уровня обособленного ремесла. Производство металлических изделий, вероятно, сопровождалось разнообразными ритуалами, отличными от отправления традиционных домашних культов. Если учесть, что тезис о замкнутости мастеров-литейщиков в социальной структуре той эпохи не вызывает сомнений, можно предположить, что в Усть-Курдюме мы имеем дело с производственно-ритуальным типом постройки. Эта конкретная специализация отвечала необходимости вынесения в отдельное помещение трудоемкого ремесла и обязательного проведения сопутствующих сакральных действий.

В.В. Ставицкий

(Пенза, Объединенный краеведческий музей)

Фатьяно-балановские древности в верховьях Суры и Мокши

Во время составления «Свода археологических источников» по балановской культуре с территории пензенского течения рек Суры и Мокши О. Н. Бадеру и А. Х. Халикову было известно 47

находок сверленных топоров и 2 местонахождения керамики. Ранний облик значительной части этих материалов позволил сделать вывод о том, что движение раннебалановских племен в центр среднего Поволжья проходило по юго-восточным притокам Оки, через Суру на Свиягу. Исследования последних лет и картирование ранее неизвестных находок каменных топоров позволили уточнить некоторые из высказанных авторами свода положений.

К настоящему времени известно уже 132 топора, найденных в Пензенской области. Около половины этих орудий относится к ранним типам (клиновидные, молотковидные, песчиковые, втульчатые), что подтверждает точку зрения о раннем характере балановских древностей этого региона. Однако тезис о продвижении балановского населения через Суру на Свиягу представляется недостаточно обоснованным, поскольку в верхнем и среднем течении Свияги практически отсутствуют находки балановских древностей. Маловероятен и другой путь балановцев — вниз по течению Суры и далее на Свиягу, так как в Среднем Посурье находки раннебалановских древностей единичны. Кроме того, в верховьях Суры и Мокши балановские племена продолжали обитать и на следующем, атликасинском этапе развития, о чем свидетельствуют находки топоров с усеченно-коническим обухом и короткообушковых топоров.

По всей видимости, появление балановцев на Верхней Суре являлось не результатом их целенаправленного движения (натиска) на восток, а представляло собой постепенное освоение территорий с привычными и благоприятными для ведения их хозяйства ландшафтами. По наблюдениям В. Н. Шитова, поселения балановских племен в Посурье обычно привязаны к широколиственным лесам, главным образом, дубравам. Вероятно, верховья Суры и Мокши были конечным пунктом движения одной из балановских групп населения, поскольку природные условия этого региона их вполне устраивали, о чем свидетельствуют многочисленные находки сверленных топоров, часть которых была найдена при земляных работах и, скорее всего, связана с разрушенными балановскими захоронениями. Отдельные фрагменты балановских сосудов в последнее время обнаружены при исследовании неолитических

стоянок: Подлесное 7, Бессоновка 2 в Посурье, Волгапино, Ковыляй в Примокшанье. Правда, до сих пор здесь не обнаружено долговременных поселений. Однако в большом количестве долговременные поселения балановцев появляются только на атликасинском этапе, т. е. не ранее середины II тыс. до н. э. А до этого времени балановцы, впрочем, как и другие локальные группы населения, культуры боевых топоров на ранних этапах развития долговременных поселений не создавали. В начале 2-й половины II тыс. до н. э. верховья Суры и Мокши захлестнула мощная волна миграции племен срубной культуры, которая, видимо, поглотила местное балановское население. Об этом косвенно свидетельствуют находки отдельных фрагментов балановской керамики на срубном поселении Старое Захаркино и находка фатьяноидного фрагмента керамики на полу срубного жилища на поселении Смычка.

В.П. Челябинов (Рязань, НПЦ по охране памятников)

Ерахтур V – новое поселение поздняяковской культуры на Средней Оке

Открытие поздняяковской культуры в 20-х гг. XX в. произошло на основе исследований поселений.

Материалы большинства из них так и остались неопубликованными — это относится и к наиболее известным поселениям — Поздняковскому и Подборновскому. Новые памятники практически не раскапывались, а на большинстве вновь открытых поселений проводился только сбор подъемного материала и небольшие шурфовочные работы. Пополнение материалов замедлилось, что затрудняет изучение производственной деятельности и экономики поздняяковских племен. Поэтому открытие новых памятников и проведение на них широких исследований является первоочередной задачей в изучении истории племен поздняяковской культуры.

В 1997 г. экспедицией Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области были проведены работы на поселении Ерахтур V, расположенном на мысу правобережной террасы р. Оки, на северо-восточной оконечности старичного оз. Ерхинка, к северо-западу

от с. Ерахтур Шиловского района Рязанской области. В раскопе, где культурный слой достигал 1 м, собрана значительная коллекция керамики (2756 фрагментов), в основном относящаяся к поздняяковской культуре (98,3 %).

Интерес к поселению Ерахтур V вызывает то обстоятельство, что при сборе подъемного материала и в раскопе (16 кв. м) зафиксировано незначительное количество кремневых изделий (4 скребка и нож). Это не согласуется с устоявшимся мнением о широком использовании каменных орудий поздняяковцами. В этой связи не лишним будет напомнить, что в настоящее время существуют две гипотезы о происхождении поздняяковской культуры. Одни исследователи (О.Н. Бадер, А.В. Збруева, В.П. Третьяков, Т.Б. Попова и др.) считают, что поздняяковцы — это группа срубных племен, проникших в бассейн Оки и частично впитавших культурные традиции местных племен, другие (А.Х. Халиков, В.В. Никитин и др.) — что поздняяковская культура образовалась в результате трансформации волосовской под сильным влиянием лесостепных племен, в частности, срубных. Авторы той и другой гипотез используют для доказательства правоты своей точки зрения наличие кремневого инвентаря в поздняяковских памятниках. Первые считают, что на ранней стадии развития поздняяковской культуры количество кремневого инвентаря было минимальным, и только в дальнейшем под воздействием местных племен кремль стал широко использоваться в хозяйственной деятельности; вторые придерживаются диаметрально противоположного мнения — наибольшее число кремневых изделий встречается на ранних поздняяковских памятниках (наследие волосовской культуры) и только в поздний период их количество уменьшается.

Исследования последних лет и анализ старых коллекций дают возможность внести определенные коррективы в решение этой проблемы. Абсолютное большинство поздняяковских поселений открыто в пойме р. Оки и в устьях ее притоков, они располагаются на песчаных дюнах и останцах первых надпойменных террас, где поздняяковским материалам предшествуют культурные слои мезолита, неолита или энеолита. Песчаные дюны длительное время подвергались водной и ветровой эрозии. Более ранние культурные слои многих поселений нарушены как в результате хозяйственной деятельности поздняяковцев, так и в более позднее время.

В последние годы исследован ряд однослойных поселений, содержащих материалы практически только поздняяковской культуры. Здесь наблюдается другая картина. Кремневый материал немногочислен, большого разнообразия орудий не отмечено. Характерно, что и на ранее исследованных однослойных памятниках нет большого количества изделий из камня. Изучение материалов закрытых погребальных комплексов также не дает значительного набора кремневых изделий. В могилах находились наконечники стрел, скребки, ножи, иногда обломки серпов (Фефелов Бор). Так, в могильнике Лебяжий Бор наконечники стрел найдены в 5 из 41 погребения (12,2 %), других изделий из кремня не было. В Засеченском могильнике прослеживается аналогичная ситуация — кремневые наконечники стрел и один скребок найдены в 7 погребениях из 46 (13 %), а в 3 погребениях раскопанного кургана 1 могильника Березовый Рог кремневых орудий нет вообще. Близкая картина наблюдается и в других поздняяковских могильниках.

Таким образом, только проведение широких раскопок однослойных памятников позволит выделить характерный кремневый инвентарь и подойти к решению вопроса о его роли в хозяйственной деятельности поздняяковских племен.

С.Н. Кореньюк (Пермь, Госуниверситет)

**Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова
и новые данные в ее изучении**

Одним из ярких культурных образований раннего железного века лесной полосы Восточной Европы является ананьинская культура. А.П.Смирнов, понимая ключевое значение этой культуры в археологии Волго-Камья, всегда уделял ей пристальное внимание. В его трудах рассмотрена проблема происхождения культуры, очерчены границы распространения ананьинских памятников. При этом исследователь подчеркивал, что, занимая обширную территорию, ананьинская культура распадается на ряд вариантов, имеющих своеобразные черты. В работах А.П.Смирнова дана характеристика социального и экономического развития племен ананьинской культуры, показана неравномерность развития отдельных территорий

(отставание в развитии северного Приуралья от уровня населения Камы и Средней Волги). Его характеристики ананьинской культуры оказали существенное влияние на ход исследований Волго-Камья.

В последние годы появились работы, ставящие под сомнение существование не только ананьинской культуры, но и ананьинской культурно-исторической общности. Эти выводы, на наш взгляд, крайне неубедительны.

Одним из основных определяющих признаков археологической культуры является погребальный обряд. В археологическом значении обряд захоронения рассматривается как система встречающихся категорий признаков. В своей работе мы сравнили по 135 признакам обряд трех локальных территорий ананьинской культуры марийского Поволжья, Усть-Камья (казанского Волго-Камья) и южнотаежного Прикамья. Сравнение производилось по следующим категориям: 1) могильное сооружение; 2) останки погребенного; 3) ритуальные остатки; 4) сопровождающий инвентарь. Было зафиксировано большое сходство трех групп могильников по всем категориям погребального обряда в пределах от 78,5 до 91,6% (в среднем 88,1 – 88,7%), что говорит об однокультурности этих локальных вариантов.

Как одно из ярких своеобразий волжских могильников неоднократно отмечалось наличие сложных погребальных конструкций – домов мертвых. В последние годы аналогичные сооружения изучены автором и на ананьинских могильниках южнотаежного Прикамья (7 комплексов на Першинском и Залазнинском). Часть из них близка по конструкции “домам” Ст. Ахмыловского и Тетюшского могильников (рис.1, 1,3). Интересны три постройки с Першинского могильника с захоронениями по обряду кремации. Внутренние размеры всех трех сооружений близки – 3,5-3,6 x 2,9-3,3 м, пол углублен в материк на 0,4–0,5 м. У одной из поперечных стенок устраивался очаг. Вдоль остальных стен ставились берестяные округлые короба, по семь в постройке, с остатками трупосожжений. Близ них найдены развалы сосудов, единичные бронзовые, железные и кремневые вещи. По наружному периметру “дома” № 4 прослежены остатки бревенчатых стен (размерами 4,2 x 3,7 м), построенных с помощью пазово-столбовой техники (рис.1,2,4).

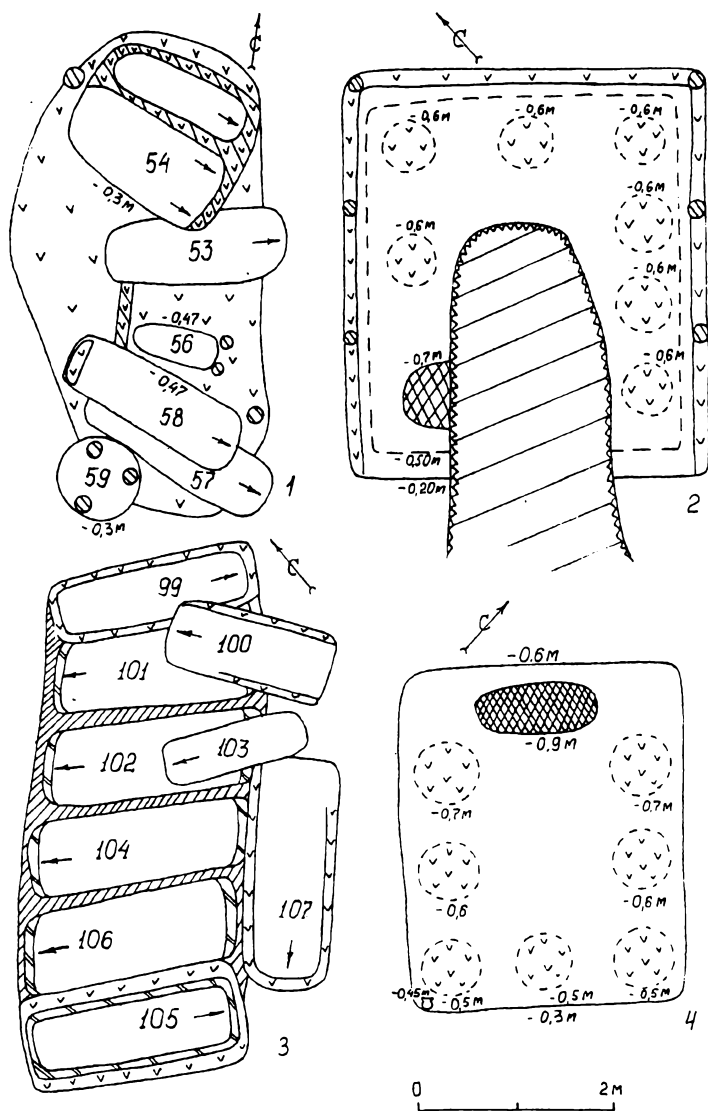

Рис.1. «Дома мертвых» могильников Южнотаежного Прикамья:

1 — Залазная, «дом» №2; 2 — Першино «дом» №4; 3 — Першино «дом» №1;
4 — Першино «дом» №2

Ранний этап ананьинской культуры традиционно датируется VIII–VI вв. до н.э., хотя еще в 1961 г. А.П.Смирнов, отмечая тенденцию к омолаживанию ананьинских памятников, предлагал датировать Акозинский могильник с IX в. до н.э.. С накоплением новых материалов необходимость пересмотра хронологии памятников ананьинской культуры и, в частности, удревнения ее ранних этапов, стала очевидной. Корреляция закрытых комплексов раннеананьинских могильников дала четкое деление вещевых комплексов на три группы (стадии).

Ранняя стадия на основании аналогий с материалами белозерской, черноговровской, протомеотской, кобанской (периода Кобан IIIA, по В.И.Козенковой), гальштаттских (периода На-B2) культур датируется концом X – IX вв. до н.э. Для второго периода (VIII – рубеж VIII-VII вв. до н.э.) определяющими становятся связи с кобанской культурой (периода Кобан IIIB); встречаются вещи, аналогичные позднечерноговровским, новочеркасским, раннесакским. В конце периода появляются образцы оружия, близкие скифским, например, биметаллические акинаки. Дата третьей стадии – VII – первая половина VI вв. до н.э. Диагностирующие комплексы содержат предметы раннескифского (2–3 этапов, по И.Н.Медведской) и сакского облика. В конце VII в. до н.э. прекращается функционирование ананьинских могильников Усть-Камья, что связано, на наш взгляд, с военной угрозой со стороны формирующейся савроматской культуры. Могильники марийского Поволжья использовались и в начале среднеананьинского этапа (до рубежа VI–V вв. до н.э.).

К.А. Смирнов (Москва, ИА РАН)

Еще раз о проблеме «отделившихся скифов»

В «Истории» Геродота в книге IV раздел 22 упомянуты скифы, отделившиеся от царских скифов. Указано место их нахождения – северо-восточнее йирков. В последнее время высказывалось мнение, что йирков следует отождествлять с населением, оставившим памятники дьяковской культуры. Значит, «отделившиеся скифы» жили в лесной полосе. При раскопках в лесостепи и в лесной зоне

было найдено большое количество скифских вещей и предметов, изготовленных по скифским образцам. Благодаря этому, были сделаны попытки сопоставить «отделившихся скифов» с носителями определенной группы памятников.

Б.А. Рыбаков поместил «отделившихся скифов» на среднем Дону, отождествив их с населением, оставившим воронежские курганы. Нельзя не признать, что по ряду показателей эти памятники точно соответствуют сведениям Геродота. По-видимому, номады, погребенные в курганах, жили рядом с населением, от которого остались только поселения, и занимали там господствующее положение.

В 1984 г. М.Н. Погребова и Д.С. Раевский выдвинули гипотезу, что «отделившимся скифам» могут принадлежать ананьинские могильники, в которых найдены скифские вещи или вещи, изготовленные в Прикамье по скифским образцам. По их мнению, какая-то группа кочевников совершила поход на север и осталась там не позднее рубежа VII — VI вв. до н. э., то есть на полтора столетия ранее путешествия Геродота. Интересно предположение авторов о том, что передвижение с Северного Кавказа на Среднюю Волгу осуществлялось сухим путем по правому берегу Волги, где нет крупных притоков.

С мнением М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского не согласилась Н.Л. Членова. По ее мнению, еще в киммерийскую эпоху группа мужчин-воинов совершила поход на Среднюю Волгу и растворилась в местной среде. Этим объясняется наличие предметов, изготовленных по кавказским образцам. Эти памятники нельзя приписывать «отделившимся скифам», которых Членова склонна поместить между Самарской Лукой и южным Уралом. С ними ею связывается погребение VII в. до н. э. из кургана № 1 могильника Гумарово.

По моему мнению, этой группой скифов оставлены памятники ананьинской культуры на Средней Волге и Нижней Каме. Скифов на Среднем Дону едва ли можно считать «отделившимися», так как они не были отделены от остального скифского мира ни природными преградами, ни большими расстояниями. Кроме того, они должны были жить севернее ийрков, которые, по-видимому, располагались в лесной зоне.

Ананьинские могильники, в которых были найдены скифские вещи и вещи, изготовленные по скифским образцам, располага-

ются на Средней Волге и Нижней Каме в лесной полосе. Судя по находкам, контакты населения Средней Волги со степью и Кавказом в VII – IV вв. до н. э. были регулярны. Интересно, что в марийском языке имеются иранские элементы. Вместе с тем нельзя не отметить, что, судя по материалам Ст. Ахмыловского могильника, всадников в ананьинском обществе было мало, хотя с верховой ездой оно было хорошо знакомо. Однако, судя по находкам, в подавляющем числе ананьинское войско было пешим.

И.О. Васкул
(Сыктывкар, Коми НЦ Уральского отделения РАН)

Культуры раннего железного века на территории Европейского Северо-Востока

Европейский северо-восток (далее – ЕСВ) является одним из регионов, где А.П. Смирнов проводил свои первые археологические исследования. Позже он руководил диссертационными работами молодых археологов из Коми.

Ранний железный век на территории ЕСВ датируется VIII в. до н. э. – IV – нач. V в. н. э. и представлен памятниками двух сменяющих друг друга культурных общностей: ананьинской (VIII – III вв. до н. э.) и гляденовской (III–II вв. до н. э. – IV – нач. V вв. н. э.). Раскопками исследованы поселения, святилища, погребальные памятники эпохи железа. Изучение этих древностей связано, прежде всего, с именами Г.М. Бурова и В.И. Канивца.

По мнению большинства исследователей, основой для формирования культур первого (ананьинского) этапа раннего железного века на территории ЕСВ послужила лебяжская археологическая культура поздней бронзы. В материалах бассейна р. Печоры прослеживается ее зауральский компонент. Новейшие исследования экспедиции Национального музея Республики Коми на р. Северная Кельтма (бассейн верхней Вычегды) позволяют говорить еще об одном – ерзовском, компоненте в формировании культур ананьинского времени на территории изучаемого региона.

В.И. Канивцом выделены четыре культурных типа памятников первого периода раннего железного века на территории региона:

Ласта, Перный, Чаркабож и Ямашор. Он разделил их на две хронологические группы. К первой, более ранней, отнесены типы Ласта и Чаркабож, VIII – VI вв. до н. э. Ко второй группе – Перный и Ямашор VI – III вв. до н. э. В последние годы Л. И. Ашихмина предложила трехчленную периодизацию ананьинских древностей ЕСВ, выделив раннюю, переходную и позднюю стадии. Исследователи полагают, что между культурными типами Ласта и Перный, отражающими местную линию в развитии культур, существует преемственность. Причем В. И. Канивец подчеркивает, что памятники типа Перный являются культурой, родственной ананьинской, но не тождественной ей. Культурные типы Чаркабож и Ямашор отражают зауральское влияние.

В конце III – II вв. до н. э. на основе древностей предшествующего периода на ЕСВ формируются джуджыдъягская (бассейн р. Вычегды) и пиджская (бассейн р. Печоры) археологические культуры, входящие в гляденовскую культурную общность. В их развитии выделяется два этапа: конец III-II – I вв. до н. э. и I – IV-V вв. н. э. Первая из названных культур сформировалась на основе памятников культурного типа Перный. Вторая – на основе древностей культурных типов Перный и Ямашор. В керамике пиджской археологической культуры прослеживается также кулайский компонент.

В середине I тыс. н. э. развитие культур железного века было прервано событиями эпохи великого переселения народов, в результате которого на территории ЕСВ появилось население, сошедшее с захоронения под курганными насыпями.

Д.Г.Бугров, К.А. Руденко
(Казань, Гос. Объединенный музей Татарстана)

Памятники эпохи бронзы и раннего железа в низовьях р. Кама
(новые поступления в фонды ГОМ РТ)*

В течение последних лет в результате работ сотрудников ГОМ РТ фонды музея пополнились значительным количеством новых материалов, относящихся к эпохе бронзы и раннего железа. Среди них интересны находки с Байтеряковской III стоянки срубной куль-

* Стендовый доклад

туры, расположенной у д. Байтеряково Чистопольского района. В 1997 г. Д.Г. и Н.А.Бугровыми в обрыве берега прослежены профили двух жилищных котлованов. Восточный котлован (жилище I) имел длину 6–6,5 м и глубину 80–90 см от современной поверхности, западный (жилище II) — соответственно 16 м и 70 см. Пол жилища II был, видимо, сильно утрамбован — заполнение котлована очень четко (“с трещинкой”) отделяется от материкового суглинка. В заполнении жилища I найден развал крупного сосуда баночной формы (венчик утрачен, высота сохранившейся части 42 см). Сосуд был вкопан в пол жилища на 15 см. Внутри него находилась половина верхней части небольшого горшка. Из жилища II происходит придонная часть крупного сосуда, который треснул и “потек” в результате вторичного обжига.

На Мензелинском могильнике в 1998 г. Д.Г.Бугровым исследовано 88 кв.м площади и вскрыто три погребения. Они входили, видимо, в два ряда могил, протянувшихся с СВ на ЮЗ. Направление рядов фиксируется и на размытой части могильника по расположению подъемного материала. Погребенные лежали вытянуто на спине в подпрямоугольных, с закругленными углами ямах, ногами к СЗ, в сторону затопленного русла р. Ик. Погребальный инвентарь представлен бронзовыми кельтами с остатками рукоятей (погребения 1,3), бронзовым с орнаментированной втулкой (п.1) и железным (п.3) наконечниками копий, бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел (пп.1,3), железным ножичком и глиняным сосудом (п.1), каменным оселком (п.2). С 1993 г. сотрудниками Мензелинского музея (филиал ГОМ РТ) на могильнике собран обширный подъемный материал: линзовидные и шестигранные кельты, железный, биметаллический и два бронзовых наконечника копий, железный топорик-чекан, бронзовые наконечники стрел, оселки, бронзовые бляхи и бляшки разных типов и др., постмаклашеевская и сложношнуровая керамика. Могильник датируется концом VI—началом V в. до н.э. и относится к ананьинской культуре.

В 1991–1994 гг. сначала экспедицией Казанского университета, а затем Министерства культуры Республики Татарстан под руководством К.А. Руденко проводились исследования памятников в районе Сорочьи Горы — Мурзиха. Значительный интерес представляют изученные ананьинские погребения IV Мурзихинского могильни-

ка. Он расположен на месте бывшей деревни Мурзиха в Алексеевском районе. Яркой особенностью этого могильника является наличие многоуровневых захоронений в слое ярко-красной супеси (прокала?). Их исследовано два. Вне таких “прокалов” захоронения залегали в слое серой супеси. Четкое стратиграфическое членение погребений, прослеженное на втором “прокале”, дает возможность установить относительную хронологию этих захоронений. Ориентировочно вскрытая группа захоронений (“второй прокал”) датируется VII в. до н.э., а возможно и концом VIII в. до н.э.

Интересные данные получены при раскопках селища Песчаный остров. Материал этого памятника относится к концу XIII – XIV вв. н.э. и концу II – началу I тыс. до н.э. Средневековые находки и более ранние материалы в значительной степени опубликованы. Они являются показательными для характеристики достаточно редких в этом районе памятников с “сетчато-рябчатой” (по В.С.Патрушеву) керамикой. Не исключено, что при дополнительном анализе удастся более детально интерпретировать группу лепной шамотной керамики, которая вместе с другой керамикой происходит из второго горизонта селища. В целом, эти материалы относятся к “маклашеевской” культуре (по В.Н. Маркову), предшествующей ананьинской.

С.Э. Зубов (Самара, Областная администрация)

Проблемы хронологии и происхождения пьяноборской культуры

В конце I тыс. до н.э. в Прикамье и Приуралье сложилась пьяноборская культура. Просуществовав в течение нескольких столетий, она оказала заметное влияние на культуру древних племен Поволжья и Приуралья. На ее основе сформировались археологические культуры средневековья, сыгравшие важную роль в этногенезе современных финно-угорских народов.

Несмотря на более чем столетнюю историю изучения пьяноборской культуры, значительное количество накопленных фактических материалов, наличие обобщающих работ и введенных в научный оборот новых данных, до сих пор нет единого мнения по ряду основных проблем этой культуры. Остаются спорными воп-

росы происхождения, хронологии, территории распространения, локальных вариантов культуры.

Исконным местным населением Волго-Камья и Приуралья, по крайней мере начиная с эпохи раннего железного века, большинство исследователей традиционно считают финно-угорские, а точнее, пермские племена. С этим населением связывают памятники ананьинской культуры VII–III вв. до н.э., что впервые было представлено в виде развернутой концепции в работах А.В. Збруевой. Генетическая преемственность ананьинской культуры с последующей, пьяноборской, рассматривалась в работах многих авторов. В окончательном варианте эта концепция о сложении пьяноборской культуры на базе ананьинских племен Нижнего Прикамья утвердилась в работах В.Ф. Генинга.

Исследования В.А. Иванова и Б.Б. Агеева, посвященные вопросам хронологии памятников пьяноборской культуры, на наш взгляд, достаточно убедительно определили время начального этапа этой культуры II в. до н.э., что, собственно, не вызвало особых возражений у В.Ф. Генинга, который допускал вероятность омоложения культуры на столетие. Появившиеся хронологические неувязки между заключительным этапом ананьинской культуры и временем начала формирования пьяноборской — с одной стороны, а также установленный С.В. Кузьминых факт распада ананьинского очага металлообработки к IV в. до н.э. или в его начале — с другой, позволили уфимским исследователям рассматривать карабызскую культуру в качестве одного из основных компонентов, “самым решительным образом повлиявших на формирование материальной культуры пьяноборских племен”.

Данные картографирования поселений и отсутствие могильников IV–III вв. до н.э. позволили Б.Б. Агееву исключить возможность преемственности пьяноборской и нижекамского варианта ананьинской культур. Традиции орнаментации пьяноборской керамики автор связывает с раннекара-абызской средой, равно как и прототипы ряда предметов из погребений Уфимского и Биктимировского могильников.

В этой связи становится понятной близость по многим признакам антропологических материалов из пьяноборских могильников и Биктимировского могильника.

Приведенные выше две версии сложения пьяноборской культуры различаются в частности, но имеют общий подход — форми-

рование пьяноборской культуры происходило на базе ананьинского (среднебельского или нижекамского) этноса, с которым она неразрывно связана генетически. Не отрицая полностью правомерность этих выводов и принимая во внимание позицию уфимских исследователей (В.А. Иванов, Б.Б. Агеев) как наиболее аргументированную, попытаемся внести некоторые коррективы.

Признавая генетическую связь населения кара-абызской культуры с предшествующим ананьинским этносом, большинство исследователей отмечают определенное влияние со стороны пришлого гафурийского населения на местные среднебельские племена. В материальной культуре и погребальном обряде наблюдается явное тяготение гафурийских племен и памятников айского типа к лесостепному зауральскому населению (гороховская, саргатская культуры), угорская принадлежность которого не вызывает у исследователей серьезных возражений.

Открытие и исследование новых памятников раннего железного века на территории Башкирии позволяет вновь обратиться к вопросу угорского влияния на финно-пермский мир Прикамья и Приуралья и происхождения собственно пьяноборской культуры. В этой связи вызывают интерес исследования Кипчаковского курганно-грунтового могильника, находящегося на р. Сюнь, в нижнем течении р. Белой. Могильник представляет собой группу небольших курганов, которые, практически сливаясь друг с другом, образуют цепочки, в расположении которых фиксируются ряды. Погребальный инвентарь имеет многочисленные аналогии в раннепьяноборских комплексах бельско-икского бассейна. Многие типы вещей близки инвентарю из погребений кара-абызских могильников. Вещевой инвентарь укладывается в хронологические рамки III — I вв. до н.э., хотя наиболее вероятной датой погребений Кипчаковского могильника можно считать II — I вв. до н.э.

Раннепьяноборский вещевой комплекс, с одной стороны, в сочетании с курганным обрядом захоронения (не характерным для пьяноборья) — с другой, дает возможность говорить о включении в среду местного (ананьино-кара-абызского, с элементами гафурийско-убаларского влияния) населения инородной группы. Анализ погребального обряда подкурганных захоронений Кипчаковского могильника и соответствующие ему аналогии заставляют нас обратиться к материалам гафурийско-убаларского и айского типа

памятников, а также лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири и предполагать наличие зауральского (угорского) компонента в сложении пьяноборской культуры.

В настоящее время крайне затруднительно определить степень интеграции угорского компонента в этническую систему пьяноборья. Однако представляется очевидным, что новые материалы наглядно показывают нам еще одно направление решения проблемы этнической дивергенции пьяноборского этноса, с особой убедительностью указывая на сложные этнокультурные процессы формирования археологических культур Приуралья послеананьинского времени.

Д.Г. Бугров (Казань, Гос. объединенный музей Татарстана)

Тойгузинское II городище по итогам раскопок 1995–1998-х гг.*

Археологическая экспедиция Государственного объединенного музея республики Татарстан с 1995 г. работает на Тойгузинском II городище, расположенном у с. Бюрган Тукаевского района на заросшем лесом высоком (около 50 м) мысу коренной террасы левого берега р. Ик (ныне Нижнекамского водохранилища). Подтреугольная площадка (375–420 кв.м) с напольной стороны защищена тремя дуговидными валами и двумя рвами. Местному населению городище известно как «Кыз-Тау» («Девичья гора»). Памятник относится к пьяноборской культуре и погиб в результате штурма в I в.н.э.

За четыре сезона на городище вскрыто 199,4 кв.м, в том числе 36 кв.м (раскоп II) — на внутренней линии укреплений. Внутренний вал городища насыпан в два приема. Предварительно по линии будущей насыпи на погребенной почве был разведен сильный огонь (полоса золы шириной до 2,5 м). Первые порции земли бросались прямо в огонь, отчего прокал приобрел сыпучую комковатую структуру, а нижние слои его перемешаны с золой. Мощность прокала до 85 см, высота первого горизонта насыпи 1,2 м. Материал для насыпи брался с внешней стороны вала, изо рва. Внутренний скат рва был покрыт плетнем шириной 1–1,2 м (сохра-

* Стендовый доклад

нился в виде полос угля). Между сооружением первого и второго горизонтов насыпи городище пережило, как минимум, одну попытку штурма — в слое погребенного дерна между горизонтами и непосредственного над плетнем найдены костяные наконечники стрел; плетень сгорел, оставив угли, золу и слабый прокал. После этого был насыпан второй горизонт, частично перекрывший ров. Высота вала достигла 2 м. Грунт на этот раз брался с площадки городища, о чем свидетельствует отсутствие погребенной почвы на ровных участках площадки. Скорее всего, в это же время была сооружена насыпь позади центральной части вала (раскоп III). На уровне перекрытой ею погребенной почвы найдены стеклянная бусина и два костяных наконечники стрел, связанные, видимо, с первым штурмом. Насыпь сильно нарушена норами; назначение и ее точное соотношение с валом пока неясны.

Особенностью городища является обилие человеческих костей в слое — как целых скелетов, так и разрозненных или сгоревших останков. Без специального антропологического анализа идентифицируются останки, по меньшей мере, 42 человек (включая два скопления сгоревших человеческих костей и четыре отдельные нижние челюсти). Практически все укрывавшиеся на городище погибли насильственной смертью. В останках 12 погибших найдены 18 наконечников стрел (в трех случаях в костяках было по два наконечника, в одном — три). У шести костяков отсутствовали черепа, причем у костяка 2 череп был отделен и положен на грудь, на сгиб правой руки. «Костяки» 5 и 13 представляли собой черепа с двумя шейными позвонками, поставленные на основание. Костяк 9 состоял из костей ног, таза и шести нижних позвонков. У костяка 31 сохранились лишь кости ног: левой до середины бедра, правой — до тазовой кости включительно. У костяка 10 кости лица раздроблены и вдавлены внутрь черепа. У костяка 12 позвоночник сломан в нижней части грудного отдела (возможно, это посмертная травма). Останки по меньшей мере 14 человек подвергались воздействию огня (особенно сильно те двое (?) от которых остались крупные (160х60 и 180х85 см) линзы кальцинированных и обугленных костей. Большинство костяков (24) расположены тесной группой в мысовой части площадки. Видимо, они были собраны там победителями.

Вещевой материал помимо большого количества керамики пьенборского облика представлен стеклянными бусами разных ти-

пов (211 экз.), костяными черешковыми (5 экз.) и втульчатыми (55 экз.) наконечниками стрел, железными черешковыми трехлопастными (4 экз.) наконечниками стрел, бронзовыми украшениями (витая и петельчатая и в виде знака вопроса височные подвески (22 экз.), пронизки (13 экз.), бляшки (3 экз.), ажурная и поясная накладки, браслеты (2 экз.) и др.), железными (нож, шило, рыболовный крючок) и глиняными (напрясла — 4 экз.) изделиями.

Д.Г. Бугров (Казань)

К вопросу о костяных наконечниках стрел пьяноборской культуры
(по материалам Тойгузинского II городища)

Общеизвестно, что “наиболее излюбленным и широко распространенным у пьяноборцев оружием дальнего боя являлись стрелы с костяными наконечниками” (Иванов В.А.). Существуют общие обзоры этой многочисленной категории предметов, разработана классификация наконечников. Тем не менее, остается целый ряд проблем, требующих дополнительного изучения. В частности, практически не исследована технология изготовления пьяноборских костяных наконечников (А.П. Смирнов был единственным, кто обращался к этому вопросу); как следствие — возникают неточности при классификации, основанной на чисто геометрических признаках формы (которая отчасти обусловлена плохой сохранностью материала).

На уровне констатации факта рассматривается феномен устойчивого преобладания у пьяноборских племен втульчатых костяных наконечников, являющихся одним из индикаторов культуры на протяжении всего периода ее существования, в то время как на памятниках синхронных культур Восточной Европы и Западной Сибири втульчатые наконечники составляют относительно небольшой процент и выходят из употребления одновременно с бронзовыми наконечниками в середине-конце II в. до н.э. Исключением являются памятники кара-абызской культуры и группа северо-кавказских могильников (Таркинский, Карабудахкентский и др.), где стрелы, аналогичные пьяноборским, встречаются до II в.н.э. Пер-

вый случай исследователи рассматривают как проявление пьяноборского влияния, а во втором усматривают, скорее всего, пример конвергентного развития.

В связи с первой из поднятых проблем представляет интерес коллекция костяных наконечников стрел из раскопок Тойгузинского II городища. Городище-убежище, датируемое I в.н.э., погибло в результате штурма. Поэтому 60 целых и фрагментированных наконечников (5 черешковых, остальные втульчатые), потерянные и сломанные в ходе боя или оставшиеся в телах убитых, характеризуют набор типов, использовавшихся конкретной группой пьяноборцев в конкретный момент времени. Анализ выборки привел к следующим выводам:

1. Форма поперечного сечения и втульчатых, и в, меньшей степени, черешковых наконечников полностью обусловлена формой исходной заготовки — сегмента крупной трубчатой кости. Выпуклая форма внешней стенки кости прослеживается на спинках 29 наконечников; на 26 наконечниках присутствует плоское или вогнутое “брюшко”, часто с остатками губчатого тела, соответствующее внутренней поверхности кости. Последняя группа наконечников, имеющая трапецевидное сечение, обычно объединяется в один тип с наконечниками квадратного и ромбического сечения. Правильнее считать их подтипом трехгранных наконечников.

2. Форма пера втульчатых наконечников определяется, по-видимому, конечной баллистикой стрел. Легкая асимметрия пера (наклон в сторону спинки), видимо, должна снизить вероятность рикошетов при косом попадании; бипирамидальное притупление острия (30 случаев) призвано защитить от излома наиболее нагруженную часть пера. Более точно судить об этом можно будет после детального естественнонаучного исследования.

3. Материалы Тойгузинского II городища свидетельствуют о массовом применении стрел с костяными наконечниками в военных конфликтах пьяноборского времени и их высоких боевых качествах. В останках 12 из 42 погибших обитателей городища были найдены 18 наконечников стрел. Расположение стрел говорит о хорошей проникающей способности костяных наконечников (у костяков 15 и 17 стрелы пробили грудные клетки наискосок слева направо). Судя по обилию неизвлеченных стрел и брошенных на площадке городища неповрежденных наконечников, костяные стре-

лы были практически одноразовыми, а часть их, отличающаяся более грубой обработкой, возможно, изготовлена непосредственно перед военной операцией.

А.Н. Лепихин, А.Ф. Мельничук
(Пермь, Областной краеведческий музей, Госуниверситет)

Современные исследования гляденовских костыщ

А.П. Смирнов, изучая древности железного века Волго-Камья, обратил внимание на Гляденовское костыще — ярчайший памятник, вещественные источники которого наиболее полно отражали в послевоенные годы характер материальной и духовной культуры населения Среднего и Верхнего Прикамья в пьяноборскую эпоху. Им впервые в советское время проведен детальный анализ коллекции этого памятника из раскопок 1896—1897 гг. Н.Н. Новокрещенных. А.П.Смирновым материалы костыща были подразделены на три хронологических стадии: 1 — IV—III вв. до н.э., характеризующаяся ананьинскими древностями; 2 — II в. до н.э. — III в. н.э., датируемая сарматскими, позднеантичными вещами и среднеазиатскими монетами; 3 — IV—VI вв. н.э., связанная с упадком пьяноборской культуры. Правда, нижняя дата существования Гляденовского костыща на основе отдельных находок (фигурка барана) доводилась им вплоть до VII—VI вв. до н.э. Кроме того, исследователь отметил Останинское, Гаревское и Ильинское святилища, последнее из которых, по его мнению, формировалось, как и Гляденовское костыще, в ананьинскую эпоху. А.П.Смирнов критически относился к мнению В.Ф.Генинга и В.А.Оборина, считавших, что гляденовские костыща играли роль могильников с обрядом трупосожжения.

Новейшие исследования гляденовских костыщ в целом подтвердили хронологические построения А.П.Смирнова. Ранние костыща (Гляденовское, Юго-Камское) возникают в конце ананьинской культуры (IV—III вв. до н.э.) на месте укрепленных поселений. Об этом свидетельствуют находки бронзовых скифо-сарматских наконечников стрел, фрагментов позднеананьинской посуды и глиняных антропоморфных статуэток. На Гляденовском косты-

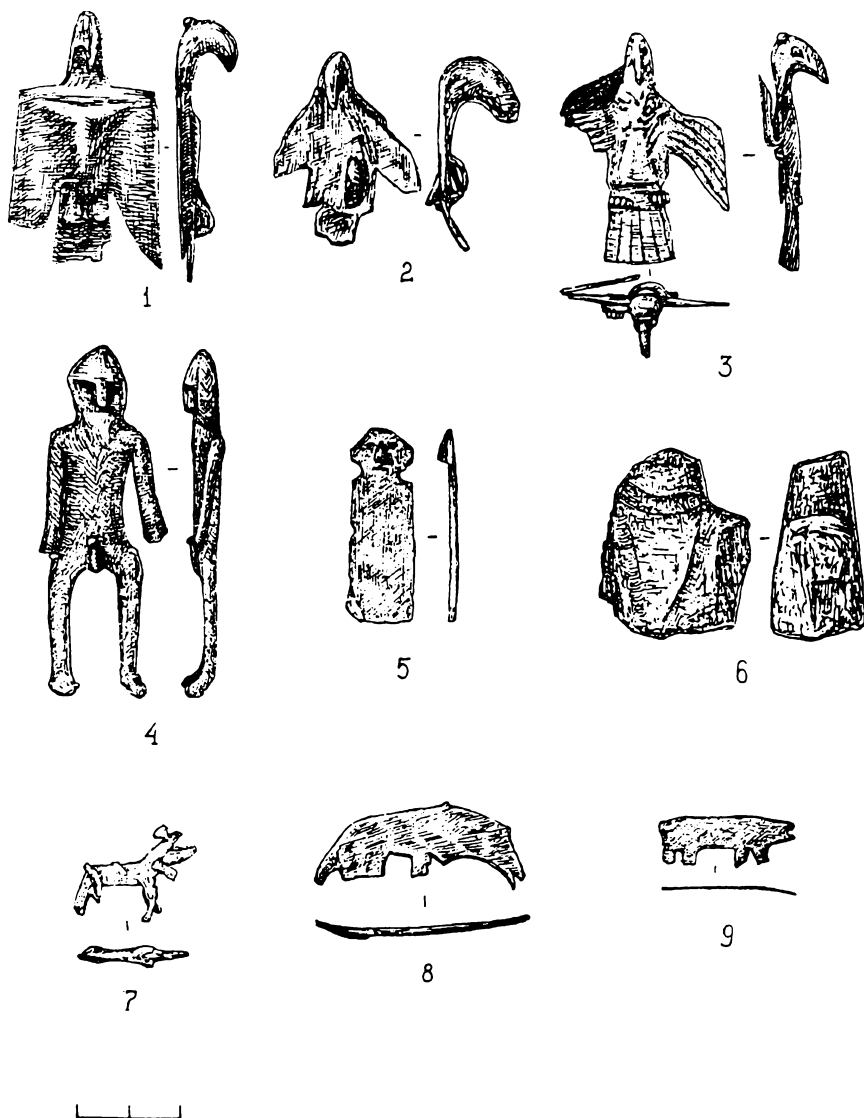
ще в ходе работ 1996–1997 гг. впервые изучены остатки самого раннего жертвенного комплекса, состоящего из пяти ям, заполненных костями домашних животных.

В некоторых объектах найдены расколотые гальки, позднеананьинские сосуды с двойным воротничком, глиняная антропоморфная статуэтка, ритуальные чаши, бронзовая антропоморфная фигурка. Предметов, относящихся к более ранней стадии ананьинской культуры, на площадке святилища пока не обнаружено. Расцвет Гляденовского костыща, как справедливо отмечал А.П.Смирнов, приходится на конец I тыс. до н. э. – I–III вв. н.э. Именно к этому периоду относится основная часть датирующих предметов: ритуальная посуда, почти все античные бусы, железные наконечники стрел, украшения пьяноборского типа. К монетным находкам прошлых лет раскопок добавились и медные монеты кушанского царя Хувишки (106 – 133 гг. н. э.) и китайского императора Гуан-Уди (25 – 37 гг. н. э.). В IV в. Гляденовское костьище постепенно прекращает функционирование. Подобная хронологическая картина свойственна и другому раннему костьищу – Юго-Камскому. Более поздние гляденовские святилища (Ильинское, Останинское, Усть-Туйское, Гаревское, Слепушкинское) возникают в первых веках нашей эры с началом миграций гляденовского населения на новые территории Среднего и Верхнего Прикамья – в первую очередь, в бассейны рек Сылвы и Обвы. В начале харинской эпохи (V в.) эти оригинальные памятники исчезают.

А. Ф. Мельничук (Пермь, Госуниверситет)

Гляденовские всадники

А.П.Смирнов, детально изучая древности Гляденовского костьища, обратил внимание на группу оригинальных культовых предметов в виде бронзовых изображений всадников, которые были отнесены им ко II периоду функционирования святилища – II в. до н. э. – III в. н.э.. По его мнению, эти находки отражали непростые военно-политические процессы, происходившие на территории пьяноборской общности, связанные с миграциями кочевников-сармат в таежную зону Прикамья. Именно “сарматы со свои-

Новейшие находки на гляденовских костяках

1,2,4,5,7 – Гляденовское костище

3,6,8,9 – Юго-Камское костище

ми кочевьями заходили севернее Перми” и оставили необычные для местного финно-угорского населения курганные могильники (Качка, Беклемишевский, Харинский). В связи с военной опасностью, по А.П. Смирнову, начинают формироваться конные дружины пьяноборских племенных союзов.

Это положение А.П.Смирнова во многом справедливо, так как современные археологические данные по Среднему Прикамью свидетельствуют о резком, в сравнении с предшествующей ананьинской эпохой, возрастании числа укрепленных центров, оснащенных сложными фортификациями. В позднегладеновское (III—IV вв.) и харинское (V—нач. VII в.) время появляются захоронения воинов с мечами, копьями, кинжалами и наконечниками стрел, с богатой поясной гарнитурой из драгоценных металлов, находками костей лошади с фрагментами конского убранства. (Мокино, Бурково).

Бронзовые фигурки всадников эпохи раннего средневековья известны на территории других регионов России (Кавказ, Западная Сибирь). Эти находки исследователи (В.Б. Ковалевская, Н.В.Полосьмак, Е.В. Шумакова) рассматривают как серьезный аргумент в пользу существования в раннем средневековье в местных обществах сложной военной организации и дружинного культа.

На территории Среднего Прикамья известно 14 фигурок всадников, относящихся к финалу раннего железного века — началу средневековья. Подавляющее большинство их найдено на святилищах -костищах (Гладеново, Усть-Туй, Ильинское, Черновское), что свидетельствует о бесспорно культовом характере этих предметов. Два всадника обнаружены Ю.А.Поляковым на Бутырском городище и приурочены к ритуальным рвам, которые, по нашему мнению, связаны с проведением обряда прогона через них скота и очищением его огнем, подобно культовой борьбе у русского населения с Коровьей смертью. Территориально фигурки всадников распространяются только в ареале гладеновской культуры. Часть всадников вооружена луком и в одном случае мечом. Изображение лошадей более реалистично, чем всадников. Лошади часто оснащены уздечками. Самое выразительное изображение всадника обнаружено на Гладеновском костище в 1990 г. У всадника подчеркнуты глаза и головной убор, напоминающий шлем или скиф-

скую шапку. На Черновском 1 городище (раскопки Н.В.Соболевой) найдено оригинальное многофигурное изображение в виде человека, держащего под уздцы двух коней, на одном из которых сидит всадник. По технологии изготовления фигурки разделяются на три группы : 1— всадники изготовлены в технике сплошного плоского литья; 2 — фигурки лошади вырезаны из медного листа и к ним припаяны литые изображения всадников; 3 — фигурки людей и животных изготавливались в технике литья отдельно и только затем припаивались друг к другу; часто припаивались и предметы вооружения.

Эти находки отражают явно достаточно развитую военную организацию у гляденовского населения. В тоже время они могут быть связаны с представлениями о небесном (солярном) всаднике — боге громовержце типа божественного покровителя селькупов Ичи, мордовского бога грома Пурьгине — Паза, балтского Перкунаса, которые поражают хтонический мир стрелами-молниями. Характерно, что именно на Гляденовском костыше, где собрана самая представительная коллекция всадников, в культовых ямах найдены железные трехлопастные наконечники стрел (символы молнии), иногда с бронзовыми изображениями змей.

Н.В. Кулябина (Пермь, Госуниверситет)

К вопросу о роли сармат в этнической истории Прикамья

Работа А.П.Смирнова “Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья” явилась итогом изучения этих народов в дореволюционное и довоенное время. Одним из наиболее спорных положений, высказанных в ней автором, является мысль о проникновении в Прикамье в IV — V вв. (харинское время) сарматских племен. В это время в здесь появляется нехарактерный для финно-пермских племен погребальный обряд — захоронения под курганами (курганые могильники харинского типа). Другие исследователи — О.Н.Бадер, В.А.Оборин, В.Ф.Генинг — считали, что появление курганных могильников связано с притоком населения (скорее всего, угорского происхождения) из Южного Зауралья; к этой точке зрения присоединились

позднее многие другие исследователи: Р.Д.Голдина, В.А.Иванов и др. Следует отметить, что развернутой аргументации у сторонников этой теории нет до сих пор.

Проведенные в послевоенные годы исследования курганных могильников позволили довольно полно охарактеризовать погребальный обряд и материальную культуру оставившего эти памятники населения, а также уточнить время их существования — не IV — V, а V — VI вв. Вопрос об этнической принадлежности нового населения остался нерешенным, поскольку не были известны погребения предшествующего времени — III—IV вв. Лишь в конце 80-х гг. при раскопках Мокинского могильника появились новые данные, позволяющие вернуться к “харинской” проблеме.

Мокинский могильник расположен близ Перми на левом берегу р. Нижней Мулянки. Могильник грунтовый, бескурганный, в нем раскопано 258 погребений. Заполнение площадки могильника происходило в напольную сторону от реки. Погребения располагались рядами, вытянутыми вдоль берега, костяки ориентированы ногами к реке. Анализ погребального инвентаря выявил большую длительность существования памятника — ближние к реке погребения могут быть датированы IV в., удаленные от края берега — V в. Тот факт, что поздняя часть могильника синхронна курганным погребениям, говорит о сосуществовании в Прикамье, по крайней мере в начале V в., двух погребальных традиций — курганной и бескурганной, что указывает на этническую неоднородность населения в это время.

Анализ погребального обряда Мокинского могильника выявил ряд интересных моментов. Погребения ранней и поздней части могильника отличаются по глубине: если глубина поздних захоронений не превышает 0,60 м, то в ранней части средняя глубина их увеличивается до 1 м, встречаются погребения глубиной до 1,80 м. Почти все захоронения (91%) разрушены в древности. Высказано предположение, что столь массовое нарушение погребений не является результатом ограбления, а связано с ритуальным разрушением могил. В заполнении разрушенных погребений, помимо остатков костяков и отдельных вещей, фиксируется много углей, иногда в виде мощных прослоек, фрагменты глиняных сосудов. Все не потревоженные погребения и уцелевшие части разрушенных могил заполнены чистой, неотличимой от материка, глиной, что являлось, видимо, частью погребального обряда.

Почти во всех ранних погребениях зафиксированы остатки деревянных конструкций. Сохранность их очень плохая, тем не менее можно утверждать, что наиболее популярной конструкцией были гробовища типа дощатого ящика; срубы в один венец, часто встречающиеся в курганных могильниках, здесь мало распространены. В ранней части памятника выявлено 9 погребений с меловой подсыпкой. Для них характерна значительная глубина — от 1,07 до 1,80 м, и большие размеры: ширина гробовищ — от 1,10 до 1,60 м, длина — 2,40–2,60 м. Все эти погребения сильно разрушены, инвентарь плохой сохранности, представлен категориями вещей, типичных для ранней части могильника.

Большая часть описанных черт погребального обряда — значительная глубина, заполнение могил чистой глиной, ритуальное разрушение костяков, меловая подсыпка дна погребений — не имеет аналогий в местной финно-пермской погребальной традиции. Представляется наиболее вероятным связывать их с сарматским миром. Для сармат характерны и меловая подсыпка, и забутовка могил чистой глиной, и значительная глубина погребений. Ритуальное разрушение костяков часто фиксируется в лесостепных районах, где сарматы начинают оседать на землю, вступая в тесный контакт с местным населением.

Некоторые черты обряда, в то же время, имеют местное происхождение: речная ориентировка погребений, наличие ножа в инвентаре. В одном из наиболее ранних захоронений найден миниатюрный железный нож, аналогичный ножам с гляденовских костыш; в культовых ямах обнаружены миниатюрные жертвенные сосудики. Неместная традиция совершать захоронение на значительной глубине со временем отмирает, также как и меловая подсыпка. Вероятно, могильник принадлежал смешанному в этническом плане населению — здесь вместе с местным хоронило и пришлое население, проникшее на территорию Пермского Прикамья из более южных районов.

Этнические контакты сармат с финно-пермским населением происходили, скорее всего, в южных районах Прикамья, где лесостепные оседлые племена издавна контактировали с ираноязычными кочевниками. Уже в раннем железном веке наиболее южные финно-пермские племена, в частности кара-абызские, испытыва-

ли влияние сармат. Проникновение же отдельных групп сармат в лесостепные районы и смешение их с местным населением в III–IV вв. объясняется, вероятно, появлением в степях кочевников-гуннов. Поскольку давление гуннов в IV в. еще более усилилось, часть сармат, смешавшихся с оседлыми финно-пермскими племенами, могла продвинуться вместе с ними в южно-таежные районы, в результате чего и возник Мокинский могильник. Идея А.П. Смирнова о проникновении отдельных групп сармат в Прикамье с учетом нового материала представляется весьма плодотворной и заслуживает дальнейшей разработки.

И.Р. Ахмедов, И.В. Белоцерковская(Москва, ГИМ)

Хронология Кошибеевского могильника

В историографии финно-угорских древностей I тыс. н.э. материалы Кошибеевского могильника являются ключевыми. Многие исследователи использовали их в своих этногенетических и хронологических построениях. Несмотря на столь пристальный интерес к материалам памятника, вопрос о его хронологических рамках, и в связи с этим о времени существования культуры рязанско-окских могильников в целом, до сих пор остается дискуссионным.

Первой работой, в которой часть материалов могильника подробно рассмотрена на фоне современного состояния источников и современных хронологических разработок, является публикация В.Н. Шитовым погребального инвентаря Кошибеевского могильника из раскопок В.Н.Глазова. Сейчас назрела необходимость развития этого опыта на всем массиве погребений, включая материалы раскопок А.А.Спицына.

В результате анализа инвентаря выделены признаки, характеризующие наборы вещей мужских и женских (в том числе детских) погребений, пригодные для статистической обработки; и осуществлена сериация этих комплексов отдельно для мужских и женских погребений. Для определения общей относительной хронологии могильника таблицы сериации мужских и женских комплексов сопоставлены между собой, после чего на основе датирую-

ших предметов намечены основные реперы для создания абсолютной хронологии.

41 комплекс женских погребений из раскопок А.А. Спицына и В.Н. Глазова проанализирован по 35 признакам. По результатам сериации выделены группы комплексов. Раннюю группу (А) определяет наличие стеклянных бус : золоченых бочонковидных парных, синих бочонковидных, а также пирамидальных бронзовых колокольчиков с выступами на углах, бронзовых плоских круглых блях диаметром — 3.2–4.5 см, с отверстием в центре, которое закрывалось умбоновидным колпачком с петлей на обратной стороне (в составе головных уборов).

Поздняя группа (С) выделена по наличию четырех- и пятилопастных привесок с “жемчужным” орнаментом (в составе наконечников), круглопроволочных гривен с крючком, расположенным перпендикулярно плоскости гривны, пластинчатых браслетов, глиняных пряслиц усеченно-биконической формы, золоченого многочастного бисера, многочастного четковидного бисера и полиэдрических бус из красного непрозрачного стекла.

Промежуточные группы В1 и В2 объединяют захоронения с признаками, представленными еще в группе А, а также появляющимися в этой группе и получившими развитие позднее (бусы, бляшки, привески, гривны и пр.).

В группе В1 по большинству признаков погребения тяготеют к ранней группе А, а в группе В2 — к поздней группе С Кошибе-евского могильника. В целом группы захоронений А и В1 характеризуются наличием так называемого “пьяноборского” компонента. Поздняя серия погребений (С) отражает этап формирования классического для рязано-окских могильников погребального инвентаря.

При анализе мужских комплексов учтено 25 признаков, содержащихся в 26 наиболее показательных комплексах. В результате выделены группы : А — с ножами с характерной “ломаной” спинкой, плоскими железными наконечниками стрел с оттянутыми жальцами, мечом с когтевидным навершием, определенными типами железных пряжек, поясных бляшек, псалий и др.; В — с наконечниками копий с широким пером, железными овальными пряжками и пр.; С1 и С2 — с определенными типами бронзовых пряжек, гривен, сьюлгам, поясных наборов «геометрического стиля» и пр. Группу С2 отличает наличие прогнутых подвязных фи-

бул с острой ножкой второй группы, по А.К.Амброзу, двупластинчатых и т-образных фибул.

Материал, характеризующий мужские погребения Кошибеевского могильника, группы А есть в сарматских древностях, в Андреевском кургане, в ранних захоронениях Писеральских курганов, что позволяет предварительно определить хронологию этой группы второй половиной I — первой половиной II в. н.э. Для группы В отличительными являются крупные железные пряжки с прямоугольной обоймой, которые находят аналогии в одном из поздних захоронений Писеральских курганов, датировку которых следует сузить до II н.э., и среди древностей II — первой половины III в. из сарматских памятников Предкавказья. Группа С1 характеризуется появлением овальнорамчатых бронзовых пряжек с овальными обоймами и прогнутыми гладкими язычками, фасетированных шарнирных наконечников ремней, бронзовых шпор, умбоновидных бляшек с жгутовым бортиком и датируется второй половиной III — началом IV в. Самая поздняя группа С2 хорошо определяется фибулами: прогнутыми подвязными второй группы, по А.К.Амброзу, воинскими, т-образной и двупластинчатой, а также поясным набором “геометрического” стиля — IV в.

Хронологические рамки групп женских погребений, в целом, совпадают с намеченными датами мужских комплексов. Вероятно, синхронны группы А конца I — первой половины II вв. Погребения группы В1 одновременны Писеральским древностям, поздним погребениям чегандинской культуры, верхнюю дату которых (по находкам наиболее поздних сильнопрофилированных кавказских фибул) следует сузить до первой половины III в. Группа В2 датируется второй половиной III в. — первой половиной IV в. по наличию шарнирных фасетированных подвесок, двучленных прогнутых подвязных и воинских фибул второй группы, т-образной фибулы, тордированных гривен и др. Группа С относится ко второй половине IV в.

И.В. Белоцерковская (Москва, ГИМ)

Лопастные привески из рязано-окских могильников

Хронология культуры рязано-окских могильников, сыгравшей большую роль в формировании некоторых финно-угорских народов Поволжья, в свете новых данных и хронологических разрабо-

ток нуждается в уточнении и корректировке. В связи с этим возникла необходимость определения относительной и абсолютной хронологии лопастных привесок, которые долгое время были неотъемлемой составной частью женского головного убора и использовались как парные привески к наконечникам, либо одиночные и парные украшения непосредственно самого головного убора. Основой послужили 50 привесок из 47 комплексов главным образом могильников Кораблино и Заречье, а также Кошибеево, Борки, Кузминский, Курман, Старокадомский, Борок II.

Привески проанализированы по 23 признакам, учитывающим количество и форму лопастей, максимальные поперечники изделий, количество и размеры округлых выпуклых “жемчужин” на лопастях, характер оформления краев лопастей и центральной части привесок. В результате проведенной сериации выделены три крупные серии привесок, две из них подразделяются на группы. Серия А включает небольшие трехлопастные с поперечником 2,8–3,5 см привески с округлыми лопастями так называемого кошибеевского типа.

Серия В группа 1 объединяет пяти и шестилопастные привески с поперечником 3,8–4,2 см и округлыми лопастями. Эта группа по ряду признаков одновременно тяготеет к серии А и последующей группе В2. Серия В2 включает трех, четырех и пятилопастные привески с поперечником 3,2–4,3 см и лопастями округлой и классической формы с одной крупной или тремя мелкими жемчужинами. Серия В3 объединяет четырех и пятилопастные привески с поперечниками 4,5–6,2 см, с лопастями классической формы и тремя мелкими, реже одинарными крупными жемчужинами. Серия С1 включает пятилопастные привески с поперечником 5,5–6,7 см, с классической формы лопастями с тремя мелкими жемчужинами, с невыделенной по отношению к лопастям срединной частью. Серия С2 объединяет привески того же вида, но их срединная часть слегка приподнята по отношению к лопастям, а иногда подчеркнута нарезным или точечным орнаментом. Серия С3 включает привески того же вида с поперечником 6,2–7,7 см, но лопасти у них почти сросшиеся.

Для определения относительной хронологии привесок проведена сериация сопровождающего привески погребального инвентаря по комплексам. В результате выделены три хронологические группы: ранняя А, средняя В и поздняя С.

В целом группа (этап) А соответствует периоду бытования серии А привесок. На этапе В бытуют серии А, В1 и В2 лопастных привесок, на этапах В и С распространены серии В3 и С лопастных привесок,

Абсолютная хронология лопастных привесок базируется на основе предложенной выше хронологии кошибеевских древностей и разработанной И.Р. Ахмедовым хронологии крестовидных фибул.

Ранние трехлопастные (серия А) привески возникают, вероятно, на стадии В2 кошибеевского могильника во 2-й половине III – первой половине IV вв., четырех и пятилопастные привески – на стадии С (2-я половина IV в.). Выделенные нами серии В2 и В3 характеризуют процесс формирования классического типа лопастных привесок и датируются, по всей видимости, 2-й половиной IV – 1-й половиной V вв. Поздняя серия С бытует, возможно, с середины V до рубежа V–VI или начала VI в., когда в женском уборе появляются серповидные гривны и сложносоставные привески к нагосникам. Серия В1 лопастных привесок, которая наряду с ранними признаками имеет поздние (5–6 лопастей), характерна исключительно для могильников Заречье, Курман и Старокадомский и представляет, вероятно, локальный вариант.

Развитие лопастных привесок шло в направлении увеличения числа лопастей, изменения их формы, укрупнения размеров и смены декора. Однако основной его элемент – жемчужный орнамент, оставался неизменным, хотя форма и размеры его также претерпели изменение – от конусовидной до полушарной и от крупных жемчужин до мелких.

Е.Ю. Тавлинцева (Музей истории Москвы)

К вопросу о металлическом бисере в рязано-окских могильниках (по материалам Шокшинского могильника)

В материальной культуре населения, оставившего рязано-окские могильники, вышивка занимала особое место. Она выполнялась из бисера, мелких металлических украшений, которыми расшивались одежда и головные уборы. Такая же традиция существовала и у соседней мордвы. Как правило, при раскопках остатки

вышивки фиксировались в виде окислов, “оловянной крошки“, “мелких кусочков олова“, “оловянной зерни“ и т. п. В настоящее время в фондах ГИМ хранится несколько предметов, представляющих несомненный интерес для изучения как самих украшений, так и технологии их изготовления.

Один из образцов вышивки происходит из погребения 1039 (IX в.) Шокшинского могильника, одного из наиболее поздних (вторая половина V— начало XI вв.) и восточных памятников культуры рязано-окских могильников (раскопки В. Н. Шитова 1995 г.). Сохранившийся бисер имеет форму своеобразных “гантелек“, состоящих из крохотных шариков диаметром около 0,15 см, соединенных попарно маленькими, длиной 0,1 см, перемычками. Аналогичный, в виде маленьких “гантелек“, бисер был найден в ряде погребений Шокшинского могильника, датирующихся VI—X вв., а также на памятниках древней мордвы. В качестве аналогии привлекались только те случаи, когда сохранность бисера позволяла судить о его форме.

Широкое использование в орнаментации одежды металлического бисера предполагало большой спрос на этот тип украшений, а следовательно и применение серийных форм для их отливки. В Шокшинском могильнике в погребениях VIII—X вв. был найден целый ряд глиняных и каменных литейных форм, в которых мог отливаться подобный бисер. Аналогичные и близкие формы, как глиняные, так и каменные, известны на других памятниках: могильники Максимовский, Чулковский, “Черемисское кладбище“, Старший Кужендевский, Сарский, городища Земляной струг, Кармалейское, Дьяково, Сарское, Выжегша, Супруты, а также Старая Ладога.

Большинство известных нам образцов бисера этого типа, равно как и формы для его отливки, укладываются в хронологический диапазон VI—X вв., причем максимальное их распространение падает на VIII—X вв. Таким образом, можно сделать вывод, что как и сам “гантелеобразный“ бисер, так и формы для его отливки, характерны для финального курмано-шокшинского периода в хронологии рязано-окских могильников (по В. Н. Шитову).

Картографирование находок показывает, что эти вещи были характерны для поволжских и окских финнов. Находки форм за пределами этого ареала следует объяснять прежде всего этническими контактами населения.

**О месте Серповского могильника
в истории древнемордовского населения**

К территориально-хронологической группе среднецнинских мордовских могильников традиционно относятся Елизавет-Михайловский, Пановский и Крюковско-Кужновский. Между тем, Серповский могильник, расположенный в нескольких километрах от Елизавет-Михайловского, на левом берегу р. Цна, в археологической литературе рассматривается всегда отдельно. Этот могильник датировался исследователями более ранним временем, чем другие среднецнинские. Так А. П. Смирнов относил его к IV–V в. н. э. П. П. Ефименко датировал Серповский могильник VI–VII вв. Так же датировала его А. П. Алихова, которая опубликовала материалы раскопок 1892 года А. А. Спицына, хранящиеся в ГИМе. Она дала подробный анализ погребального инвентаря и отнесла этот памятник к цнинской мордве. М. Ф. Жиганов полагал, что 34 захоронения из 37 имеют эрзянскую принадлежность. В. Н. Шитовым высказано мнение, что этот памятник близок к древнемордовским могильникам бассейна р. Теши и может датироваться VII–VIII вв.

Таким образом, более раннее время существования памятника и его эрзянская принадлежность обусловили возможность интерпретации Серповского могильника обособленно от других памятников среднецнинской мордвы.

Нами разработана относительная и абсолютная хронология материалов трёх вышеперечисленных среднецнинских могильников. Захоронения 7, 8, 10, 38а, 108а, 121 Елизавет-Михайловского и 4 (разведка 1927 г.) Пановского могильников отнесены к ранней фазе стадии А и датируются геральдическими поясными наборами второй половиной VII в. Для этих погребений характерна северная, северо-западная и западная ориентировка умерших, большие размеры могильных ям, обычай ставить мужчине в изголовье глиняный сосуд. В вещевом материале, кроме височных подвесок с коротким стержнем и массивным бипирамидальным грузиком с выемкой, сюльгам с короткими «усами», массивных восьмигранных шляпкоконечных браслетов, застёжек с «крылатой» иглой,

встречаются пластинчатые серповидные гривны с отдельными полукруглыми накладками с колечками, ожерелье из пронизок и пластинчатых колечек, повязка для рук из спиральных пронизок и пластинчатых обоймочек (рис. 1).

Подобный погребальный обряд и аналогичный сопровождающий инвентарь характерен и для Серповского могильника. Основ-

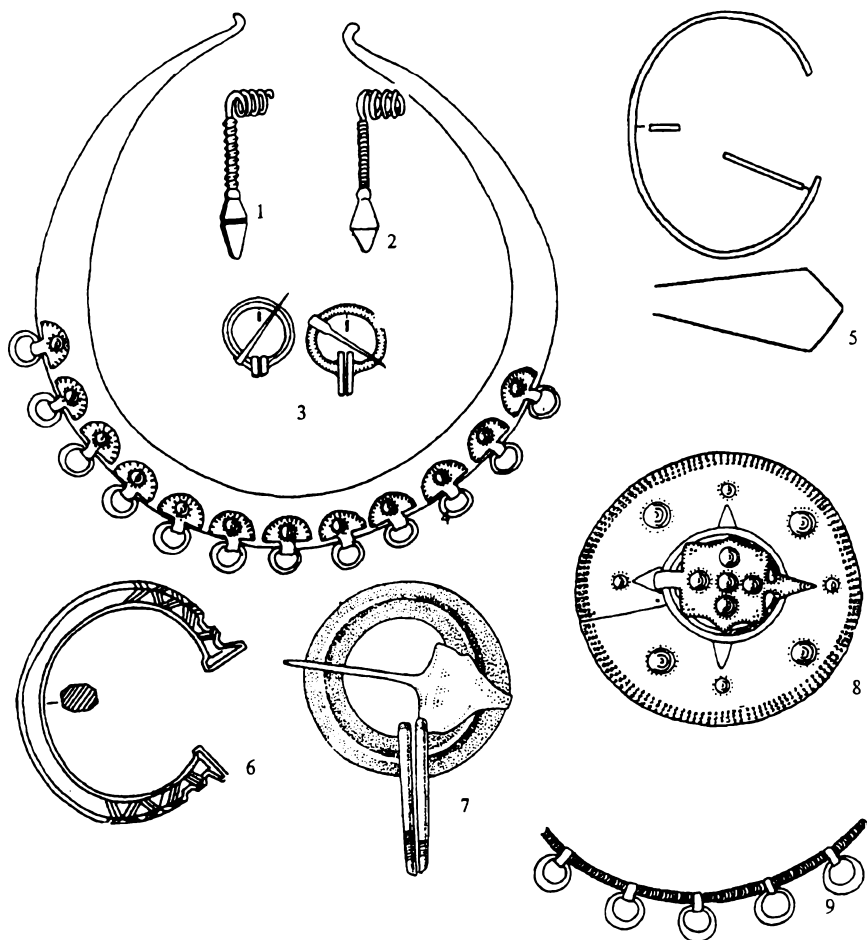

Рис. 1. Украшения, характерные для стадии А среднецентинских могильников

ная часть захоронений этого могильника, по нашему мнению, синхронна ранней фазе стадии А среднецнинских могильников. Захоронения более раннего времени в Серповском могильник, по-видимому, отсутствуют и весь материал укладывается в стадию А среднецнинских могильников (вторая половина VII — первая половина VIII в.).

Среднецнинские могильники, в том числе и Серповский, по погребальному ритуалу на стадии А обнаруживают большое сходство с могильниками северной группы древней мордвы, такими как Абрамовский, Старший Кужендеевский, Выползово I. Можно полагать, что формирование культуры населения Средней Цны происходило с участием древнемордовских племен северного региона. Очевидно, именно северомордовские (древнеэрзянские) племена пришли в середине VII века на Среднюю Цну с Потешья, где возникают Серповский и Елизавет-Михайловский могильники, а уже затем, в конце VII— начале VIII в. сюда же продвигаются и древнемокшанские племена с Посурья. Северомордовские племена принесли и рязанско-окский компонент, который прослеживается в культуре среднецнинского населения на ранней стадии существования могильников.

О.В. Букина (Самара, Госуниверситет)

Среднецнинские могильники: обычай кремации

К среднецнинским относятся 15 могильников (сер. VII — XI вв. н. э.), расположенные довольно компактной группой в среднем течении реки Цны и традиционно объединяемые исследователями в одну культурную группу. Основную массу захоронений в этих памятниках составляют трупоположения.

В рассматриваемой группе могильников известно также 187 погребений, определенных исследователями как трупосожжения. Они происходят из шести могильников. Собраны данные о 157 погребениях по обряду трупосожжения. Из них определение двух погребений как трупосожжений вызывает сомнение: в их описании не упоминаются кальцинированные кости. Три погребения были определены как частичные трупосожжения, четыре — как

полные парные трупосожжения, два — как полные трупосожжения при трупоположении, одно — как частичное трупосожжение при трупоположении. Основной массив, таким образом, составляют полные одиночные трупосожжения (для анализа отобрано 108 погребений).

Для этой группы погребений О.В. Зеленцовой разработана периодизация. Время существования могильников группы разбито ею на три этапа: 1) середина VII — середина VIII вв. н. э., 2) середина VIII — IX вв., 3) X — XI вв. К первому этапу нами отнесено 22, ко второму — 19, к третьему — 25 погребений. Одно погребение датируется в рамках VII — IX вв., одно — в рамках VIII — IX вв. Не датированы 40 погребений, из них 12 безинвентарные.

Из 108 погребений половину составляют мужские (58), треть — женские (35) захоронения. Всего три погребения определены как детские (12 погребений остались неопределенными).

В настоящем докладе проанализированы признаки, с помощью которых исследователи описывают погребения; на основе анализа взаимовстречаемости вариантов признаков выделены модели погребений, а также инвентарные нормы; проанализированы размеры могильных сооружений. В результате стало возможным в общих чертах проследить динамику и формы развития обычая кремации в среднецнинских могильниках.

Существование обычая кремации в среде населения, оставившего среднецнинские могильники, фиксируется уже по погребениям ранней стадии этих памятников, в середине VII — середине VIII века. Этим временем датируется довольно значительное количество трупосожжений — 23 погребения. Все они представляют собой одиночные захоронения, при этом мужские погребения почти в три раза превосходят по численности женские. Таким образом, на раннем этапе функционирования среднецнинских могильников обычай кремации был более распространен у мужчин.

Сожжение умерших происходило вне пределов могильной ямы, на стороне. Кальцинированные кости выбирали из погребального костра и укладывали на дно могильной ямы компактно, реже рассыпали по всему дну ямы. Для размещения остатков кремации использовались могильные ямы прямоугольной формы с размерами, несколько превосходящими размеры тела умершего. На первом этапе были распространены два способа размещения инвента-

ря в погребении: компактно на скопление костей и в порядке, обычном для трупоположения. Среди трупосождений этого этапа преобладают погребения с разнообразным набором погребального инвентаря (оружие и детали поясного набора — в мужских погребениях, головной убор и височные подвески — в женских), малоинвентарные и безинвентарные погребения немногочисленны.

На втором этапе (середина VIII — IX вв.) с учетом его большей длительности количество трупосождений несколько уменьшается. Численность женских и мужских погребений при этом почти уравнивается. Остаются прежними представления о форме и размерах могильных ям, способах размещения кальцинированных костей и составе инвентаря. Однако в это время, в отличие от предыдущего этапа, уже преобладает размещение инвентаря в порядке, обычном для трупоположения.

На третьем этапе функционирования среднецнинских могильников (X — XI вв.) количество трупосождений не меняется, однако теперь женские захоронения по численности почти в три раза превосходят мужские. Таким образом, обычай кремации становится более распространенным среди женщин. Кроме того, именно в женских погребениях вновь распространяется размещение кальцинированных костей по всему дну могильной ямы. В остальном регламентации не меняются. По-прежнему погребения совершались в могильных ямах прямоугольной формы с антропометрическими размерами. Для мужских захоронений также характерно компактное размещение кальцинированных костей. Почти все женские погребения сопровождались разнообразным по составу инвентарем, в том числе и головными уборами; мужские погребения в большинстве своем сопровождались поясными наборами, реже — оружием.

Г.И. Матвеева (Самара, Госуниверситет)

К вопросу о хронологии и периодизации именьковской культуры

Именьковская культура — одно из крупнейших этнокультурных образований Среднего Поволжья и Приуралья. В настоящее время на ее территории насчитывается свыше 500 памятников.

Несмотря на то, что в последние десятилетия проводились крупномасштабные исследования могильников в Татарстане и поселений в Ульяновской и Самарской областях, именьковская культура продолжает оставаться недостаточно изученной, поэтому многие ее проблемы по-прежнему остродискуссионны. Особенно это касается хронологии именьковской культуры. В.Ф. Генинг датировал ее III-IX вв.; П.Н. Старостин с III-IV по VII в.; П.Д. Степанов VI-VII вв., Е.П. Казаков — с середины VI до конца VII в, А.В. Богачев, напротив, ограничивает ее верхнюю дату последней третью VI века. Подобные разногласия объясняются тем, что инвентарь большинства именьковских погребений крайне беден и содержит мало датирующих вещей, а большинство поселений не подвергалось стационарным исследованиям и отнесено к именьковской культуре на основании находок на них плоскодонной лепной посуды, делящейся на грубую бугристую и лощеную. Исследования последних лет показали, что не все эти поселения одновременны.

Первую группу памятников с лепной плоскодонной керамикой составляют поселения позднезарубинецкого круга, датируемые в пределах первой четверти I тыс. н.э. (поселения славкинского типа в бассейне р. Кондурчи, селище Полянки в Татарстане и др.). Для них характерно сочетание пшеворских и зарубинецких черт. Они не могут быть отнесены к именьковской культуре.

Ко второй группе относятся поселения лбищенского типа. Материальная культура этих поселений, с одной стороны, имеет ряд общих черт с верхнеднепровским вариантом классической зарубинецкой культуры, с другой стороны, они сближаются с именьковской культурой. Совпадают многие типы сосудов, пряслиц, металлических изделий, поэтому памятники лбищенского типа можно отнести к раннему этапу именьковской культуры, датируемому IV в. н.э. Ряд происходящих из жилищных котлованов вещей находит аналогии в памятниках черняховской культуры. К их числу относятся пряжки с утолщенным в передней части кольцом и язычком, изогнутым у конца и имеющим приподнятую квадратную площадку у основания, подвески в виде спаренных ведерок и самая поздняя находка — прогнутая подвязная фибула. Подобные фибулы А.К. Амброз датировал концом IV — началом V в. Материалы IV века представлены на многих поселениях именьков-

ской культуры. Так, пряжки, датируемые III–IV вв., найдены на Маклашеевском II городище, Измерском селище, в Богородицком и Рождественском II могильниках.

Памятники V – первой половины VI веков, относящиеся к развитому этапу именьковской культуры, наиболее многочисленны. Они датируются находками пряжек с полуовальными и прямоугольными щитками, крестовидной фибулы V– начала VI в. со Старомайнского городища, а также монетами, происходящими из ям Троицко-Урайского и Кармалинского городищ. На первом обнаружены драхмы Пероза (457 – 483 гг.) и Кавада (488 – 497 гг.), на втором – драхмы Кавада, отчеканенные в 519, 524, 527 годах, и Хосрова I, отчеканенные в 519, 524, 527 годах.

А.В. Богачев считает, что существование именьковской культуры прекращается в последней трети VI века, ссылаясь на отсутствие в памятниках именьковской культуры предметов поясной гарнитуры геральдического типа. Действительно, пряжки и накладки этого типа немногочисленны, но они представлены на памятниках всех районов распространения именьковской культуры: на городище Ош-Пандо в Мордовии, на Старомайском городище в Ульяновской области, в IV Маклашеевском и Коминтерновском могильниках в Татарстане, не говоря уже о богатейших наборах классической геральдики VII в. в Кушнаренковском могильнике в Башкортостане. На селище Ош-Пандо-Нерь II и на Кармалинском городище найдены серьги в виде кольца с многогранником на одном конце, датируемые второй половиной VI–VII вв. Таким образом, именьковская культура продолжала существовать и в VII веке.

Н.А. Лифанов (Самара, Академия культуры и искусств)

Раннесредневековые жилые постройки лесостепного Поволжья как источник культурогенетических реконструкций

Объектом настоящего исследования является комплекс построек, представленный на территории распространения в лесостепной зоне Поволжья и Приуралья во второй-третьей четверти I тыс.

н.э. поселений славкинского и лбищенского типов и именьковской культуры. Типологическая схема построек этого комплекса выглядит следующим образом:

Тип I (“длинные дома”) — наземные либо слабо углублённые в древнюю поверхность почвы постройки удлиненно-прямоугольной формы, выстроенные в каркасно-столбовой технике. Этот тип построек встречен на Старо-Майнском городище именьковской культуры.

Тип II — наземные срубные постройки, иногда с частично заглублённым в древнюю поверхность почвы основанием (очажным котлованом). Постройки этого типа характерны для славкинских и лбищенских поселений, относящихся к III — IV вв., однако единично встречаются и на именьковских памятниках.

Тип III (“полуземлянки”) — углублённые основаниями до 1 м постройки квадратной и прямоугольной форм, абсолютно преобладающие на поселениях именьковской культуры. По составу интерьера они распределяются на два основных подтипа:

III.1. основным отличительным признаком жилищ этой группы служат столб и очаг в центральной части постройки; в конструкции этих построек наряду со срубными соединениями иногда использовались и каркасные;

III.2. “полуземлянки”, где центральный столб отсутствует, а очаги тяготеют к стенкам котлованов.

Выделенные группы построек находятся в определённой связи друг с другом. Для построек типа I и подтипа III.1 характерно использование в конструкциях стен и перекрытий столбовых конструкций. Напротив, принципиальное отсутствие каких-либо столбовых соединений роднит постройки второго типа и подтипа. III.2 Это позволяет предполагать существование двух традиций домостроительства, условно именуемых “столбовой” и “бесстолбовой”.

Представляется вероятным процесс взаимодействия обеих традиций, в качестве одного из реагентов которого выступали носители “столбовой” традиции — постройки подтипа III,1 первоначально представлявшие собой оригинальный тип. В результате их продолжительного сосуществования на единой территории с носителями “бесстолбовой” традиции — постройками типа II — появились своеобразные “переходные формы”: относительно немногочисленные постройки подтипа III.2.

Вопрос о генезисе домостроительных традиций раннесредневекового населения лесостепного Поволжья стоит в прямой связи с проблемой происхождения памятников славянского, лбищенского типов и именьковской культуры.

Для определения генезиса построек типа II можно привести весьма широкие аналогии среди наземных срубных жилищ, распространённых у пшеворских и зарубинецких племён, потомки которых дали начало черняховской культуре. Признаки, характерные для этого типа построек, убеждают в генетической связи с ним славяно-лбищенской традиции наземного срубного домостроительства.

Чёткую аналогию постройкам типа I — “длинным домам” Старо-Майнского городища — как в планировке, так и в конструкции, и интерьере составляют жилища городища Мощины IV — V вв.

Комплекс признаков конструкции и интерьера заставляет признать практически полную (до мелких деталей) тождественность именьковских построек подтипа 1.III с жилищами деснинской локальной группы киевской культуры.

Таким образом, если наземные срубные постройки, бытовавшие в III — IV вв. на лбищенских и славянских памятниках, имеют аналогии на пшеворских и позднезарубинецких поселениях Волыни и Верхнего Днестра, то распространяющиеся в лесостепном Поволжье с V в. постройки именьковской культуры, очевидно, генетически связаны с домостроительством региона Подесеньи и Поочья.

Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова (Москва, ИА РАН)

**Культурные контакты азелинских племён
(по данным археологической металлографии)***

История финно-угорского населения Волго-Вятского междуречья I-й половины I тыс.н.э. документируется археологическими памятниками так называемой азелинской культуры. Среди много-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 96-06-80131

образной кузнечной продукции азелинских комплексов обращают на себя внимание некоторые категории изделий, не характерные для финно-угорского мира. Речь идет о мечах и секировидных предметах. Для их изучения использован метод металлографии, который позволяет не только реконструировать технологию изготовления, но и рассмотреть полученные технологические характеристики на фоне местных кузнечных традиций, а также сравнительных данных иных археологических культур. На этом основании можно проследивать направления культурных контактов.

Мечи. Металлографически исследовано три экземпляра из могильников Тюм-Тюм, Усть-Брынский, Гремячинский. Они имеют довольно стандартную форму: прямой широкий клинок (ширина полотна 5 см), переходящий в выделенный четкими уступами короткий черенок. Длина оружия достигает 80–90 см.

Как показало металлографическое исследование, технологические характеристики их оказались стандартными: при изготовлении использована качественная заэвтектидная сталь, практически свободная от шлаковых включений. В финно-угорском кузнечестве применение подобного материала не зафиксировано. Отличает эти изделия и высококлассное качество всех технологических операций.

Технологически и типологически эти изделия близки мечам из позднесарматского могильника II–III вв.н.э. Лебедевка VI Уральской области. Следует сказать, что для степных кочевников подобные изделия также не характерны. Нет сомнения в том, что указанные мечи, как азелинские, так и позднесарматские, происходят из единого центра, имеющего длительные и устойчивые традиции по специализированному производству подобного оружия. Данные, которыми мы в настоящее время располагаем, позволяют говорить о том, что в рассматриваемый период таких центров на территории Восточной Европы не существовало. Скорее всего, здесь имеют место ближневосточные традиции. Появление мечей в азелинской среде было обусловлено многоступенчатым характером контактов, в которых опосредованную роль играли сарматы.

Секировидные предметы происходят в основном из азелинского памятника Тюм-Тюм. Они имеют длинный (от 17–19 до 21–23 см) тонкий корпус и очень маленькую проушину круглой или овальной формы. Хотя внешне они похожи на боевые секирки, но прак-

тического значения иметь не могли, поскольку слишком мало было отверстие для рукояти. Показателен и характер их размещения в богатом воинском погребении могильника Тюм-Тюм (п.94): они были сложены в виде прямоугольника, внутри которого размещались другие предметы, а сверху были положены конская сбруя и бронзовый котел. Скорее всего они были частью трофеев погребенного воина и несли какую-то ценностную нагрузку, возможно, связанную с самим материалом, т.е. металлом. Аналогии этим предметам в Восточной Европе есть только в круге памятников, связанных с именьковской культурой. В частности, множество подобных предметов обнаружено в связке в виде клада на селище Щербеть.

Сама именьковская культура не имеет местных корней. По поводу истоков ее происхождения существуют разные мнения. В последнее время исследователи склоняются к точке зрения о ее западном происхождении (черняховско-пшеворский ареал).

Отдаленные аналогии описанным предметам можно найти в материалах пшеворской культуры. В более позднее время (VIII–IX вв.) секировидные предметы распространяются в Западной Европе и Скандинавии. Они встречаются в огромных скоплениях сотнями экземпляров. Исследователи называют их гривнами и считают, что они выполняли роль железного полуфабриката, а также служили единицей обмена.

Поскольку азелинская культура на коротком отрезке времени хронологически совпадает с именьковской культурой, можно полагать, что речь идет о непосредственном заимствовании азелинцами этих предметов у именьковцев.

О.И. Бражник (Самара, Гос. пединститут)

Процесс тюркизации кочевников лесостепного Поволжья

В историографии сложилось мнение о раннеболгарской этнокультурной принадлежности памятников новинковского типа (конец VII – VIII вв.). Главным направлением поиска аналогий, приводимых в литературе этому типу памятников, является юго-западное – Северное Причерноморье, Подунавье (Г.И. Матвеева, Р.С. Багаутдинов, А.В. Богачев, С.Э. Зубов, Д.А. Сташенков).

Среди погребений Северного Причерноморья и Крыма выделяются две этно-социально дифференцированные группы, различающиеся деталями погребального обряда: первую группу (Христофоровка, Новая Одесса, Черноморское) от второй (Виноградное, Костогрызово, Сивашовское, Сивашское) отличают относительная редкость захоронений коней и сопровождения погребенного заупокойной пищей (баран), наличие каменной закладки могильной ямы, бедность инвентаря.

Однако в историографии нет единого мнения об этнической принадлежности памятников Северного Причерноморья и степного Крыма конца VI — рубежа VII—VIII вв., поэтому, опираясь только на юго-западные аналогии, решить проблему этнической атрибуции памятников новинковского типа лесостепного Поволжья невозможно.

Аналогии погребальному обряду памятников новинковского типа можно обнаружить не только в юго-западном, но и в восточном направлении.

Период VI—VII вв. можно назвать тюркской эпохой. На основе различий погребального обряда и территории выделяют два варианта тюркской культуры (Боталов С.Г.):

1. Собственно тюрки, погребальным обрядом которых было трупосожжение;

2. Погребения по обряду трупоположения с конем. Погребальный обряд второй группы был характерен для круга племен, входивших в тюркскую конфедерацию под общим названием “теле” (Трифонов Ю.И., Савинов Д.Г.).

Наличие поминальных сооружений в виде каменной насыпи, сложная конструкция погребений (ступеньки, подбой), наличие останков коня в захоронении либо в виде туши с обратной или совпадающей с погребенным ориентировкой, либо черепов в насыпи кургана, существование кенотафов являются общими чертами для памятников новинковского типа и памятников Минусинской котловины (Часкол II, Катанда II, Узунтал). Ритуальные ровики и столбовые конструкции, присущие некоторым курганам новинковского круга, функционально близки оградкам из могильников кудыргинского типа. Таким образом, необходимо отметить тюркско-телесское влияние на погребальный обряд населения, оставившего могильники новинковского типа.

Чтобы определить происхождение тюркских черт в погребальном обряде новинковских племен и свести юго-западные и восточные аналогии в единый комплекс, необходимо обратиться к истории Тюркского каганата и проследить процесс тюркизации Евразийской степи в рассматриваемый период.

Вторая волна тюркизации охватывает VII–VIII века. Ее можно связать с временем существования Западно-Тюркского каганата и началом установления гегемонии хазар в Северном Прикаспии (предсалтовское время).

Наличие коня, обряд трупоположения, каменные закладки погребения, сложная конструкция могильной ямы, плоскодонные тюркские горшки свидетельствуют о влиянии западной, Саяно-Алтайской группы на кочевое население Северного Причерноморья и степного Крыма. Памятники II группы на этой территории наиболее четко отражают погребальный обряд памятников катандинского типа.

Лесостепное Поволжье входило в зону влияния второй волны тюркизации, что и нашло отражение в особенностях погребального обряда населения, оставившего памятники новинковского типа. В этой связи можно наметить два возможных варианта этнокультурной атрибуции новинковских погребений:

1. Новинковское население напрямую связано с телесцами западной группы тюркской этно-культурной общности.

2. Новинковцы связаны с тюркской общностью опосредованно, т. е. представляют собой тюркизированное население юго-западной Евразии.

Тот факт, что часть населения Восточно-Тюркского каганата, разгромленного китайскими войсками в 630 г., бежала на запад, может косвенно говорить в пользу первого предположения.

Новинковский обряд погребения выделяется из круга близких ему юго-западных памятников наличием поминального сооружения в виде каменной наброски. Эта деталь, очевидно, характеризует более высокую степень тюркизации новинковского населения, что подтверждает и наличие монголоидной примеси в его антропологическом облике.

Д.А. Сташенков
(Самара, Областной историко-краеведческий музей)

Самарское пограничье
(к проблеме взаимодействия кочевого
и оседлого миров в эпоху средневековья)

Одна из интереснейших проблем в археологии Поволжья — взаимодействие культур на пограничье оседлого и кочевого миров. В Самарском Поволжье на протяжении I тыс. н.э. происходила постоянная смена археологических культур, относящихся к различным хронологическим и культурным типам. Кочевники-сарматы, граничившие с оседлыми городецкими племенами, сменились земледельческими племенами, оставившими в IV в. н.э. памятники лбищенского типа. После ухода гуннов в регионе появляется многочисленное население именьковской культуры IV—VII вв. н.э. Сейчас утвердилось мнение о его славянской принадлежности, высказанная А.П.Смирновым, затем разработанная Г.И.Матвеевой и активно поддержанная В.В.Седовым. Вместе с тем именьковская культура была полиэтнической, и вопрос о какой-либо этнической доминанте в ней сейчас малорешаем. Региональные отличия, позволяющие выделить в составе именьковской культуры локальные варианты, обусловлены в том числе и различными исходными районами заселения рассматриваемой территории.

Еще в период наибольшего распространения именьковских памятников в Среднее Поволжье начинают проникать немногочисленные кочевники — “болгары”. Однако их массовый приход в Поволжье относится уже к концу VII—VIII вв. н.э. Дискуссионным остается вопрос о времени и характере смены земледельческих памятников именьковского круга кочевническими памятниками хазарской эпохи. Видимо, основная масса могильников хазарского времени появляется в Среднем Поволжье только через несколько десятилетий после затухания жизни на именьковских поселениях.

В последние годы при исследовании именьковских поселений в Самарском Поволжье встречены материалы, позволяющие говорить о присутствии здесь кочевого населения уже по крайней мере с конца VI в. Яркие материалы получены при раскопках городища

в д. Пролетарий, датирующегося VI–VIII вв. н.э., — одного из наиболее поздних памятников именьковской культуры. Пролетарское городище является и самым западным пунктом, на котором встречены массовые материалы кушнаренковско-караякуповского круга. Выделяется керамика, имеющая аналогии в рязано-окских материалах. Впервые в регионе на поселенческом памятнике в значительном количестве обнаружены фрагменты амфор и круговой салтово-маяцкой керамики, маркирующие начало процесса седентаризации кочевников хазарского времени. Синхронизация именьковского и кушнаренковско-караякуповского слоя на городище позволяет говорить о своеобразном симбиозе кочевого и оседлого населения в регионе.

К IX в. территория Самарского Поволжья приходит в запустение. Пограничный характер региона в этот период подтверждается находкой разрозненных погребений мадьярского круга. В середине X в. возникают города Волжской Болгарии, но и тогда здесь проходила северная граница кочевого мира и южная — оседло-земледельческого. В эпоху Волжской Болгарии вплоть до монгольского нашествия основная часть Самарского Поволжья (за исключением региона Самарской Луки и земель по реке Большой Черемшан) являлась своеобразной буферной зоной и, вероятно, осознавалась именно таковой как болгарами, так и многочисленными кочевниками, проходившими через волжские степи. Несмотря на многолетние археологические исследования в степных районах Самарского Заволжья, где нет средневековых поселений, известно всего несколько захоронений кочевников домонгольского времени — одних из самых северных погребений печенежско-половецкого круга. Они чаще всего одиночные, являются впускными в курганы более ранних эпох или вообще не имеют видимых наземных признаков. Это свидетельствует о том, что рассматриваемая территория не входила в зону основных кочевых маршрутов. Вместе с тем известно, что начиная с середины XI в. половцы предпринимали как самостоятельные военные набеги на Волжскую Болгарию, так и участвовали в военных походах, организованных русскими князьями. Во время междоусобной борьбы болгарские князья также привлекали на свою сторону половецкие отряды. Несомненно, развиты были болгаро-кыпчакские торговые и политические контакты. Возможно, какие-то

группы кыпчаков проживали на территории крупнейших городов Волжской Болгарии.

Причины постоянного чередования культур в регионе, скорее всего, кроются не только в политической ситуации, но и в экологической и демографической обстановке этого времени. Не случайно прослеженная на примере Самарского региона динамика этнокультурных перемещений характерна и для других лесостепных пограничных территорий — в частности, Подонцовья-Приазовья и Поднепровья, где в тот же период наблюдались сходные процессы.

А.В. Расторопов (Пенза, Объединенный краеведческий музей)

О генезисе населения пензенских памятников болгарского типа

На территории Пензенской области известно свыше 70 археологических памятников (городища и селища), по культурным традициям близких памятникам Волжской Болгарии. Они датируются X—XIV вв., и определяются по гончарной посуде коричнево-красных цветов. Их носителей рассматривают как «оболгаризированных буртасов». Этот вывод представляется преждевременным. Лаконичность и неопределенность письменных сообщений о буртасах не позволяет определить точную их локализацию.

Археологические памятники болгарского типа в Пензенской области почти не введены в научный оборот, недостаточно исследованы и их датировка и периодизация слабо разработаны. Предварительно можно говорить пока лишь о болгаризации мордвы. Мордовские лепная посуда и вещи обнаружены при исследовании Юловского, Золотаревского городищ и Садовского селища. Причем наиболее вероятное время их бытования не ранее конца IX и не позднее середины XI вв. На I Ахунском городище обнаружен комплекс лепной мордовской посуды и скульгама, время бытования которых В. В. Гришаковым определяется X — I-й половиной XI вв. Гончарная посуда там отсутствует. Таким образом, мордовское население Верхнего Посурья (или часть его), видимо, принимало участие в генезисе населения пензенских памятников болгарского типа и к X в. не полностью ушло оттуда. Это нашло отра-

жение в специфических формах гончарной посуды Верхнего Посурья. Этому, несомненно, способствовала их определенная локальность по отношению к археологическим памятникам Волжской Болгарии. Прекращение функционирования пензенских памятников болгарского типа связано с монгольским нашествием.

Пока нет оснований датировать домонгольским временем более западные примокшанские памятники. Возможно, на западе области до нашествия монголов возникло Фелицатовское городище, но и там, наряду с гончарной красноглиняной посудой, обнаружена лепная мордовская. Вещевой материал не позволяет уверенно датировать его домонгольским временем, так же как и Наровчатское городище (город Мохши). Скорее всего, их основным населением в домонгольское время была мордва, а после нашествия монголов произошел отток населения (болгарский тип памятников) из Верхнего Посурья. Появление памятников болгарского типа в Посурье можно предварительно датировать 2-й половиной X — 1-й половиной XI вв. Вероятно, приток населения с основной территории Волжской Болгарии происходил и позднее, когда возникали новые поселения. II Армиевский курганно-грунтовый могильник в Верхнем Посурье с особым специфическим обрядом захоронения А. Х. Халиковым и Г. Н. Белорыбкиным признается бургасским, хотя и не отрицается наличие в нем и мордовских, и даже мадьярских захоронений. К сожалению, материалы исследования некрополя не опубликованы, хотя выводы, причем, противоречивые, тиражируются второе десятилетие, включая учебные и научно популярные издания. Датировка могильника IX—X вв. не обоснована. Также нет данных о бургасских селищах IX—XIII вв. у с. Армиево. Поэтому декларируемая непосредственная генетическая связь между населением, оставившим II Армиевский могильник, и тем, которое населяло городища и селища болгарского типа, пока не аргументирована. Общим этническим компонентом могла быть мордва, что и отразилось в формах посуды.

Ранее автором высказано предположение о возможной археологической локализации бургассов на территории Волго-Донского междуречья южнее широты г. Пензы. Вероятно, бургасы во многом восприняли ту общую, надэтническую культуру, которая сложилась в социально-политических объединениях, в состав которых они входили. Может быть, поэтому археологическая культура бургассов пока неизвестна.

В IX–X вв. буртасы подчинялись хазарам и жили севернее их. Языческие южно-мордовские могильники VIII–X вв. отразили этнокультурные контакты с какими-то группами населения салтовомаяцкой культуры (Хазарский каганат). С 1596 по 1684 гг. буртаские селения неоднократно упоминаются в писцовых документах по Темниковскому и Алатырскому уездам, как расселенные среди мордвы. Среди исследователей почти нет споров о том, что в конечном итоге они вошли в состав татар-мишарей. Но тезис об изначальной тюркоязычности буртасов IX–X вв. вызывает сомнение, т. к. арабские географы отмечали, что язык у них иной, чем у хазар и болгар. В то же время источники подчеркивают сходство языка хазар и болгар. Е. П. Казаков полагает, что пензенские памятники болгарского типа были оставлены группой болгар Хазарского каганата, не дошедшей до основной территории Волжской Болгарии после разгрома его русами в 60-е гг. X в. Тогда в Волжскую Болгарию в массовом порядке переселялись группы населения, которые принесли новые элементы высокоразвитого хозяйства, во многом определившие общепензенскую культуру. На данном этапе представляется преждевременным отождествление пензенских памятников болгарского типа с буртасами письменных источников.

Е. Ф. Герман (Ижевск, Госуниверситет)

Погребальные лицевые покрытия памятников Прикамья

Одной из интереснейших категорий материальной и духовной культуры средневекового населения Волго-Камья являются погребальные лицевые покрытия. В связи с накоплением материалов вопросы их типологии, хронологии, времени появления в регионе, этнической принадлежности требуют нового осмысления.

Археологически прослеживаемые погребальные лицевые покрытия состояли, как правило, из двух частей: металлической, часто серебряной с позолотой, плоской личины-накладки с прорезями для глаз и рта и подкладки под нее, состоявшей из сплошного куска ткани, преимущественно шелка.

Тип I. Маски-очки. Подтип I. Маски, сделанные из листового золота или серебра с прорезями для глаз в форме карнавальных

очков, иногда с точечным орнаментом вокруг глазных отверстий (Горбуняцкий, Верх-Саинский, Деменковский могильники). *Подтип 2.* Наглазники, нагубники. Изготовлены из золота или серебра. Чаще всего наглазники или нагубники — это прямоугольной формы пластинки с прорезями для глаз и рта (Стерлитамакский, Бродовский и Большетиганский могильники).

Тип II. Маски-личины. Маски состоят из пластинчатых серебряных личин овальной, реже подпрямоугольной формы с прорезями для глаз и рта и небольшой рельефной выпуклостью для носа. По краям масок есть небольшие отверстия для пришивания (Плесинский, Танкеевский, Мало-Аниковский, Баяновский, Рождественский, Загарский и Стерлитамакский могильники, камень “Святик”, две маски из коллекции Теплоуховых).

Тип III. Маски-накладки. Состоят из металлических (чаще всего, бронзовых) пластин, преимущественно подпрямоугольной формы, которые нашивались на ткань в области глаз, реже рта погребенного (Большетиганский могильник).

Тип IV. “Бляхи”. Тип выделен Е.П.Казаковым и представлен крупными круглыми подвесками-бляхами, входившими в состав нагрудных украшений. Возможно, что некоторые предметы могли входить в лицевые покрытия, но в исключительных случаях (Селянино озеро, Кишертский, Пылаевский, Азметьевский I, Кушулевский, Такталачукский и Дербешкинский могильники).

Погребальные маски I типа в Прикамье относятся к VIII в. и связывают с племенами неволинской и ломоватовской культур. Тип II известен в ломоватовско-родановских могильниках и у ранних волжских болгар, датируется VIII—X вв. Наиболее поздний, III тип, — IX—X вв. Последний, IV тип, выделен условно и соотносится с древностями кишертского круга и чияликской культуры XI—XIV вв., связываемыми с угорскими племенами. Именно этот факт и позволил Е.П.Казакову отнести эту черту погребальной обрядности к угорской. Вместе с тем, аналогии известны и среди причерноморских древностей. Нам представляется, что решение вопроса об этнической принадлежности масок следует рассматривать в тесной связи с их ролью в погребальном культе, что, вероятно, позволит уточнить их место среди этно- и культуроопределяющих признаков.

Кузнечное производство на средневековых памятниках Среднего Прикамья (родановская культура)

Родановская археологическая культура, игравшая большую роль в средневековой истории прикамских народов, давно привлекает внимание археологов.

При изучении материалов родановской культуры, носители которой соотносятся с предками коми-пермяков, многими авторами отмечалось возрастание по сравнению с предыдущим временем количества железных изделий. Говоря о типологии орудий труда, следует подчеркнуть, что в 1-й половине II тыс. н.э. прикамские поковки по форме были аналогичны предметам, широко распространенным в это время на всей территории Восточной Европы.

При значительном интересе к хозяйственной деятельности древних финно-угорских племен Приуралья изучение местного кузнечного ремесла находится в начальной фазе. В то же время большое количество железных предметов и их хорошая сохранность позволяют провести широкие исследования с применением археометаллографического метода. В результате проведенной работы получены данные о технико-технологических особенностях средневековых поковок среднекамских коми-пермяков. Исследованные материалы происходят из Кыласова, Рождественского и Соломатовского городищ, Чашкинского II селища, селища и могильника Телячий Брод. Металлографическому исследованию был подвергнут 61 предмет.

При изготовлении орудий труда и предметов быта родановскими кузнецами широко применялась сталь. 51 предмет (или более 80% всех исследованных предметов) откован целиком из стали или имел стальную рабочую часть. Распределение углерода в металле носило негомогенный характер, т.е. очень часто применялась сырцовая сталь, полученная непосредственно в сыродутном горне. Металл исследованных поковок в значительной степени засорен шлаками. Преобладают включения мелких и средних размеров округлых или вытянутых форм.

Основным технологическим приемом изготовления орудий из черного металла на памятниках Среднего Прикамья являлась сварка железа и стали, позволявшая сочетать твердое лезвие с вяз-

кой основой. В исследованной коллекции обнаружено 37 предметов, изготовленных с помощью технологической сварки. Среди них абсолютное большинство ножей, а также топоры, пила, коса.

Набор технологических схем для данного региона был традиционным. Это выразилось прежде всего в доминировании технологий трехслойного пакета (18 экземпляров) и сварки стального лезвия (13 экземпляров) на ножах при полном отсутствии клинков, исполненных в схеме наварки.

Представленные материалы говорят о значительной близости технико-технологического строя кузнечного производства древних коми-пермяков (родановская культура) и северных удмуртов (чепецкая культура). Эта близость проявляется в сходстве сырья, преобладании определенных технологических схем, в уровне выполнения кузнечных операций. Единообразие кузнечного производства пермских народов является еще одним свидетельством в пользу существования в Прикамье особого железообрабатывающего очага. На формирование этого очага сильное влияние оказало кузнечное ремесло Северо-Запада Руси.

И.В. Кураев (Москва, МГУ)

Некоторые особенности погребальных обрядов ярославских курганных могильников

Курганы Ярославского Поволжья уже на протяжении целого столетия являются предметом пристального изучения археологов, занимающихся историей формирования государственности на территории Северо-Восточной Руси. Подобное внимание вполне объяснимо. Ведь именно материалы из погребений традиционно являются одним из основных видов археологических источников, на основании которых реконструируются духовная и материальная культуры, мировоззрение, социальное устройство, этнические составляющие населения, оставившего погребальные памятники.

Важной особенностью погребений, отличающей их от иных археологических памятников того же периода, являются единовременность погребального комплекса, нормированность его элементов и наличие между последними постоянной связи. Погребальный комп-

лекс отражает обряд, обычаи, социальное положение погребенного, отчасти «историческое окружение» совершенного погребения. Конечно, следует признать, что все вышеперечисленное археологически фиксируется лишь усеченно, не отражая полностью всю «историческую современность». Но это не снижает значимость информации, которую можно получить, изучая погребальные памятники.

Современная археологическая наука рассматривает погребальный памятник как комплекс-систему с присущими ему взаимосвязанными признаками и элементами, среди которых особое место занимают состав и размещение погребального инвентаря.

Что касается курганов Ярославского Поволжья, то среди всего обилия элементов погребальных обрядов и сопровождающего инвентаря вполне оправданный интерес вызывают глиняные лапы-муляжи и глиняные кольца. Как известно, на территории Руси находки подобных предметов, кроме Ярославского Поволжья, известны из раскопок курганных групп близ Ростова, Суздаля, Переяславля-Залесского и Юрьева-Польского (в историографии именуются «Владимирскими курганами», раскопаны в прошлом веке А.С. Уваровым и П.С. Савельевым). Общее число находок лап на Руси — 113 экз., колец — 56 экз. Наибольшее количество находок происходит из Ярославских курганов (более 70 экз.). Заметим, что на курганные могильники Ярославского Поволжья имеется наиболее полная документация, что немаловажно при современных методах изучения погребальных комплексов. За пределами территории Руси глиняные лапы известны в Швеции (1 или 2 экз.), в Седермандланде — части Скандинавского п-ва, смежной с Аландскими о-вами, и на Аландских о-вах — около 70 экземпляров из 70 погребений, находившихся в составе более чем 10 могильников.

Первым описал погребальные комплексы с глиняными кольцами и лапами А.С. Уваров. Он отнес их к мерянскому погребальному обряду, считая лапы имитаторами человеческой руки. Дискуссия о характере этой категории вещей продолжается и сегодня. Она касается трех аспектов: проблемы этнической атрибуции обряда погребений с глиняными лапами, вопроса происхождения подобных обрядов и зоологической классификации муляжей, которая оказалась необходимой для реконструкций мифологических представлений населения Ярославского Поволжья в IX–X вв. н.э.

Исследователи пришли к согласию лишь в одном вопросе — лапы имеют исключительно ритуальное и магическое значение и предназначались только для совершения погребального обряда. Всеми участниками дискуссии также признается их тотемное значение.

Решенным на сегодняшний день можно считать вопрос происхождения этого элемента погребального обряда на территории Руси. Глиняные лапы являются специфическим признаком населения Аландских островов (наиболее ранние находки глиняных лап зафиксированы именно там). Появление их относится к VII в., когда на островах возникли постоянные поселения, что повлекло за собой изменения в культуре их населения. Обряд «глиняных лап» связывается с группами охотников на бобров.

Обращаясь к материалам древнерусских курганов Ярославского Поволжья, можно предположить, что появление выходцев с Аландских островов на этой территории произошло не ранее начала X в. На вторую половину X в. приходится наибольшее количество погребений с глиняными лапами, что, вероятно, говорит о значительном увеличении числа переселенцев. Глиняные лапы встречаются как в женских, так и мужских захоронениях. Исключения составляют лишь насыпи Петровского курганного могильника, в котором преобладают женские погребения с глиняными лапами. Являясь одним из многих элементов погребального обряда, глиняные лапы имеют устойчивую связь лишь с глиняными кольцами (значение Q превышает 0,50), а среди кремаций, в которых удалось определить ориентировку покойников на погребальном костре (около 30 погребений), более 80% погребенных имели меридиональную С-Ю и СЗ на ЮВ ориентировку.

Что касается глиняных колец, то, учитывая их сильную связь в погребальном обряде с глиняными лапами, можно констатировать их принадлежность тому же населению.

Подобная трактовка обнаруженных в погребениях глиняных колец вполне оправданно вызывает некоторое недоумение. Как уже отмечено, глиняные кольца зафиксированы исключительно на территории Северо-Восточной Руси и неизвестны на Аландских островах. В данном случае феномен появления в погребальном обряде глиняных колец можно объяснить влиянием скандинавов на аландское население при совместном переселении и проживании на новых землях. Кольцо, как известно, символ магичес-

кого круга, столь характерный для скандинавской религии. В погребениях со скандинавскими чертами погребальной обрядности подобный символ нашел воплощение в гривнах. Влияние скандинавов на аландцев вылилось в появление нового атрибута — глиняного кольца.

В заключение следует отметить, что целью доклада не является этническая атрибуция конкретных курганных погребений Ярославского Поволжья. Вернее говорить лишь о некоторых чертах погребальной обрядности древнерусских курганов, которые указывают на присутствие в рассматриваемом регионе выходцев с Аландских островов. То же самое можно сказать и о погребениях со скандинавскими чертами погребальной обрядности. Смешение разноэтнических элементов обряда отмечается практически на всех идентичных памятниках Древней Руси.

М.Г. Иванова

(Ижевск, Удм.НИИЯЛ Уральского отделения РАН)

Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы исследования средневековых памятников Удмуртии

Алексей Петрович Смирнов внес огромный вклад в развитие финно-угорской археологии. Почти 50 лет жизни он посвятил изучению древней и средневековой истории народов Поволжья и Приуралья, воспитал несколько поколений исследователей, многие из которых занимали и занимают ведущее положение в современной отечественной археологии и возглавляют центры археологической науки в финно-угорских республиках. Но начало его научной деятельности связано с изучением в 1926—1930-е годы средневековых памятников бассейна р. Чепцы, по результатам которых удалось поставить и решить ряд проблем, касающихся не только истории и культуры удмуртов, но и использовать их в обобщающих работах о восточных финнах конца I — начала II тыс. н. э. Им были заложены основные направления для дальнейших исследований, именно с выходом серии его работ, получивших широкий резонанс, чепецкие памятники стали эталоном удмуртских древностей эпохи средневековья, таковыми остаются они и сегодня.

В дальнейшем систематические планомерные исследования продолжила Удмуртская археологическая экспедиция, созданная в 1954 г. Сплошное разведочное исследование среднего течения р. Чепцы и притоков, раскопки отдельных памятников В. Ф. Генингом, В. А. Семеновым, Г. Т. Кондратьевой (Живаевой) значительно расширили круг ранее известных источников. В 1980 — 1990-е годы в результате раскопок городищ и погребальных памятников широкими площадями создана обширная источниковая база, углублена разработка намеченных направлений. Особенно большое значение имеют итоги многолетних систематических исследований городища Иднакар, позволивших рассматривать развитие этого крупнейшего укрепленного поселения в русле процессов градообразования в лесной зоне Восточной Европы. Обновление источниковой базы открыло возможности новых подходов к изучению вопросов генетической преемственности памятников и основных этапов формирования северных удмуртов, отдельных аспектов социально-экономических и этнических процессов накануне присоединения к Русскому государству.

В настоящее время результаты исследования богатейших источников с уверенностью позволяют говорить о сложившемся в начале II тыс. н. э. в бассейне р. Чепцы стабильном этносоциальном образовании с центром на городище Иднакар, пережившем стадию формирования раннеклассовых отношений и становления государственности. В его развитии прослеживается три основных этапа, на протяжении которых происходит активное освоение верховьев правых и левых притоков Чепцы в результате дальнейшего развития экономики и возрастания общего количества населения: расширение территории основных центров; стабилизация характерных черт культуры населения; ее дальнейшая этническая дифференциация. Этот период интенсивного внутреннего развития чепецких удмуртов продолжался не менее трех столетий. Но затем крайне неблагоприятная внешняя ситуация, сложившаяся в середине XIII в. в связи с монголо-татарским нашествием и вызванными им перемещениями населения окружающих территорий, прервала и деформировала процессы социально-экономического и этнокультурного развития.

Разумеется, многие аспекты концепции развития чепецкого населения требуют дальнейших изысканий в плане более углуб-

ленного анализа имеющихся материалов, привлечения дополнительной источниковой базы, совершенства методики. В большей степени это касается проблем палеодемографии и социальной стратификации, в разработке которых возможно привлечение данных сравнительно-исторического языкознания, исследования исторических пластов формирования социальной лексики, детального изучения исторической динамики ранних форм социальной стратификации на обширных материалах населения лесной зоны Восточной Европы. Далеко не исчерпаны и перспективы исследования городища Иднакар, где реальны возможности изучения социальной типологии сооружений, социально-территориальной структуры поселения, продолжение работы по внедрению неразрушающих методов изучения культурного слоя с применением компьютерных технологий, создания базы данных. Отдельным направлением исследований видится разработка семантики зоо-, орнито- и антропоморфных изображений, системы орнаментации, представленной на уникальной коллекции изделий резной кости, подготовка каталогов и альбомов. В заключение хотелось бы отметить, что основные выводы А. П. Смирнова в области изучения удмуртских древностей выдержали испытание временем и новыми материалами, не утратив своего значения.

И.В. Журбин, А.В. Зелинский, М.Г. Смагин
(Ижевск, ФТИ и Удм.ИИЯЛ Уральского отделения РАН)

Картографирование и хронологическая реконструкция средневековых археологических памятников Волго-Камья
(по материалам исследований городища-крепости Иднакар IX–XIII вв.)

Комплексное использование естественнонаучных методов изучения археологических объектов и современных аналитических компьютерных технологий позволяет повысить эффективность археологических исследований как на этапе раскопок, так и при интерпретации полученных материалов. Геофизические методы могут быть использованы для первичного картографирования территории археологических памятников и определения местополо-

жения структурообразующих археологических объектов. Компьютерные технологии хранения, отображения и анализа археологических материалов обеспечивают объективность и достоверность пространственно-временной реконструкции памятника.

Следовательно, эффективный комплекс естественнонаучных методов изучения археологических памятников должен включать:

1. Использование неразрушающих геофизических методов (в частности, метода электрометрии) при априорном определении планировки памятника и пространственных характеристик археологических объектов.

2. Документирование и анализ результатов археологических исследований с использованием современных компьютерных технологий (базы данных, компьютерные изображения, геоинформационные системы).

Геофизические исследования позволяют реконструировать планировку археологических памятников на основании “электрометрической” карты расположения объектов на заданной глубине. При обработке результатов измерений определяются пространственные характеристики отдельных археологических объектов на территории памятника (контуры объекта, глубина залегания). Исследования предполагают восстановление контура объекта поиска при последовательном изменении глубины, а также определение материала и состава археологических объектов. В этом случае выбор глубин электрометрических измерений определяется хронологическими слоями памятника.

Применение компьютерных технологий основывается на базе данных археологических материалов по результатам раскопок (планы раскопок по условным горизонтам, стратиграфия слоя, планы расположение находок, коллекционная и полевая описи, реконструкция и изображения находок). По этим данным в геоинформационных системах формируются тематические компьютерные карты, позволяющие:

- анализировать планировку памятника в различные хронологические периоды (пространственно-временная привязка совокупности археологических объектов);

- выделять отдельные археологические комплексы и структурные элементы памятника (формирование групп разнородных археологических объектов);

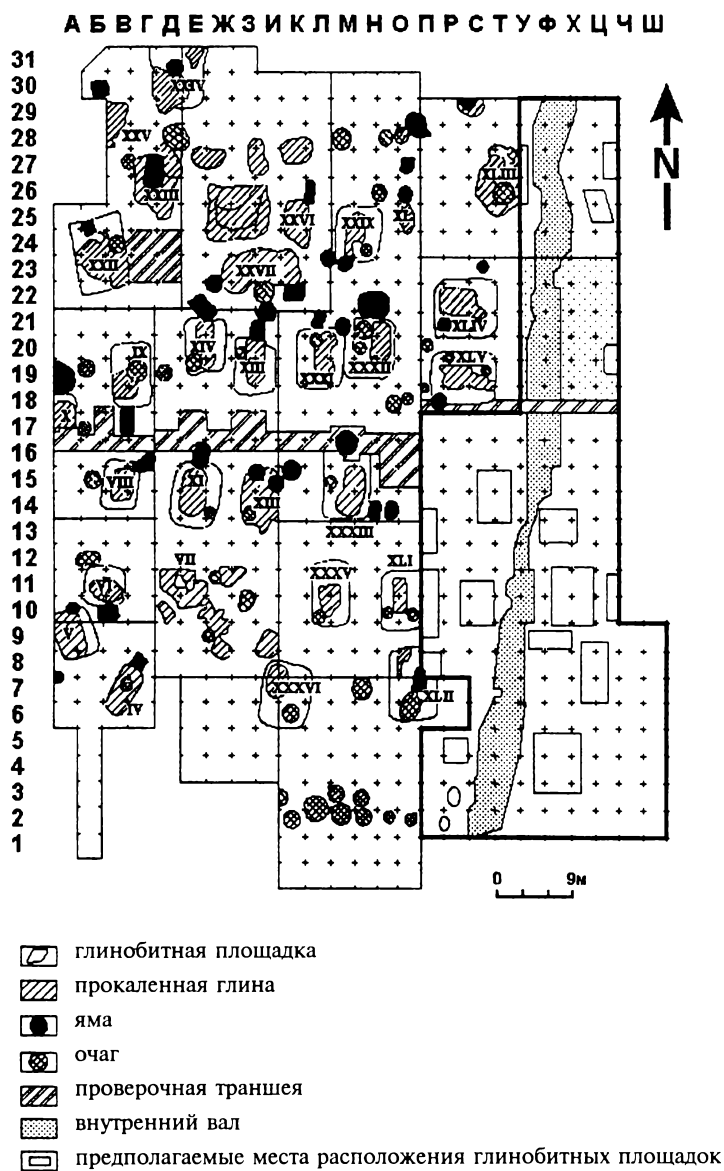

Рис. 1. Планировка внутренней части городища Иднакар.

— определять структуру, состав и динамику развития археологических комплексов и отдельных объектов (анализ прослоек и напластований, привязка слоев к хронологическим периодам развития памятника);

прогнозировать функциональное назначение археологических комплексов.

При этом реконструкция планировки археологического памятника, полученная с использованием неразрушающих методов, является отдельным слоем компьютерной карты и при необходимости может быть объединена с любым из перечисленных слоев (рис. 1).

Компьютерный анализ информации об археологических памятниках, полученной с использованием неразрушающих геофизических методов, в совокупности с данными, полученными в ходе традиционных археологических исследований, эффективен при реконструкции памятников, определении охранных зон, а также при априорном планировании археологических раскопок на территории памятников в каждом полевом сезоне.

Н.Н. Грибов (Нижний Новгород, центр “Регион”)

Раскопки могильника на Саровском городище (по материалам работ 1996–1998 гг.)

Городище Саровское расположено в центре г.Саров Нижегородской области. Размерами (440 тыс. кв.м), сложной системой земляных укреплений оно существенно отличается от единовременных ему (XII–XIII вв.) известных поселений средневековой мордвы.

Первое погребение на памятнике было обнаружено на мысу правого коренного берега р.Саровки. На 1998 г. здесь выявлено пять погребальных сооружений. Конструкции четырёх из них напоминают устройство землянки. В их основе материковый котлован, близкий по форме к квадрату, либо к широкому, слегка вытянутому прямоугольнику. Внутри него во всех четырёх случаях были зафиксированы следы каркасно-столбовой конструкции в виде пристенных отпечатков деревянной обшивки, угловых столбовых ям или значительных по размерам фрагментов различных частей деревянной оснастки. Грунт заполнения имел воронкообразную

структуру, которая, скорее всего, образовалась в результате обрушения перекрывающего объём котлована настила. Обгоревшие остатки последнего в виде мощных углистых прослоек зафиксированы на профилях разрезов всех погребений такого типа.

Погребение № 1 — единственное, где останки костяков имели удовлетворительную сохранность. Котлован его в виде равносторонней трапеции (близкой к квадрату), со сторонами 150 и 190 см и с высотой 170 см, был слегка вытянут по линии ЗЮЗ-ВСВ. С западной стороны в него вёл вход — прямоугольная выемка со ступенчатым спуском. На дне по обряду вторичного трупоположения были захоронены останки девочки и двух взрослых женщин. Детский костяк, единственный полный, был уложен на подстилку из ткани. Костяки взрослых расчленены и, очевидно, представляют собой следы жертвоприношения, которым сопровождалось погребение ребёнка.

В погребениях №3 и 4 следов костных останков не обнаружено. Скорее всего, их можно интерпретировать как детские трупоположения или кенотафы. Одно из них — безинвентарное, в другом на дне найдена бронзовая кольцевая застёжка.

Котлован самого обширного сооружения такого типа (№5) имел размеры 330х210см и глубину 140—170см. По форме он напоминал прямоугольник, вытянутый по линии ЗЮЗ-ВСВ. С южной стороны к нему примыкала яма тамбурного входа (2х2м) глубиной 90см. Отпечатки дощатого настила пола вдоль северной и южной стенок были перекрыты остатками безинвентарных трупосождений. Судя по внушительным размерам, хорошо оборудованному входу, это сооружение служило для совершения последовательных коллективных захоронений.

Только одно обнаруженное погребение (№2) было совершено в простой прямоугольной яме (150х55см) с отвесными стенками без следов дополнительного оборудования. Из-за небольших размеров, небогатого инвентаря (железная стамеска) и отсутствия костных останков его можно интерпретировать как детское трупоположение.

Почти всё межмогильное пространство занимали различные ритуальные конструкции. Среди них — глинобитные кремационные площадки, канавообразные очаги, обширные кострища. С последними связаны многочисленные заупокойные дары — наконечники стрел, ножи, сюльгамы, браслеты, перстни, хрустальные бусы и иной инвентарь.

Вскрытая раскопами часть могильника, очевидно, служила для со-
вершения исключительно детских захоронений. Так как его датировка
соответствует датировке памятника в целом, можно предположить,
что некрополь входил в общую планировочную структуру поселения.

Саровское городище можно рассматривать как центр сложив-
шегося этносоциального образования, формирование которого
обусловлено процессами консолидации мордовских племён и ста-
новление у них в начале II тыс.н.э. государственных обществен-
ных отношений.

Т.Б. Никитина (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛ)

**О преемственности культуры могильников Волго-Вятского
междуречья IX–XI вв. с марийской культурой XVI–XVIII вв.**

Значительный интерес для изучения этнической истории ма-
рийского народа, особенно для построения схемы его происхож-
дения, представляет научная гипотеза А.П. Смирнова о преемствен-
ности могильников IX–XI вв., расположенных в Волго-Вятском
междуречье, с традиционной марийской культурой XVI–XVIII вв.
Впервые эта мысль была сформулирована А.П. Смирновым в тез-
исной форме в 1949 году в монографическом исследовании «Ар-
хеологические памятники на территории Марийской АССР и их
место в материальной культуре Поволжья». При ее обосновании
А.П. Смирнов ввел в научный оборот в качестве археологических
источников материалы поздних могильников.

Последующими работами Марийской археологической экспе-
диции, особенно в 80–90-е годы, данный тезис наполнен факти-
ческим материалом и превращен в стройную систему доказательств.

Актуальность этого вопроса в настоящее время вновь возросла в
связи с тем, что ижевской школой археологов высказана гипотеза о
принадлежности могильников Нижней и Средней Волги IX–XI вв.
(кочергинская культура) древнеудмуртскому этносу. Поэтому есть
необходимость вернуться к рассмотрению данной проблемы.

Несмотря на значительный хронологический разрыв между па-
мятниками IX–XI вв. и XVI–XVII вв. и своеобразный облик каж-
дой из этих групп, преемственность между ними прослеживается

во многих аспектах духовной и материальной культуры. Особенно выразительно это иллюстрируется материалами могильников.

В погребальном обряде фиксируются следующие параллели: групповое расположение могил, кострища на территории кладбища или над отдельными могилами, внутреннее устройство могильных ям (небольшая глубина, засыпь с включениями угля, золы и вещей, подстилки из бересты, войлока и луба или дерева), ориентация погребенных головой на север и северо-запад, определенные категории погребального инвентаря и их расположение в могиле, жертвенная пища, помещенная в медные котлы или деревянные сосуды, жертвенные комплексы из украшений и хозяйственного инвентаря.

Наиболее ярко преемственность погребальных комплексов проявляется в женских украшениях этноопределяющих типов.

Плотно облегающая голову шапочка и налобные венчики-повязки являлись основными типами женских головных уборов с IX по XVIII в. Головные венчики из ранних могильников представляли собой украшенную накладками кожаную полоску на жесткой основе, в области затылка скрепленную с помощью шнурков или пряжек. С XVI в. место накладок заняли монеты, бусы и позумент. Головной венчик продолжал использоваться в качестве составной части в женских головных уборах позднего средневековья «шарпан-нашмак» и «шурка».

Существенной деталью головного убора, несущей этноопределяющую нагрузку, являются накосники. Древнейшие формы этого украшения в памятниках типа Младшего Ахмыловского могильника состояли из ремешков с бронзовыми пронизками, прямоугольными и трубчатыми обоями, которые завершались пирамидальными или бутыльчатыми подвесками. Изделия имели длину от 30 до 50 см, вплетались в косу или покрывали ее сверху. Частично видоизменяясь, накосники сохраняются в составе марийского костюма до XIX в. Основа по-прежнему состоит из кожаных шнурков с бронзовыми пронизками. В IX–XI вв. и XII–XIII вв. в качестве подвесок стали использоваться не только шумящие привески, но и украшения-амулеты: костяные коньки, костяные пронизки с резным геометрическим орнаментом, уточки, «копоушки». К XVI–XVII вв. функции накосников, оберегающих волосы, стали выполнять лопасти от головного убора «шурка» и украшения «юпинэ», закрепленные к поясу в области спины и прикрывающие окончание косы. На конце лопасти «шурки» и «юпинэ» при-

вешивались монеты, колокольчатые подвески, заменявшие шумящие украшения предшествующего периода.

Традиционной частью марийского головного убора являлись височные кольца из медной или серебряной проволоки. В погребениях IX–XI вв. набор височных украшений достаточно разнообразен: кольца с заходящими отогнутыми и перевитыми концами, кольца, один конец которых имеет втулку или завиток и т. д. Но наибольшее распространение получили украшения с заходящими концами, один из которых отогнут и оформлен в виде плоской, многогранной или округлой головки. С XVI в. ведущими становятся височные кольца в виде знака вопроса с отогнутым длинным концом, на который нанизаны бусы.

Среди декоративных нагрудных украшений в качестве этноопределяющих Г.А. Архипов выделил наборные коньковые подвески с ажурным трапециевидным щитком. По нижнему краю щитка на длинных цепочках прикреплены лапчатые и бутылчатые привески. Украшения носились попарно по обе стороны груди и соединялись между собой перекинутым через шею ремешком. Составные нагрудники в XVI в. изготавливались из кожи, монет и бус. Но трапециевидная форма и шумящие украшения по-прежнему сохранили свои позиции в костюмном комплексе. Вплоть до современности продолжает использоваться и сюльгама, выполняющая как роль застежки, так и несущая декоративную функцию.

Перечень марийских украшений, имеющих истоки в культуре могильников Волго-Вятского междуречья эпохи средневековья, возможно дополнить и другими категориями изделий.

Таким образом, комплекс материальной культуры и погребальный обряд подтверждают преемственность между древностями Волго-Вятского междуречья IX–XI и XVI–XVII вв., которые являются отдельными этапами в развитии древнемарийской культуры.

Н.И. Шутова (Ижевск, Удм.НИИЯЛ)

Посуда в обрядовой жизни финнопермских племен Прикамья (по данным археологии, фольклора, этнографии)*

При совершении погребально-поминальных обрядов средневековые удмурты и коми использовали посуду из глины, бронзы,

* Работа выполнена при содействии РГНФ, проект № 98-01-00034.

железа, дерева и бересты. Целые погребальные сосуды ставили в женские, детские и мужские могилы с ритуальной пищей, чтобы умерший человек не знал нужды в пище на том свете. Это были специально вылепленные для похорон и богато орнаментированные чаши (в мужских погребениях зачастую заменявшиеся металлическими котлами). Фрагменты битой столовой посуды располагались в заполнении могильных ям, в межмогильном пространстве, в жертвенных ямах. Очевидно, сломанные кусочки от разных сосудов приносили на кладбище в качестве даров умершим предкам. Количество и качество погребальной посуды, ее содержимое могли указывать на социальное положение, пол и возраст умершего. В XVI–XVIII вв. наблюдается угасание традиции сопровождения умерших как чашами с пищей, так и обломками бытовой посуды.

По данным фольклора и этнографии удмуртов конца XVIII – начала XX вв., для облегчения участи умиравшего человека стелили белую скатерть и ставили чашку с водой. В процессе подготовки похорон дома для новопреставленного предназначался обломок посуды, в который складывали немного пищи и питья. После похорон для погребенного оставляли на кладбище предварительно расколотые на части чашку и ложку. Во время поминальных тризн обязательно держали сосуд (обломок сосуда), корыто, в которые бросали еду и питье для умерших предков.

При совершении жертвоприношений средневековым божествам использовали посуду из глины, серебра, дерева и бересты. На Верхней Каме, в бассейне Чепцы, Средней Вятки обнаружены находки серебряной посуды (чаш, блюд, кувшинов) из Ирана, Средней и Малой Азии, Кавказа. По мнению исследователей, в местной среде подобные сосуды (или часть сосудов) употреблялись в культовых целях (в качестве столовой посуды для ритуального поедания жертвенной пищи, в качестве даров божествам и пр.). Имеются многочисленные этнографические свидетельства использования серебряных монет, котлов и блюд в религиозных церемониях на святилищах удмуртов и коми и высокого сакрального статуса этих вещей в обрядовой сфере. Следует предполагать, что ряд кладов, содержащих серебряные предметы (в том числе и посуду), могли являться скоплением священной утвари жертвенных мест. На святилище Чумойтло XI – начала XIII вв. при совершении обрядов

использовали обломки глиняных сосудов разных археолого-этнических типов. Находки большого количества не поддающейся склеиванию битой керамики можно рассматривать как обетные приношения хозяину (духу местности).

На культовых памятниках удмуртов вплоть до настоящего времени при совершении жертвоприношений на святилищах, при проведении земледельческих календарных обрядов и т. д. употребляется специальная столовая утварь из дерева, бересты как для поедания освященной пищи самими людьми, так и для подношения этой пищи божествам. К примеру: какую-то часть блинов, мяса и кости жертвенного животного или птицы складывали в берестяную чашку или коробку, ставили либо подвешивали на сучья ели. В фольклорных текстах постоянно упоминаются неперменные атрибуты всех обрядовых действий и молений — чашки с пивом и вином. Чашки с водой использовались также при гадании.

Ритуальные свойства посуды являлись продолжением их утилитарных свойств. Так, посуда быламестилищем материальных благ, служила символом благополучия и благосостояния людей, умерших предков и богов. Сосуд выполнял роль связующего звена между миром людей и миром умерших предков, между человеческим коллективом и божественной сферой. Совместная трапеза коллектива родственников символизировала единение человеческого социума.

Е.П. Казаков (Казань, Институт истории АН Татарстана)

Некоторые итоги и задачи изучения древностей Волжской Болгарии

История изучения болгарского наследства имеет двухвековую традицию. До недавнего времени оно основывалось на отрывочных, дошедших до нас в неоднократной переписке, сведениях древних авторов, часто не имеющих твердой географической и хронологической привязки (за исключением сообщения Ибн Фадлана от 922 г.). Поэтому содержание трудов Тунмана, Энгеля, Ю. Венелина, Д.И. Иловайского и других по волжским болгарам носило преимущественно гипотетический характер. Лишь с 50–60-х гг. нашего столетия в связи с проведением широких раскопок появи-

лась возможность изучать историю болгар на конкретном материале, открывающем возможности интерпретации и письменных источников.

Современные исследователи делят историю Волжской Болгарии на раннеболгарский (конец VIII — первая половина X вв.), домонгольский (вторая половина X — первая треть XIII вв.) и золотоордынский (XIII — XIV вв.) периоды.

В последние 30 лет, благодаря работам Н.Я. Мерперта, В.Ф. Генинга, А.Х. Халикова, Е.А. Халиковой, Е.П. Казакова и других, накоплен обширный материал из нескольких десятков памятников VIII — X вв. Он позволил совершенно по-новому оценивать исторические процессы этого времени.

Новые данные подтвердили сообщения Худуд-ал-Алема, Ибн Фадлана и других восточных авторов о том, что до I—II четверти X в. болгары были язычниками, вели кочевой образ жизни и делились на племена болгар, сувар, эсегель, бажджардов и др. Для IX в. неизвестно ни одного поселения волжских болгар, зато исследовано два десятка языческих могильников с погребениями воинов-всадников (Кайбельский, Большетарханский и др.).

Смешивались пришлые волжские болгары не с носителями именновской культуры, которая прекратила свое существование за сто лет до их прихода, а также с пришлыми, но из Приуралья в Среднее Поволжье кочевыми уграми, также вынужденными спастись из-за событий печенежско-мадьярской конфронтации. Кроме них, в состав волжских болгар входили группы хазар, печенегов и, видимо, огузов.

В качестве решаемых задач этого времени остаются вопросы седентаризации, т. е. оседания болгар на землю, датировка процесса появления постоянных поселений и городов, характер смены язычества мусульманством, становление государственности. Хронологические рамки этих кардинальных изменений в болгарском обществе, видимо, будут рассматриваться на конференции, которую в этом году организует Научный Центр археологических исследований Института истории АН Республики Татарстан.

Раскопки А.П. Смирнова, Т.А. Хлебниковой, А.Х. Халикова, Ф.Ш. Хузина столичных центров Болгара и Биляра предоставили материалы для решения многих проблем домонгольского периода. Однако раскопки проведены лишь на единичных городищах. Еще хуже изучено болгарское село, где проживала большая часть насе-

ления. Пальцинское, Измерское, Речное, IV Кожаевское, VI Алексеевское и другие селища были подвергнуты раскопкам Т.А. Хлебниковой, Е.П. Казаковым, М.М. Кавеевым, К.А. Руденко и др. Полученные материалы в определенной мере позволили характеризовать культуру городского и сельского населения, осветить его занятия земледелием, скотоводством и ремеслом. Удалось довольно четко определить границы первого и второго этапов домонгольского периода в пределах конца XI в. При том, Болгария на первом этапе вследствие падения Хазарии и слабости Северо-Восточной Руси была гегемоном в торговле и культурном влиянии на пространстве от Урала до Верхнего Поволжья.

При изучении раннеболгарского этапа большие проблемы создает слабая изученность города и села, а также вопросы определения времени появления постоянных поселений. В настоящее время выявлено, что ранние слои большинства поселений, в том числе и столичных центров, относятся к 60-м годам X в., когда из Приазовья, из гибнущей под ударами печенегов и Святослава Хазарии в Среднее Поволжье переселяются мусульманизированные группы — потомки «черных болгар» Батбая, которые принесли элементы культуры, неизвестные у волжских болгар, но с IX в. характерные для развитых районов салтово-маяцкой культуры: постоянную круговую посуду, развитое ремесло, земледельческие орудия (прогрессивные формы серпов, кос, лемехов, резаков) и т. д. С этого времени все, даже сельские некрополи, становятся мусульманскими, а культура страны приобретает те черты, которые существуют весь домонгольский период.

В заключительный период Волжская Болгария выступает как провинция Золотой Орды. Это время археологами изучено слабо. Лишь Болгарское городище подвергнуто многолетним раскопкам масштабного характера (А.П. Смирнов, Т.А. Хлебникова). Однако из сборов и небольших раскопок на памятниках можно сделать вывод, что уже через два десятилетия после разрушительного монгольского нашествия страна снова стала «ремесленным центром» и «житницей» обширных регионов Золотой Орды. Об этом свидетельствуют изделия ремесленников, в том числе и более мощные, чем домонгольские, земледельческие орудия.

Задачами в изучении этого периода остаются проведение раскопок, накопление материала, его систематизация, разработка хро-

нологии, соотнесение письменных и археологических данных. Все это связано и с решением актуальных проблем происхождения казанских татар.

Приведенные материалы свидетельствуют о заметных успехах исследования древностей волжских болгар в последние 40 лет. В то же время возросший объем материала с неизбежностью расширяет фронт загадок. Теперь исследователи представляют в более соответствующем исторической действительности виде сложные и диалектически противоречивые процессы, происходившие в болгарском обществе.

П.Н. Старостин
(Казань, Институт истории АН Татарстана)

О раннем Болгаре

Среди исследователей, занимавшихся изучением древнего Болгара, ведущая роль принадлежит Алексею Петровичу Смирнову. Ему он посвятил лучшие годы жизни. С 1938 г. благодаря усилиям и стараниям А.П.Смирнова начала регулярно работать Болгарская археологическая экспедиция. В 1998 г. отмечалось шестидесятилетие ее деятельности. В настоящее время на территории России можно назвать немного памятников, которые изучались бы с такой последовательностью и тщательностью, как Болгарское городище.

Интерес А.П.Смирнова вызывала проблема раннего города Болгара. В 80-е годы в очерке “История археологического изучения Болгарского городища, стратиграфия, топография” Т.А.Хлебникова обобщила весь имевшийся к тому времени материал по раннему периоду памятника. Она определила его нижнюю дату концом IX—началом X столетия. Т.А.Хлебникова считала, что город Болгар начал формироваться на мысовой части между Большим Иерусалимским оврагом и левым коренным берегом р.Волги. Здесь была построена цитадель, к которой примыкали поселения.

В последние полтора десятилетия на Болгарском городище выявлены новые материалы, связанные с VI слоем этого памятника. Одно из поселений, открытое Т.А.Хлебниковой в низовьях Малого Иерусалимского оврага, было сильно разрушено. Раскопки,

проведенные в 1986 г. на останце его культурного слоя, дали возможность зафиксировать часть наземного жилища с круглыми очагами блюдцеобразной формы, построенными из камней-песчаников, обмазанных глиной. В заполнении очагов найдены обломки лепных и подправленных на круге сосудов с примесями шамота и песка в тесте. Верхние части сосудов украшены орнаментом в виде прочерченных и волнистых линий и нарезок по краю. Рассматриваемая керамика, по Т.А.Хлебниковой, относится к XI группе и близка лепной посуде салтово-маяцкой культуры. Аналогичная посуда широко встречается на болгарских поселениях второй половины X — начала XI в., в том числе в раскопах Болгарского городища и Биляра.

Второе поселение домонгольского периода находится на левом берегу Малого Иерусалимского оврага. Оно было открыто летом 1996 г., а раскапывалось в 1998, 1990—1993 гг. В результате изучено устроенное на относительно низкой овражной террасе раннеболгарское поселение, не перекрытое более поздними напластованиями. На нем зафиксированы остатки шести жилищ (полуземлянка и наземные, немного заглубленные в грунт). В некоторых из них открыты каменные и глинобитные очаги. В межжилищном пространстве выявлены хозяйственные ямы-кладовки.

Основную часть вещевого материала с поселения составляет керамика. Она представлена обломками круговых сосудов красного, коричневого, желтого, серого и бурого цветов. На их поверхности иногда встречаются желобки и волнистые линии. В коллекции представлены обломки горшков и кувшинов. Среди кувшинов есть экземпляры с расширением в нижней части. Наиболее близкие аналогии рассматриваемой посуде можно указать в материалах Танкеевского могильника.

В комплексе лепной посуды ряда объектов преобладают обломки сосудов с примесями толченых раковин в тесте. Стенки сосудов аккуратно заглажены, цвет их серый, формы круглодонные, горловины блоковидные. Орнамент — оттиски шнура по горлу и плечикам; пальчатые защипы, нарезки по срезу горловин; “заштрихованные” треугольники, ромбы, кружки, овалы по плечикам. Рассматриваемая керамика находит аналогии в материалах памятников ломоватовской и полемской археологических культур, а также могильников ранних болгар (Тан-

кеевском и Хрящевском). Близкая посуда встречена в материалах Маклашеевского I селища. Подобная керамика зафиксирована в последние годы при раскопках центральной части Болгарского городища В.С.Барановым и М.М.Кавеевым, у Малого Минарета и в низовьях левого берега Малого Иерусалимского оврага.

Помимо того, следует отметить остатки орудий труда (коса-горбуша, топор, ножи и др.), обломки каменных ручных жерновов; встречены изделия из кости, проколки и стеклянные бусы. Заслуживают внимания находки пяти серебряных куфических монет, определение которых проведено Г.А.Федоровым-Давыдовым и Д.Г.Мухаметшиным. Самые поздние из монет датируются 913–932 гг.; ранние — 898–899 и 894/5 гг. Эти находки позволяют относить изучаемое поселение к первой трети X столетия.

Т.А.Хлебникова полагала, что укрепленная часть раннего Болгара была относительно небольшой — около 90 тыс. кв.м. По ее мнению, одновременно с созданием укреплений была заселена территория в непосредственной близости от города, на расстоянии 300–700 м. В эту систему Болгара входили и поселения у Малого Иерусалимского оврага. Ранние напластования на территории цитадели Болгара очень сильно переработаны более поздними строениями, относящимися к V слою (позднемонгольскому), IV (золотоордынскому) и II и I (русским). Находки в северо-восточной части города восполняют источниковую базу по раннему Болгару.

К.А. Руденко

(Казань, Государственный объединенный музей Татарстана)

Некоторые итоги исследований болгарских памятников Нижнего Прикамья в 1988–1998 гг.

А.П.Смирнов еще в начале 50-х гг. отмечал, что наименее изученной областью в болгарской археологии являются селища. Исследование их было начато под руководством А.П.Смирнова в конце 50-х гг. Изучением негородских поселений в 60–90-х гг. занимались В.Ф.Генинг, Т.А.Хлебникова, В.Ф.Каховский, Г.И.Матвеева, Е.П.Казаков, М.М.Кавеев, К.А.Руденко и др. Последним были

проведены стационарные исследования нескольких селищ в низовьях р. Камы, составляющих один из памятников, где раскопано свыше 2000 кв. м площади, одно из них раскопано полностью. Результаты исследований частично опубликованы. В последние годы автором проводилось комплексное исследование всех памятников микрорегиона, включая городища, а также велись разведочные работы более чем в 15 районах Татарстана.

Итогом работ стало создание типологии болгарских селищ, исследование некоторых вопросов болгарской фортификации, погребального обряда, а также анализ значительного числа вещественных находок, что позволило наметить подходы к решению некоторых вопросов хронологии болгарских древностей.

Исследованный материал позволил выделить аскизский по своим истокам комплекс находок, типичных для болгарских памятников середины — второй половины XII в. Парадоксально, но мода на изделия аскизского круга оказалась живуча и широко распространилась не только среди болгар, но и в финской среде (не затронув особо лишь южных кочевников-половцев). Близкие и аналогичные изделия найдены у мордвы, марийцев, удмуртов, причем здесь они использовались в основном как детали обычного костюма (поясные пряжки и накладки). Особенно часто они встречаются в удмуртских могильниках (Кузьминском, Чиргинском и др.), где датируются XI—XII вв. Интересно, что остатки бытового пояса с железными украшениями, найденные в Билярском II могильнике (погребение 147) позволяют “омолодить” нижнюю дату некрополя, отнеся ее ко времени не ранее конца XI в. Исходя из этого, необходимо скорректировать и время сооружения укреплений “внутреннего города” Биляра, и время застройки и освоения территории “внешнего города”.

Интересным фактом стало обнаружение близких аналогий между памятниками раннезолотоордынского времени Нижней Камы и Чепцы.

Анализ материалов показал, что территория болгарского улуса в этническом плане в золотоордынское время представляла собой чрезвычайно пеструю картину. Здесь интенсивно проходили ассимиляционные и миграционные процессы. Активную роль в них играло население с территории Мордовии, Средней Камы, Вятки и Поветлужья, а также тюркские (кыпчакские) группы, проникавшие сюда с Нижней Волги.

Для рассматриваемой территории в это время отмечено следующее. Во-первых, наличие общих (универсальных) черт городской “моды” (украшения костюма) и хозяйственной золотоордынской культуры. Последнюю характеризуют, среди прочих, крупные тарные круговые сосуды, поливная керамика, чугунные котлы. Во-вторых, присутствие специфических (этнических) элементов быта, которые, несмотря на быстрые процессы нивелировки, устойчиво сохранялись на протяжении всего периода. Обусловлено это было меньшей плотностью населения, большей автономностью сельских общин, различными путями формирования последних, а также постоянной инфильтрацией отдельных групп населения из мест этнического расселения, чему способствовало наличие единого политического пространства в рамках Золотой Орды. В-третьих, существование торгово-экономических связей селищ не только с близлежащей округой (что было характерной чертой домонгольского времени), но и с более отдаленными районами государства и его сопредельных территорий. В-четвертых, отсутствие непосредственной связи домонгольской “моды” с золотоордынской. В ордынской “моде” в данном случае — отсутствие последовательного развития и явных следов формирования симбиозных типов украшений и т.п.

А.Ф. Кочкина

(Самара, Областной историко-краеведческий музей)

Муромский городок как региональный центр Волжской Болгарии на Самарской Луке

В ряду крупнейших городов Волжской Болгарии — город на Самарской Луке, археологические остатки которого известны под названием “Муромский городок”. Уже само расположение городища определило его особые функции в системе расселения в пределах региона.

Излучина Волги создала своеобразный в географическом отношении район, накладывающий отпечаток на его историко-культурное развитие. В эпоху средневековья здесь проходила южная

граница Волжской Болгарии. Особенность группы памятников, расположенных на Самарской Луке, состояла в том, что она находилась на некотором удалении от основных поселений болгарского государства, отделенная от них “буферной” зоной в 200–250 км, где известны только единичные памятники домонгольского времени. Наличие подобных, относительно изолированных, микрорегионов характерно именно для волжского участка каркаса расселения волжских болгар в целом. Это, вероятно, было связано с задачей обслуживания торговых путей и соблюдением стратегических интересов государства.

История изучения Муромского городка насчитывает 75 лет. Хотя он и был известен еще с конца XVIII в., со времени знаменитых экспедиций И.И.Лепехина и П.С.Палласа, первые археологические исследования на нем, в отличие от многих других городищ, относятся к 20-м гг. XX в. (В.В.Гольмстен); возобновленные в 70-е гг. (Г.И.Матвеева), они продолжены в 90-е гг. (А.Ф.Кочкина).

Структурно-планировочные особенности городища, наличие пригорода, памятники кирпичной архитектуры, специализированные ремесленные производства на территории города — все это выдвигает Муромский городок на роль регионального центра. Кроме этих, внутренних, причин, обусловивших его особые функции, существовали внешние. Если проанализировать плотность размещения болгарских памятников на Самарской Луке, то становится очевидным, что структурообразующим началом системы расселения является река. Поселения разместились практически цепочкой, последовательно вдоль всей дуги излучины. Однако в западной части Луки, где расположен Муромский городок, наблюдается высокая насыщенность территории памятниками (почти половина из 30). В данном случае городище является центром притяжения населения и ядром микрорегиона. Территориальные и функциональные связи между Муромским городком и остальными объектами в достаточно замкнутом пространстве Самарской Луки обусловили формирование Муромской городской агломерации.

Г.Ф. Полякова (Москва, ГИМ)

**О датировке некоторых типов ювелирных изделий
из Волжской Болгарии**

Существует много работ, посвященных атрибуции, типологической характеристике и датировке обширного археологического материала, собранного на Болгарском городище. Главным критерием для определения его даты служат стратиграфические данные. За годы многолетних археологических работ в Болгарах разработана четкая хронология культурных напластований. Однако на любом многослойном памятнике целостность слоев, как правило, бывает нарушена многочисленными перекопами и норами грызунов. Это нередко создает трудности для определения границ и дневных уровней сооружений. Кроме того, вещевой материал оказывается в переотложенном состоянии, что приводит к ошибкам в его датировке. Так в ряде работ, посвященных периодизации Болгарского городища, в число вещей, датирующих домонгольский слой, включена сюльгама с узкими лопастями треугольного сечения. Она была найдена на уровне V (домонгольского), но, видимо, нарушенного перекопами слоя, т.к. подобные сюльгамы появляются и бытуют только в домонгольское время. Они не раз встречены в золотоордынских напластованиях Болгарского городища, а также в мордовских, нижеволжских и других памятниках XIV в.

Еще одним примером ошибочной датировки может служить серьга в виде знака вопроса с ажурной бусиной на конце из жилища на Ага-Базаре. Ее также относят к домонгольскому времени, хотя хорошо известно, что такие серьги являются характерным украшением золотоордынского периода. Кроме того, ажурная бусина по технике и рисунку соответствует многочисленным бусинам из Белореченских курганов. Условия залегания серьги также дают повод для ее более поздней датировки. Над жилищем, где найдено это украшение, располагалась землянка XIV в., причем стратиграфически эти два налегающих друг на друга сооружения в месте их стыка разделить не удалось. Таким образом, есть все основания связывать указанную серьгу с верхним жилищем и датировать ее золотоордынским временем.

Уточнению даты иногда помогает материал, найденный далеко за пределами Волжской Болгарии. Так, погребение 40 из могильника

на Бабьем Бугре, в котором были обнаружены зеркало и серебряные серьги редкой формы, исследователи отнесли в соответствии со стратиграфическими данными к домонгольскому периоду. Однако в публикации А.М.Ефимовой отмечалось, что этот критерий применительно к могильнику на Бабьем Бугре нельзя считать надежным, так как культурный слой здесь в значительной степени нарушен многочисленными, плотно расположенными погребениями, нередко перекрывающими друг друга. Дату погребения 40 позволяет уточнить материал из курганного захоронения золотоордынского периода могильника Чограй VIII, расположенного в Арзгирском районе Ставропольского края. Среди погребального инвентаря этого захоронения также найдены зеркало и серебряные серьги. Последние отличаются от болгарских лишь деталями отделки. Сходство этих серег свидетельствует о синхронности их бытования, которое приходится на золотоордынское время.

Есть основание поставить вопрос и о передатировке некоторых болгарских кладов украшений, которые принято считать домонгольскими. Известно около 15 кладов этого времени с характерным набором ювелирных изделий. Это трехбусинные височные кольца, плетеные гривны и браслеты, цепочки из желудевидных подвесок, крупные пластинчатые бляхи и другое. В состав некоторых кладов входят слитки серебра в виде палочек и согнутых в трубочку лепешек. Такие слитки датируются обычно XII–XIII вв. Но в кладе из Четырлы, найденном в 1908 г. в Самарской губернии, содержалось девять ладьевидных слитков. Н.П.Бауер датировал такие слитки XIV в. Находка М.Г.Крамаровским в Старом Крыму клада из десяти таких же слитков вместе с монетами XIV в. подтверждает эту дату. Таким образом, клад из Четырлы был зарыт не ранее XIV в. В этом же кладе есть слитки в виде палочек. Значит, они также доживают до золотоордынского времени.

Украшения указанного клада представлены кольцевидными височными кольцами, цепочкой с желудевидными подвесками и пластинчатыми бляхами. Все вещи выполнены из серебра. Раскопки последних лет в восточных районах Татарии, в частности, Такталакчукского и I Азметьевского могильников, датированных по монетам ханов Узбека и Джанибека XIV в., содержали подобные бляхи и кольцевидные височные кольца, которые по форме

бусин и технике их исполнения очень близки кольцам из Четырлы. Таким образом, не только слитки, но и вещевой материал позволяет отнести указанный клад к XIV в.

К кладу из Четырлы по вещевому составу очень близок Бутаевский клад (Татария, Аксубаевский р-н). Вещи обоих кладов настолько схожи, что можно считать их изделиями одной мастерской. Есть кольцевидные височные кольца и цепочки с желудевидными подвесками и в Спасском кладе 1869 г. Но там же имеются слитки в виде лепешек, время бытования которых нумизматами определяется пока домонгольским периодом. Однако, возможно, и эту датировку также следует пересмотреть.

С.И. Валиулина, Е.А. Беговатов (Казань, Госуниверситет)

Исследование Билярского городища и памятников в его округе

В 1998 г. экспедиция Казанского университета продолжила исследования Билярского III селища. Памятник золотоордынского периода, расположенный в 1,5 км от северных укреплений Билярского городища на левом берегу р. М. Черемшан, был открыт Р.Г. Фахрутдиновым в 1964 г. В 1980–1981 гг. раскопки велись под руководством Н.А. Кокориной. В 1994 г. памятник подвергся разрушениям в результате развернувшегося на его территории дорожного строительства. Охранно-спасательные работы с 1994 г. осуществляет экспедиция Казанского университета (в 1995–1996 гг. совместно с Самарским историко-краеведческим музеем). К настоящему времени вскрыто более 750 кв. м площади.

Особенно многочисленные и яркие материалы были получены в результате раскопок в 1994 г. В жилой постройке, хозяйственных ямах и сооружениях найдены поливные кашинные чаши, кувшин со штампованным орнаментом, большое количество фрагментов поливной посуды, в том числе с люстровой и кобальтовой росписью, поясная костяная обойма с изображением дракона, выполненная в технике пропильной резьбы, осколки чугунных котлов, пул хана Узбека и много других изделий. Этот материал определил городской характер памятника, что позволило отождествить III Билярское селище с Биляром золотоордынского времени. Ранее

предположение о местонахождении золотоордынского города в этом районе неоднократно высказывал А.Х. Халиков.

Целью исследования сезона 1998 г. было определение границ памятника, прежде всего его восточных пределов. В результате работ установлена площадь памятника — не более 1000 м х 700 м, определена восточная его граница, где к золотоордынскому Биляру почти вплотную примыкает Билярское II селище, существовавшее в домонгольское и золотоордынское время. Ранний домонгольский период существования Билярского II селища, кроме керамического материала, определяется и кладом монет, найденным авторами доклада в 1998 г. Монеты обнаружены на пашне, условия сокрытия не установлены. Клад состоял из восьми куфических дирхемов (3 целых и 5 обломков), в том числе: две монеты Зийярида Шемс-ал-Маали-Кабус ибн Вашмегира 366–403 г. х. (976–1012 гг.) и три монеты Мамунидов (хорезмшахи второй династии) — Абуль Хасана Али ибн Мамуна 387–406 г. х. (997–1015 гг.). По-видимому, клад был зарыт в первой четверти XI в.

На правом берегу р. М. Черемшан велись исследования Торецкого селища. Двумя раскопами общей площадью 104 кв. м вскрыты хозяйственные и иные сооружения, в том числе две печи, ритуальный комплекс, столбовые ямки от ограды. Богатую коллекцию находок с памятника представляют: жернова, сошники, ножницы для стрижки овец, наконечники стрел, ключи, скобы, светцы, бронзовые чашечки от весов, поливная керамика, фрагмент селадона, бусы, глиняные пряслица, железная сковорода и ложка-лопаточка, лепной горшок так называемого славяноидного типа, бронзовое зеркало, пять монет (одна серебряная, обрезанная) и др. Особенно интересен комплекс конской упряжи — два стремени, подпружная пряжка, берестяное седло, бронзовый конский налобный умбон, а поверх всего лежали бронзовое зеркало с изображением двух рыб и серебряная серьга колечком. Вся богатая коллекция материалов и стратиграфические условия находок позволяют датировать памятник второй половиной XIV — нач. XV вв.

В этом же сезоне на Билярском городище домонгольского времени были завершены работы на раскопе 41 в центре внутреннего города, где исследовался комплекс мастерской алхимика и стеклодува XII — нач. XIII вв. Наиболее интересным объектом является сооружение (яма 18) с печью, у устья которой обнаружен развал

глубокой глиняной миски и россыпь необработанных кусочков янтаря общим весом более 1 кг. Янтарь прокален в печи и имел темно-красный цвет. Среди других находок — фрагменты поливной керамики, сфероконусы, осколки стеклянных изделий, бусы, динасовые огнеупоры, бронзовые украшения, фрагменты металлической матрицы из светлого сплава с растительным орнаментом, железные изделия — бытовые и оружие; человеческие кости — все материалы соответствуют верхнему горизонту культурного слоя городища.

Таким образом, исследовалась компактная группа памятников, охватывающих временной диапазон от X до XV в. Результаты работ открывают большие возможности для решения многих проблем средневековой истории Среднего Поволжья.

И.Л. Измайлов (Казань, Институт истории АНРТ)

Научное наследие А.П. Смирнова и проблемы изучения истории военного дела Волжской Булгарии

Изучение военной истории средневековой Восточной Европы является одним из важных направлений исторической науки. Наряду с этим приходится констатировать, что военное дело волжских булгар исследовано не достаточно. Между тем, Волжская Булгария была одним из крупных феодальных государств Восточной Европы.

Изучение вооружения и военного дела Волжской Булгарии имеет более чем столетнюю историю. Долгое время данные о военном деле булгар черпали в основном из русских летописей, чаще всего обращаясь к этой теме в связи с русско-булгарскими и булгаро-монгольскими войнами. Изучение этой темы в отечественной науке XIX — нач. XX вв. тормозилось гипотезой о «мирном», «торговом» характере булгар. Этими причинами объясняется и то, что во многих обобщающих работах должного внимания военному делу булгар не уделялось. Так, в статье В.В. Голубовского подчеркивалось, что «Болгария была по преимуществу государство торговое, промышленное. Интересами чисто промышленного характера объясняется и вся ее внешняя история».

В 20—30-е годы XX в. наметились новые методические подходы к истории Волжской Булгарии и ее военного дела, связанные с активным внедрением в историю марксистской концепции развития общества: более пристальное внимание стали уделять экономике, политическому строю и институтам государственной власти.

Новый этап в болгароведении начался в конце 30-х годов с развертывания широких археологических исследований и с выходом в свет работы А.П. Смирнова «Очерки по истории древних болгар». В ней автор, в частности, разбирает предметы вооружения и указывает на местный характер их производства. Привлечение данных письменных источников позволило ему сформулировать довольно обоснованный вывод о том, что «булгарское государство являлось типичным феодальным государством», со сложной иерархией и воинской повинностью. Автор справедливо указал на то, что на некоторое время даже монгольские отряды оказались бессильными перед «соединенными отрядами» болгар... Некоторые выводы А.П. Смирнова встретили возражения Б.Д. Грекова, который указал на разницу между войском и дружиной, хотя и согласился с характеристикой раннефеодального характера государства болгар.

В новой концептуальной работе «Волжские болгары» А.П. Смирнов в отдельной главе охарактеризовал некоторые виды вооружения (мечи, сабли, топоры, луки, стрелы и др.), сделав вывод о том, что большинство из них являлось продукцией болгарских ремесленников, которые «не копировали слепо русские образцы, а перерабатывали их мотивы по своему вкусу, создавая оригинальные вещи». По его мнению, войско у болгар носило феодальный характер: главной силой их войска служила тяжелая конница, а пехота имела подсобное значение. Военная тактика болгар напоминала приемы боя, свойственные кочевникам-сарматам, и была рассчитана на внезапность удара. Булгарам были известны приемы постройки крепостей, и их система обороны отвечала требованиям техники того времени, но вести правильную осаду болгары не умели. Особо подчеркивалась мысль о том, что болгарская дружина была слабее русской, а коалиции русских князей располагали почти всегда более сильным войском. «Вся военная история болгар, — делает Смирнов общий вывод, — показывает, что они усту-

пали русским в полевом военном искусстве, но военно-инженерское дело у них стояло на должной высоте. Причиной слабости болгар была их тактика, рассчитанная на конницу, мало пригодную в борьбе с русскими, обладавшими прекрасными пешими дружинами».

Подобная развернутая характеристика военного искусства болгар оказала большое влияние на все последующие работы. Ее поддерживали Ш.Ф. Мухамедьяров, В.Ф. Каховский, Р.Г. Фахрутдинов. Следует, однако, сказать, что взглядам Смирнова свойственна определенная противоречивость. С одной стороны, он считал, что у болгар были передовая военная техника, военно-инженерное дело и сильная конница, а с другой, — неэффективная тактика боя и обороны. Эта парадоксальная точка зрения, по-видимому, объясняется недостаточной комплексностью подхода к изучению материалов по военному делу.

Вместе с тем ряд исследователей стали развивать те положения работ А.П. Смирнова, где говорилось именно об архаичной тактике боя болгар. С каждой новой публикацией все больше подчеркивалась консервативность военной организации болгар. Ряд исследователей, зачастую не учитывая данные истории и археологии, пытался реанимировать старое представление о предмонгольской Булгарии как «дофеодальной» монархии или полурабовладельческой «восточной деспотии» с армией, построенной по родовым принципам. Так, В.Ф. Каховский пишет, что «основной род войск болгар — тяжелая конница — имел преимущества в открытом бою, но при осаде города или при защите своей крепости не имел успеха». Истоки тактики домонгольских болгар он видит в военном деле гуннов и древних болгар. Автора не смущает чисто формальный характер этой аналогии. В основе приведенных суждений лежит, несомненно, некритическое отношение к источникам и перенос сообщений арабских историков IX–X в. на болгарское общество XII–XIII вв. По мнению исследователя, только такое государство могло «выставить в поле большое, подчиненное единому вождю войско, превосходившее по мощи военные отряды отдельных княжеств феодальноразделенной Руси».

Уровень развития болгарского военного дела можно определить только на фоне военной техники всей Восточной Европы X–XIII в. Анализ вооружения болгар показал, что в этот период оно зна-

чительно отличается от оружия финно-угров, которые переживали упадок дружинной культуры, особенно заметный у мордовских племен. Определенное сходство наблюдается у болгар с оружием населения степей Восточной Европы, но отсутствие у последних пехотных видов «орудий войны» и некоторых типов доспехов показывает их неполную адекватность. Наибольшее соответствие обнаруживает оружие и вся система военного дела в оседлых феодальных государствах — Болгарии и Руси. Особенно ярко общие черты проявляются в этапах эволюции основных видов оружия и, что важно отметить, целых наборов снаряжения воинов-рыцарей.

Наиболее динамично развиваются виды оружия, характерные для привилегированного передового рода войск — тяжеловооруженной кавалерии. По ее снаряжению можно определить уровень военной техники того времени и выяснить тенденции ее развития. Универсальные виды и формы «орудий войны» позволяют судить о военно-техническом оснащении основной массы простых воинов. Как и на Руси, в Болгарии ведущими формами рыцарского вооружения были сабли, мечи, боевые топорики-чеканы, граненые пики и узколезвийные копья, бронзовые золоченые булавы и сложнофигурные кистени, кожаные доспехи и шлемы. Для остального войска были более характерны широкие удлиненно-треугольные и листовидные копья, топоры универсальных форм, лук и стрелы, железные и бронзовые кистени, кожаные доспехи и щиты. В развитии болгарского оружия и снаряжения к концу XII — началу XIII в. заметна тенденция к постепенному его утяжелению, которая в этот период была характерна для многих народов Европы, Ближнего Востока и Центральной Азии. Усиление защитного вооружения выдвинуло почти одновременно у многих народов Евразии (в частности, на Руси и Болгарии) на первый план прием таранного удара копьем. Это потребовало изменить традиционное болгарское конское снаряжение (наряду с плетью появились шпоры, новые виды стремян и удила) и создавать новые типы оружия с большей проникающей способностью (пики, бронебойные стрелы), а также средства оглушения одетого в доспехи противника (булавы, кистени) и средства локального разлома брони (булавы-клевцы, шестоперы). Однако болгарские дружинники были вооружены и снаряжены, видимо, несколько легче, чем западноевропейские и древнерусские. Противостоять последним болгары мог-

ли, видимо, за счет сбалансированного набора вооружения, маневренности и гибкой тактики.

Анализ вооружения подтверждает вывод А.П. Смирнова о том, что болгарские ремесленники удовлетворяли потребности страны, производя оружие, разнообразие и качество которого свидетельствуют о развитом оружейном производстве. Поэтому вряд ли значительное тождество болгарской и русской военной техники и организации военного дела может быть объяснено только постоянным заимствованием и импортированием оружия. Только находясь на сопоставимых уровнях общественного развития, Русь и Болгария могли обмениваться и взаимообогащаться новинками вооружения.

В заключении можно отметить, что на основе комплексного изучения болгарской военной истории отечественная историография, особенно трудами А.П. Смирнова, выявила не только этапы и характер развития отдельных видов оружия, но и определила наборы боевого снаряжения, а также доказала, что определяющим для их эволюции являлся набор рыцарского вооружения. Основой болгарского войска были иерархически соподчиненные феодальные дружины, применявшие в бою различные тактические маневры и охваты с целью подготовить удар тяжеловооруженных всадников. Накопление оперативно-тактического опыта позволило болгарам во второй половине XII в. выработать тактику активной обороны, которая неоднократно приводила болгар к победам в войнах.

Н.Г. Набиуллин (Казань, Институт истории АН Татарстана)

Город Джукетау в свете новых археологических исследований

Археологический комплекс памятников Джукетау расположен на левом берегу р. Камы на западной окраине г. Чистополя Республики Татарстан. Он является остатками города Джукетау, известного по русским летописям и западноевропейским картам XIV в. (Жукотин; Sacetim, Fachatim). Основные археологические раскопки проводились Т.А.Хлебниковой (1970–1972), Ф.Ш.Хузиным (1991–1994), Н.Г.Набиуллиным (1994–1998).

Стратиграфия и хронология. Начало заселения территории памятника булгарами относится ко второй половине X — XI в. Начало функционирования Джукетау как города связывается со временем появления первых булгарских городов в Западном Закамые. В стратиграфии культурных напластований выделяются два слоя — домонгольский и золотоордынский, — которые местами отделены друг от друга прослойкой пожарища (1236 г.?).

Верхняя дата Джукетау определяется на основе отсутствия в слоях памятника нумизматического и датирующего вещевого материала позже XIV в. и каких-либо сведений о нем в письменных источниках, относящихся ко времени позже 1411 г. В связи с известными событиями второй половины XIV в. Джукетау прекращает свою жизнь как город не позже первой половины XV в.

Территория и топография. Комплекс “Джукетау” состоит из укрепленной (городище площадью 5,8 га) и неукрепленной (Донауровские селища I и II) частей.

Точная территория комплекса в домонгольское время пока не установлена. Видимо, в начале домонгольского периода город был сравнительно невелик и не очень плотно застроен. Первоначально городище было укреплено рядом сооружений типа частокола, позже — тремя валами и двумя рвами. Сначала шло заселение городища и территории, находящейся в непосредственной близости от укреплений. В центральной части городища вскрыты жилые и хозяйственные сооружения домонгольского времени, в том числе ямы типа погребца или зернохранилища, канавки (остатки изгородей). За укреплениями располагалось кладбище (Крутогорский могильник).

Посад на противоположном берегу речки Килевки первоначально занимал береговую полосу Камы и Килевки, а в последующее время рос к югу и юго-западу. Здесь исследованы постройки жилого и хозяйственного характера, а также могильник. В процессе роста пригорода кладбище отступало на юг, а прежняя его территория постепенно обживалась. Часть погребений этого кладбища, по результатам наших исследований, была нарушена производственными сооружениями золотоордынского времени.

Город золотоордынского времени расширился до 150 га. Оборонительные сооружения в это время, видимо, перестают использоваться, городище и прилегающие к нему территории использу-

ются крайне слабо. Посад на противоположном берегу Килевки интенсивно расширяется к югу и юго-западу. Отступает к югу и кладбище. Здесь исследованы жилые, хозяйственные и производственные сооружения, связанные с гончарным делом, металлургией, железо- и медеобработкой. Часть их перекрывала погребения домонгольского времени.

Своеобразие культуры Джукетау и его округи. Особенность материальной культуры Джукетау и тяготеющих к нему памятников проявляется в традиционной керамике “типа джукетау” (примерно половина керамического комплекса). Возникнув в первой половине домонгольского времени, она стойко сохраняется и в золотоордынскую эпоху. Этнокультурные и производственные особенности культуры Джукетау отражались и на связанных с ним территориях.

А.Г. Петренко, Г.Ш. Асылгараева
(Казань, Институт истории АН Татарстана)

**К истории хозяйственной деятельности
булгаро-татарского населения**
(по остеологическим материалам)

А.П.Смирнов уделял серьезное внимание изучению вопросов истории производящего хозяйства волжских булгар. И поэтому, когда по его просьбе В.И.Цалкин впервые проанализировал остеологический материал из раскопок города Болгара, эти интересные данные были опубликованы в материалах Куйбышевской археологической экспедиции в 1958 г. Стало совершенно ясно, что они интересны как историкам-археологам, так и зоологам, зоотехникам, анатомам, экологам.

За последние десятилетия нами был получен и диагностирован огромный остеологический материал как из города Болгары, являвшегося столицей Волжской Болгарии в золотоордынский период существования государства, так и из более раннего, по данным археологов, также столичного, но в домонгольское время, города Биляра. При сопоставлении остеологических материалов из двух столичных городов, расположенных в лесостепной зоне Среднего Поволжья и оставленных древнетюркским волжско-бул-

гарским населением, засвидетельствованы различия не только в хозяйственной деятельности, но и в традициях питания, торговли и в духовной жизни.

Проводя в настоящее время остеологические исследования по городским и сельским памятникам Волжской Болгарии, мы продолжаем, следуя научным традициям А.П.Смирнова, изучать дальнейшую историю болгаро-татарского населения, но уже в условиях его проживания в период Казанского ханства. При раскопках Казанского Кремля, проводимых начиная с 70-х годов и поныне, под руководством А.Х.Халикова, а позднее Ф.Ш.Хузина, были также получены не менее интересные остеологические материалы, которые были переданы нам на определение и представлены из слоев:

I и II слой — XIX–XVI вв. — “русский”;

III слой — середина XV в. и до 1552 г. — “ханский” период существования Казанского ханства;

IV слой — “золотоордынский” — вторая половина XIII в. — первая половина XVI в. (синхронны IV слою г.Болгара);

V слой — “домонгольский”, “болгарский” — вторая половина XII в. — первая половина XIII в. (синхронны слою г.Биляра).

Результаты исследования остеологических комплексов, полученных из трех болгаро-татарских городов, оставленных древнетюркским населением, бытовавшим в очень близких природно-ландшафтных условиях, но разделенных веками, засвидетельствовали существенные различия как в основах животноводства и в хозяйственной жизни в целом, так и в торговле и духовной сфере. В подтверждение тому приведем в условиях тезисного изложения всего один пример: основой мясного питания у населения Биляра была говядина, в Болгаре — баранина, в Казанском Кремле — конина.

Различия в торговых связях, в животноводческой сфере деятельности сельской округи этих городов засвидетельствованы и по данным породной морфологии. Выводы, полученные в результате научных сопоставлений остеологических комплексов, представляющих собой “кухонные” остатки из трех разновременных столичных городов Волжской Болгарии и Казанского ханства, представляют несомненный интерес для истории.

К.А. Руденко (Казань, Гос. Объединенный музей Татарстана)

Металлические котлы VIII–XIV вв. Поволжья и Приуралья

Археологические свидетельства древнего использования металлической посуды в регионе были отмечены в конце XIX в. Отдельные материалы по металлическим котлам, носящие в основном характер разделов публикаций или отдельных упоминаний, появлялись в послереволюционные годы. Обобщающим итогом анализа коллекций и материалов предшествующего времени стал вывод Н.Ф.Калинина и А.П.Смирнова о развитом медницком деле и массовом производстве булгарских котлов.

Широкомасштабные исследования археологических памятников в регионе, развернувшиеся в конце 50-х – 70-х годах, дали массу материала по этой теме. Важными в определении и датировке металлических сосудов стали работы Г.А. Федорова-Давыдова и С.А.Плетневой по кочевническим материалам. Из специальных работ по металлическим котлам средневекового времени отметим статью М.С.Швецова. Технологические приемы изготовления металлических (чугунных и медных) котлов отдельно рассмотрены А.М.Ефимовой, К.А.Руденко и С.В.Рязановым. Описание приемов изготовления отмечается в публикациях материала. Специальных работ по датировке котлов нет.

Котлы по материалу, из которого они изготовлены, делятся на четыре группы : медные (М), бронзовые (Б), железные (Ж), чугунные (Ч). По форме выделяются отделы: цилиндрические сосуды, шаровидные, усеченно-конические, фигурные, полусферические. По деталям формы (венчик и ручки) определяется конкретный тип. Сосуды-подражания или символы (С) рассматриваются индивидуально.

В типологию включено 255 целых и археологически реконструируемых форм. В их числе 138 медных, 6 бронзовых, 74 железных и 26 чугунных котелков. Кроме того, учтено 11 сосудов-символов из частей медных котелков.

Медные котелки изготавливались путем сборки из медных листов швами «в зубец», фальцовкой, реже клепкой. Ряд изделий сделан выколоткой, иногда пайкой. Прием холодной сварки «в зубец» для соединения швов и наложения «заплаток» использовался, по данным письменных источников, в Хорасане и Мавераннахре в X в. Здесь он получил распространение еще в эллинистическое время, будучи заимствован,

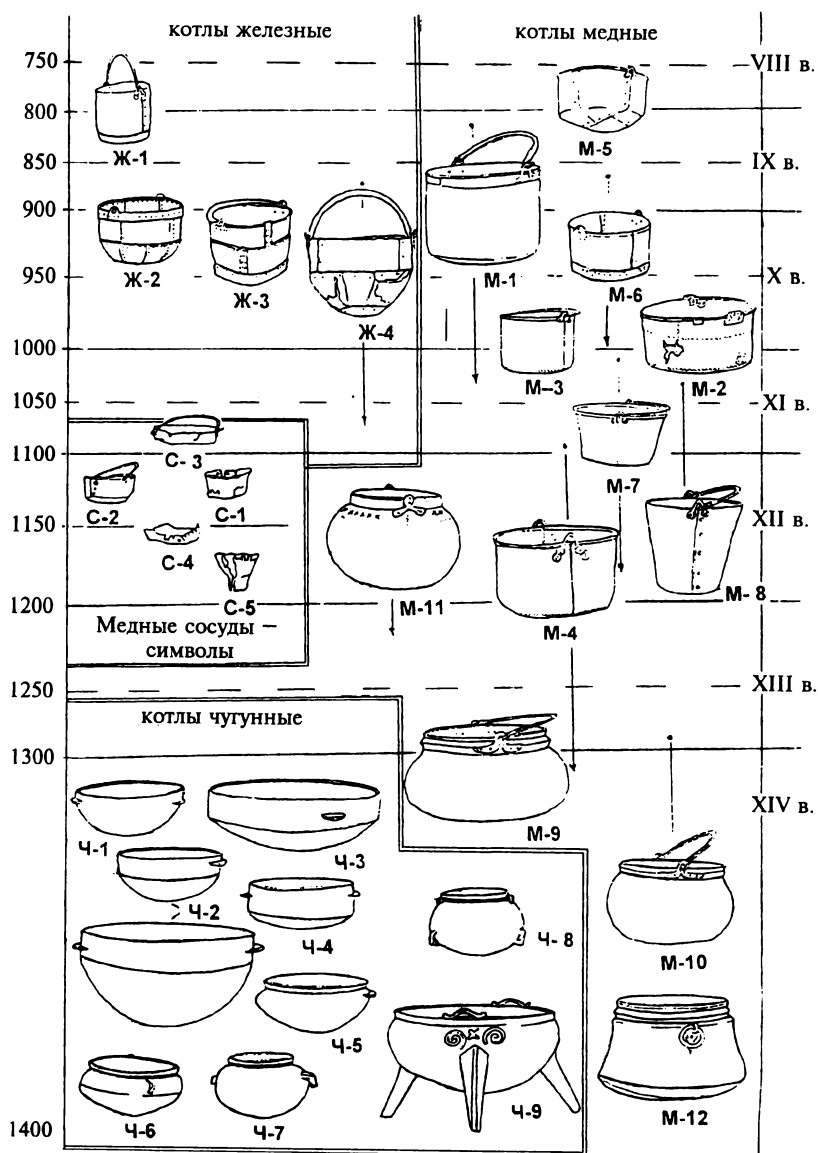

Рис. 1. Металлические котлы второй половины VIII—XIV в.

видимо, из Средиземноморья, хотя точных данных о распространении подобного приема у древнегреческих и римских ремесленников у меня нет. Отметим, что подобный прием зафиксирован на изделии из погребений второй половины I — начала II в. н.э. из Аткарского района Саратовской обл. Распространение в Волжско-Камском регионе этого технологического новшества, скорее всего, следует связывать с ремеслом Востока, где производство медной посуды в IX—X вв. приняло массовый характер. Отсюда изготовленные подобным образом изделия распространились вплоть до Скандинавии — на севере, Поднепровья — на западе и Приобья — на востоке, хотя часть таких предметов, особенно в Зауралье, поступала, скорее всего, непосредственно из среднеазиатского или иранского регионов. Сварные швы «в зубец» отмечены на ряде изделий золотоордынского времени. В целом, этот прием использовался в России кустарями-медниками вплоть до 50-х годов XX столетия.

Железные котлы изготавливались исключительно путем сборки на заклепочных швах, при наложении листов «внахлест». Чугунные и бронзовые котлы отливались. Литье бронзовых котлов было распространено в мусульманских странах еще в домонгольское время. Известны литые котлы из Туркмении и Дагестана XII—XIII вв. Производство чугуна и литье котлов в рассматриваемом регионе стали практиковаться только в ордынское время. Освоение технологии литья чугуна в Среднем Поволжье происходит в начале XIV в., распространяясь из нижневолжских городов. Источником этого нововведения был район Дальнего Востока (чжурчжени) и Китая, откуда эта технология попала в район Центральной Монголии.

Металлические котлы (рис. 1) делятся на четыре хронологические группы, характеризующиеся определенным стандартом объема и формы и рядом технологических особенностей.

В.Л. Егоров (Москва, ГИМ)

Русские и золотоордынские города XIII—XIV вв. — общее и особенное

Монгольское нашествие XIII в. уничтожило значительное число русских городов. Часть из них так и не возродилась, другая часть постепенно начала восстанавливаться. В результате не толь-

ко отстроились старые городские центры, но и появились новые. Возрождение русской градостроительной культуры, основы которой были заложены в IX–X вв., протекало в XII–XIV вв. на базе новой внутренней и внешнеполитической ситуации. Это был не начальный этап длительного процесса, а его развитие на старом фундаменте в новых условиях. В XIII в. именно рост городов, в первую очередь, являлся свидетельством сохранения и возрождения русской государственности.

В этот же период на территории вновь возникшего кочевого государства — Золотой Орды — начинается процесс образования городов. Их появление в степях было вызвано причинами административно-политического характера и представляло закономерное явление. Условия развития городов на Руси и в Золотой Орде в XIII в. были диаметрально противоположными. В первую очередь, это касалось экономических возможностей и людских ресурсов.

В общественно-политическом отношении русские города были опорой противоборствующих князей и феодалов, а золотоордынские — центральной (ханской) власти. При этом состав городского населения обоих государств при достаточно большом сходстве имел различия.

XIV в. являет собой новую ступень в эволюции городов как Руси, так и Золотой Орды. На активизацию этого процесса значительное влияние оказывало специфическое внутреннее развитие каждого государства. Конец XIV в. со всей яркостью отразил перспективность формирования русских городов и недолговечность золотоордынских.

Л.Ф. Недашковский (Казань, Госуниверситет)

Округа золотоордынского города Укека: хронологический аспект

Этапы становления и развития округа золотоордынского Укека — важная проблема в изучении Золотой Орды.

Лучшим датирующим материалом, которым мы располагаем, бесспорно, являются джучидские монеты (они присутствуют в материалах 62 из 156 памятников). Нумизматический материал позволяет, опираясь на этапы денежного обращения в Золотой Орде,

уверенно выделить четыре основных этапа развития округа Укека. Первый этап — с 1266 по 1310 г. (с начала правления Менгу-Тимура до реформы Токты), второй — с 1310, примерно, по 1365 г. (с реформы Токты до начала массового обрезывания старых дирхемов и снижения веса новых монет), третий — с 1365 по 1380 г. (период разгара междоусобицы в улусе Джучи), и четвертый с 1380 по 1395 г. (правление Токтамыша).

Монеты, чеканенные в первый период, найдены на 11 памятниках. Наиболее ранние, точно датирующиеся монеты относятся к 1273–1287 гг. — к концу правления Менгу-Тимура и правлению Туда-Менгу. Еще в 6 случаях отмечены находки монет эпохи Токты (1291–1312 гг.). На основании этого материала можно утверждать, что округа золотоордынского Укека сложилась еще в последней четверти XIII — начале XIV в.

Находки монет и кладов второго этапа охватывают 39 объектов, причем на 20 из них отмечены находки монет начального периода междоусобицы — 1359–1365 гг. Отсюда следует, что период расцвета округа Укека, как и период наивысшего расцвета Золотой Орды в целом, относится ко времени правления Узбека (1312– 1342 гг.) и Джанибека (1342–1357 гг.), а на начальной стадии междоусобицы наметившийся упадок еще не приобрел таких катастрофических масштабов, как на следующем, третьем этапе. Дирхемы 1342–1365 гг. (всего одна монета периода междоусобицы датируется более поздним временем — 774 г.х.) составляют 56,5% всех серебряных монет из округа Укека, тогда как для самого города эта цифра составляет всего 43%.

Монеты третьего периода найдены всего на трех памятниках, не считая Укекского городища — по одной на каждом. Монетных кладов третьего, как и первого, этапов не зафиксировано. Следовательно, есть все основания полагать, что это было время, характеризующееся значительным запустением рассматриваемой территории, экономическим кризисом, вызванным десятилетиями междоусобицы.

И, наконец, монеты и клад четвертого этапа встречены в 8 случаях, 3 из которых — клад, а 2 — единичные находки. Помимо Укекского городища, монеты этого времени встречены, как в предыдущий период, лишь на двух поселениях. Можно заключить, что экономический подъем эпохи Токтамыша был не столь значительным, хотя и в округе Укека он имел место: доля пулов этого времени в окрестностях города выше, чем на городище, хотя дирхемов вне кла-

дов не найдено вообще. Примечательно, что самая поздняя джучидская монета, найденная в рассмотренном районе, датируется 797 г.х. (1395 г.) — годом разорения Тамерланом поволжских городов, с которым можно связывать окончательный упадок и гибель не только Укека, но и окружавших его поселений.

Несомненный интерес вызывает и географическое размещение памятников округа Укека на различных этапах ее развития. На первом этапе 6 (54,5%) из 11 памятников, датированных монетами, размещались на Левобережье Волги. Во второй период памятники Левобережья также количественно преобладают над памятниками Правобережья, где располагалось всего 17 (43,6%) из 39 объектов того времени. Ситуация кардинально меняется на третьем и четвертом этапах (их целесообразно рассмотреть здесь вместе ввиду малочисленности известных памятников — их всего 9): на Левобережье Волги зафиксирован лишь 1 (11,1%) объект, а на Правобережье — 8 (88,9%).

Количественное преобладание памятников Левобережья Волги над памятниками Правобережья (где располагался и сам г. Укек) на первом и втором этапах (в 1266—1365 гг.) представляется возможным связывать с градостроительной политикой золотоордынских ханов: пока была сильна ханская власть, функционировали поселения на Левобережье, находившиеся на маршруте кочевания ханской ставки второй половины XIII — середины XIV в. Когда же ханская власть ослабела и ставка стала кочевать лишь в низовьях Волги — на третьем и четвертом этапах, в 1365—1395 гг., — жизнь в округе Укека теплилась только на Правобережье Волги, преимущественно в ближайших окрестностях золотоордынского Укека, тесно связанных с ним экономически.

В.Г. Рудаков (Москва, ГИМ)

К вопросу о существовании двух Сараяв и местоположении города Гюлистана

С середины нашего столетия полностью господствует теория о существовании двух столиц в Золотой Орде — Сарая (или Старого Сарая), находившегося на месте Селитренного городища, и Ново-

го Сарая — располагавшегося на территории Царевского городища. Местоположение г. Гюлистана, чеканившего огромное количество монет в 50—60-е г. XIV в., до сих пор остается загадкой. Лишь И.В. Евстратов на основе разработанной им методики локализации джучидских центров чеканки монет попытался доказать, что Сарай был один и располагался на месте Селитренного городища, а Царевское городище является остатками г. Гюлистана.

При внимательном рассмотрении сообщений средневековых авторов, из которых можно извлечь данные о местонахождении Сарая (выражающиеся, в основном, в днях пути между ним и каким-либо пунктом, чье местонахождение нам точно известно), становится ясным, что все они *локализуют столицу на городище у с. Селитренного*. Но нет ни одного средневекового документа, который бы прямо указывал на то, что Сарай (или Новый Сарай) стоял на месте Царевского городища. Только поздние источники XVII—XIX вв., как правило, фольклорного происхождения, свидетельствуют, что здесь располагалась столица Золотой Орды, правда, без упоминания ее названия.

Гюлистан упоминается в письменных источниках всего пять раз, но уже из них можно заключить, что это был очень крупный город и находился, скорее всего, в Нижнем Поволжье.

Ни в одном из письменных документов не говорится о переносе столицы Улуса Джучи и об одновременном существовании двух Сараев. Есть лишь ряд *косвенных* указаний средневековых авторов (сообщения Ибн Арабшаха, Аль-Омари и др.), которые можно, при желании, интерпретировать в пользу теории двух Сараев. Даже карта фра Мауро не является доказательством этой теории, так как надпись «Сарай Грандо» относится, по всей видимости, не к городу (как полагают, к Царевскому городищу), а к стране — Золотой Орде или части ее территории.

Нумизматический материал, является основным и наиболее точным источником при локализации золотоордынских городов. На основе каталога монет, собранных Поволжской археологической экспедицией почти за 40 лет раскопок, любезно предоставленного Г.А. Федоровым-Давыдовым, составлено две таблицы: распределения монет по периодам и распределения монет по местам чеканки. Для решения поставленных вопросов использованы подсчеты только *медных* монет — пулов, так как они являлись мелкой разменной монетой, использовавшейся, как правило, во внутригородской торговле и редко выходившей за пре-

делу округа тех городов, где они чеканились. Серебряные монеты – дирхемы в связи с использованием их в купеческой транзитной торговле, очень широко расходившиеся за пределы центров их чеканки, для локализации джучидских городов непригодны. Правда, в нашем случае проблема сильно осложняется тем, что пулы Сарая и Нового Сарая распространялись по всей территории Золотой Орды, а пулы Гюлистана – почти по всему золотоордынскому Поволжью.

Сразу обращает на себя внимание то, что на Селитренном городище доля пулов чеканки Гюлистана всего 1,3% (таблица I). Это в 10–12 раз меньше, чем на Царевском (13,6%), Водянском (16,3%) и Болгарском (13,9%) городищах. Если считать, что Селитренное городище – это остатки “Старого” Сарая, который в 1340–1370-е г. не чеканил медные монеты (исключение – пулы выпуска 772–773 г. х.

Таблица I. Распределение монет по местам чеканки

Место чеканки	Название городища											
	Селитренное				Царевское				Водянское			
	Медь		Серебро		Медь		Серебро		Медь		Серебро	
	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
Сарай	1042	22,7	31	31,3	41	2,6	18	22,8	49	11,1	3	13,6
Сарай аль-Махруса	7	0,2	5	5,1	1	0,1	7	8,9	1	0,2	3	13,6
Сарай аль-Джедид	3281	71,5	35	35,4	1270	79,1	32	40,5	243	55,0	5	22,7
Гюлистан	62	1,3	11	11,1	219	13,6	15	19,0	72	16,3	7	31,8
другие города	140	3,1	15	15,2	64	4,0	7	8,9	34	7,7	4	18,2
с надчеканками	55	1,2	-	-	11	0,7	-	-	43	9,7	-	-
всего определенных	4587	100	99	100	1606	100	79	100	442	100	22	100

(1370/1371–1371/1372 гг.)), то непонятно, почему его внутренний рынок, в отличие от других поволжских городов, почти не заполнялся монетами Гюлистана. Поскольку общие вычисления сильно зависят от хронологических факторов, следует произвести подсчет распределения пулов, битых в 762, 764, 766 г. х. (соответственно, 1360/1361, 1362/1363, 1364/1365 гг.) с наших трех городищ по местам чеканки. Выбор времени чеканки обусловлен тем, что в этот период выпускали монеты одновременно и Сарай аль-Джедид, и Гюлистан. В результате выявлено, что: на *Селитренном городище из 449 пулов этих годов выпуска 389 (86,6%) составляют новосарайские и 55 (12,7%) – гюлистанские, тогда как на Царевском городище из 292 медных монет 75 (25,7%) – новосарайские, зато 216 (74%) – гюлистанские*. На наш взгляд, эти данные ясно показывают, что монеты Сарая аль-Джедид *не могли* чеканиться на месте Царевского городища, а чеканились на месте Селитренного городища, т. е. там же, где и монеты с легендами «Сарай» и «Сарай аль-Махруса». Даже если допустить, что Гюлистан был *пригородом* Нового Сарая (т. е. Царевского городища, как принято считать), то все равно пулы местной, внутригородской чеканки на самом Царевском городище должны были бы преобладать.

Этот вывод подтверждает и другой род вычислений. Из 446 медных монет с Селитренного комплекса, битых в период правления хана Токтамыша, 127 (28,5%) – *сарайской* чеканки и 266 (59,6%) – *новосарайской* чеканки. Отсюда видно явное преобладание монет Нового Сарая на этом городище. На Царевском городище пулы, выпущенные в этот период, составляют всего 0,8% (12 экз.), да и то только одна из них чеканки Сарая аль-Джедид (таблица II). Все это говорит о том, что город, бывший на месте Царевского городища, при Токтамыше находился в полном упадке и не мог выпускать монеты с легендой «Сарай аль-Джедид».

Сложнее обстоит дело с локализацией Гюлистана. Ведь на Водянском городище из монет 762, 764 и 766 гг. х. доля гюлистанских еще выше, чем на Царевском городище – 83,7% (при 16,3% пулов Нового Сарая). Но недостаточное для получения надежных и точных выводов количество медных монет с Водянского городища (459 экз.), отсутствие здесь двух типов пулов гюлистанского чекана из известных четырех и небольшие размеры самого памятника не позволяют локализовать здесь город Гюлистан. Сопоста-

Таблица II. Распределение монет по периодам

Место чеканки	Название городища											
	Селитренное				Царевское				Водянское			
	Медь		Серебро		Медь		Серебро		Медь		Серебро	
	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
ХIII в.	3	0,1	1	0,9	2	0,1	-	-	1	0,2	-	-
Токта	-	-	1	0,9	-	-	4	4,9	-	-	-	-
Узбек	539	13,4	31	29,3	39	2,5	20	24,7	47	10,8	6	26,1
Джанибек, Бирдибек	1884	46,7	37	34,9	1124	71,1	38	46,9	229	52,8	13	56,5
ханы периода «замятни»	1092	27,0	12	11,3	386	24,6	11	13,6	92	21,2	1	4,3
Токтамыш	446	11,1	16	15,1	12	0,8	4	4,9	20	4,6	3	13,0
ханы XV в.	13	0,3	7	6,6	-	-	-	-	-	-	-	-
другие династии	6	0,1	1	0,9	3	0,2	4	4,9	2	0,5	-	-
с надчеканками	55	1,4	-	-	11	0,7	-	-	43	9,9	-	-
всего определенных	4038	100	106	100	1580	100	81	100	434	100	23	100

для результаты подсчетов монет с данными, из которых следует, что город был очень крупным (письменные источники и факт огромной эмиссии монет, осуществленных Гюлистаном), можно с достаточно высокой долей уверенности локализовать Гюлистан на месте Царевского городища.

В заключение следует отметить, что столица Золотой Орды город Сарай была, судя по всему, одна, и никогда и никуда не переносилась, а находилась на месте Селитренного городища. Эпитет «альджедид» (новый) прибавлялся к названиям многих джучидских цен-

тров чеканки монет. Ряд факторов говорит за то, что вряд ли он означал *новый* монетный двор. В случае с Сараем он, видимо, связан с крупномасштабным строительством и значительным расширением территории города в 10-е — 30-е гг. XIV в., при хане Узбеке. В дальнейшем эта своего рода мода прибавлять эпитет «аль-джедид» к названиям центров чеканки в легендах монет распространяется и на многие другие города Улуса Джучи.

А.В. Белов, А.А. Бурханов

(Казань, Госуниверситет, Институт истории АН Татарстана)

Новые данные по средневековой Казани
(итоги раскопок Кабанского городища)

В рамках изучения истории города Казани в 1997 году Заказанской историко-археологической экспедицией Института истории АНТ (А.А. Бурханов) проведено изучение Кабанского городища, расположенного на высоком выступе берега озера Средний Кабан в Приволжском районе г. Казани.

В народной памяти это место значится священным и почитается как бывшая ханская крепость и мусульманское кладбище. Эта территория зафиксирована в источниках со второй половины XVII в., когда здесь казанским митрополитом Лаврентием II был основан Воскресенский (Ново-Иерусалимский) собор. До 1917 г. на этом месте были три церкви.

Среди исследователей эта территория известна как бывшая резиденция болгаро-татарских правителей и местонахождение средневекового мусульманского кладбища (Ш. Марджани, М.М. Хомяков, Н.И. Ашмарин, М.Г. Худяков, Н.Ф. Калинин и др.), что подтверждается, в частности, тремя надгробными плитами, широко известными в литературе и датированными концом XIII в. (Г.В. Юсупов).

В 1951 г. при обследовании Н.Ф. Калининым, отметившим наличие здесь Кабанского городища — замка, центра позднебулгарского княжества XIII — XIV вв., обнаружены следы предполагаемых оборонительных сооружений и «слабонасыщенный культурный слой» булгарского периода.

Л.С. Шавохин на основании раскопок 1972 года датирует памятник второй половиной XVII в., что соответствует времени строительства Воскресенского собора. По его мнению, культурный слой достигает 100 см и содержит находки (керамика, изразцы) русского времени, материалов более раннего периода XIII – XIV вв., обнаружить не удалось. Происхождение надгробных плит конца XIII века осталось неясным.

Раскопки 1997 г. в целом подтвердили правильность многих выводов Н.Ф. Калинина. В ходе исследований на памятнике было заложено 11 шурфов и раскопов площадью 110 кв. м. Мощность культурных напластований составляет 20 – 120 см, а в отдельных местах до 275 см. Основные находки – керамика, кирпичи, изразцы, изделия из железа, стекла и монеты XVIII – XIX вв. В четырех объектах найдены материалы и в двух из них зафиксированы сохранившиеся слои второй половины XIII – первой половины XVI в. Среди находок – фрагменты керамики болгарско-татарских традиций, красного квадратного кирпича (23 x 23 x 6 см), серебряная монета 20-х гг. XV в. хана Борака (определение Г.А. Федорова-Давыдова).

Территория поселения была освоена, скорее всего, в эпоху позднего неолита – ранней бронзы, что подтверждается находками двух кремневых скребков.

В ходе раскопок объектов 3, 4, 5 выявлены также, правда, в относительно незначительном количестве, кости животных, являющиеся кухонными остатками. Всего изучено 74 кости, принадлежавшие 21 особи, в основном, крупного и мелкого рогатого скота (определение Г.Ш. Асылгараевой).

Особый интерес вызывают материалы объекта 11 у Воскресенской церкви. Была изучена могильная яма, на ее дне расчищен прямоугольный склеп. Его боковые стенки сложены из квадратного жженого кирпича в семь рядов, торцовые – из прямоугольного, на глиняном растворе. Сверху положены кирпичи куполообразной крыши, поддерживаемой деревянной плахой. Высота склепа 62 см. Изнутри его стены побелены известкой, на дне выявлены остатки деревянного дощатого гроба. Под гробом шла угольная прослойка. Умерший захоронен по мусульманскому обряду, вытянуто на спине, с легким поворотом на правый бок, с небольшим отклонением к северу. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте,

ноги вытянуты. Голова погребенного повернута к югу. На лицевой части черепа зафиксирована серебряная металлическая окись, по-видимому, от погребальной маски (?). В изголовье обнаружены небольшие фрагменты темно-зеленой ткани. Скелет принадлежит мужчине крупного телосложения, в возрасте 40–50 лет, умершего от болезни (определение — И.Р. Газимзянова).

Аналогичные погребения в подземных кирпичных склепах широко распространены в нижневолжских золотоордынских городах. Они отмечены в Сарае аль-Махрусе, Сарае аль-Джадиде, Укеке, Бельджамене, Сарайчике, где датируются концом XIII — началом XV в. и принадлежат выходцам из высших слоев общества (Валлод Ф.В., Яблонский Л.Т., Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. и другие). Известны они и в некрополях золотоордынского Хорезма (склепы типа А-II-1 в Миздахкане — Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К.).

Примечателен факт полного отсутствия подобных захоронений конца XIII — начала XV в. в Среднем Поволжье. Исключение составляет погребение в кирпичном сооружении IV Билярского могильника (не позднее XIII в.).

Вероятно, на Кабанском городище похоронен выходец из южных земель Улуса Джучи. Но, несмотря на тщательное соблюдение мусульманского обряда погребения (ориентировка костяка, расположение рук и т. п.), налицо некоторые пережитки языческих верований (?) в виде погребальной маски и костра в могильной яме. Череп со следами бронзовых окислов на лбу происходит из склепа в могильнике XIV в. Шляховский III в Волгоградской области (Круглов Е.В., Клепиков В.М.).

Можно допустить, что одна из могильных эпитафий конца XIII в. принадлежала погребенному в склепе. Судя по аналогиям, склеп Кабанского городища можно предварительно датировать второй половиной XIII — началом XV в., и он, скорее всего, принадлежал захоронению представителя «белой кости». Возможно, над могилой находился мавзолей, который был разрушен во время строительства монастыря во второй половине XVII в.

Необходимо отметить, что в 40–50 м от места находки склепа, неподалеку от Воскресенской церкви, найдены несколько фрагментов надгробных плит. Одна из них сохранила стертые временем буквы надписи арабским шрифтом. Несколько слов видны отчетливо.

Важно отметить, что подвалы и фундаменты Воскресенской церкви были сооружены из мусульманских надгробных плит. Аналогичные случаи не редкость, к примеру, они наблюдались в церкви Успения в Болгаре и Благовещенском соборе Казанского Кремля, где при реставрационных работах выявлены фрагменты надгробных плит и одна мусульманская эпитафия 20–30-х гг. XVI в. с арабским текстом философско-поэтического содержания.

Керамика XIV – XVI вв. найдена также в ходе земляных и реставрационных работ в районе медресе «Усмания» (ул. Тукаевская). По данным источников, здесь в эпоху Казанского ханства располагалась Кураишева слобода. Неподалеку от этого места до середины XIX в. находилось мусульманское кладбище с надгробными плитами.

Продолжение археологических и историко-топографических исследований в будущем позволит получить новые данные по истории средневековой Казани.

А.А. Бурханов (Казань, Институт истории АН Татарстана)

А. П. Смирнов и некоторые проблемы историко-археологического изучения Заказанья

Территория Заказанья богата археологическими, эпиграфическими и другими памятниками. Однако уровень их изученности пока недостаточен.

Интерес к памятникам региона возник еще в XVIII в. Большую работу по поиску и изучению памятников Заказанья провели в конце XIX–начале XX в. члены созданного в 1878 году Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Планомерное изучение археологических и эпиграфических памятников региона началось в конце 20-х гг. (И. Н. Бороздин, Али Рахим, Н. И. Воробьев, Н. Ф. Калинин). Особое значение в 20–80-е гг. имели труды Н. Ф. Калинина, Г. В. Юсупова, Р. Г. Фахрутдинова. Результатом исследований в советский период стали ряд монографий и научно-популярных книг и статей, а также специальный том «Археологической карты Татарской АССР» (1981), в котором систематизированы данные по 849 памятникам.

Создание в 1922 г. Иске-Казанского государственного музея заповедника (ИКГМЗ) позволило приступить к углубленному изучению, сохранению и использованию памятников в его охранной зоне, зоне Иске-Казанского (ИКИКК) и Измянско-Утернянского (ИУИКК) историко-культурных комплексов.

На территории ИКИКК относительно хорошо изучены два наиболее важных археологических объекта — Урматское поселение (Русско-Урматское селище) и Камаевское (Камаевское-1) городище, сыгравшие большую роль в истории Заказанья и всего Среднего Поволжья в средневековое время.

На основании данных эпоса, письменных источников и археологических материалов исследователями делались попытки отождествления этих двух памятников с легендарной Иски Казанью (Эчке Казанью) и связи ее с современной (Новой) Казанью, а также объединения Камаевского городища и Урматского поселения в единый археологический комплекс.

И. Н. Бороздин считал Камаевское городище военной крепостью, а Урматское поселение отождествлял с Иски Казанью. В целом его взгляды поддержал Н. Ф. Калинин, полагавший, что эти памятники были заселены переселенцами из центральной Волжской Булгарии. По его мнению, на территории Урматского поселения располагался ремесленно-торговый центр, существовавший как город не ранее середины XIII в. Предположение А. П. Смирнова об основании города в XI–XII вв. Н. Ф. Калинин считал необоснованным. Превращение поселка в город проходило в процессе развития ремесла и местных производительных сил и быстрого роста населения за счет переселенцев из южных закамских земель в связи с монгольским нашествием, что способствовало возникновению здесь княжеской резиденции. Именно этот город в XIII–XIV вв. был столичным центром Иске-Казанского княжества, распространившего к концу XIV в. свое влияние на все пространство по долине Казанки. На Камаевском городище располагалась, по Н.Ф. Калинину, сильная крепость — военный форпост города Иске Казани, защищавший его с севера.

А.П. Смирнов, проводивший в 1960 г. исследования в ИКИКК, установил, что на Урматском поселении мощность культурного слоя достигает 1,5 м, и отметил поздний характер материала памятника. А.П. Смирнов не согласился с мнением Н.Ф. Калинина

о наличии здесь княжеской резиденции — военного форпоста и высказал соображения о возможности отождествления Камаевского городища непосредственно с Иске Казанью.

К западу от Камаевского городища А.П. Смирнов отметил наличие еще одного маленького городища раннего железного века, а далее к западу — болгарского селища, отнесенного им к типу феодальных поселений.

Р.Г. Фахрутдинов возникновение Иске Казани относит к XII в., связывая это с расширением владений Волжской Булгарии и освоением новых земель на севере до течения Казанки. Центром консолидации населения стало болгарское Урматское поселение. В связи с монгольским завоеванием значительная часть населения Волжской Булгарии уходит на север, где во второй половине XIII в. в среднем течении Казанки возник военный опорный пункт — Камаевское городище, который превратился в административный центр — кремль Урматского поселения. Так, по мнению Р.Г. Фахрутдинова, возник город Казань (Иске Казань), ядро Казанского (Иске-Казанского) княжества. Быстрый рост города сделал его политическим, экономическим и культурным центром.

Но неудобное, вдали от больших рек, его расположение не устраивало растущие силы княжества, превратившегося в самостоятельное Казанское ханство. Город переносится в устье Казанки. С возникновением Новой Казани постепенно запустела ремесленно-торговая часть (Урматское поселение) Иске Казани. Городок (Камаевское городище) продолжал существовать вплоть до русского завоевания 1552 г.

Новые исследования созданной в 1995 г. Заказанской историко-археологической экспедицией показали, что территория Урматского поселения заселялась еще в эпоху позднего неолита — ранней бронзы. С III—IV вв. и до конца I тыс. в Волго-Камское междуречье проникают группы тюркоязычного населения, вошедшие в тесный контакт с финноязычными группами.

В Заказанье, по течению Казанки, еще в добулгарский период существовали раннесредневековые поселения предков современных финских и тюркских народов. Одним из крупнейших являлось селище на месте Урматского поселения. Небольшое поселение располагалось на правобережном мысу Казанки — Камаевское -2. По мнению исследователей, последнее с напольной стороны

было огорожено дуговидным валом и рвом. А.П. Смирнов датировал поселение ранним железным веком, П.Н. Старостин — азелинским временем.

Раскопками 1988 г. в районе предполагаемого вала выявлены не оборонительные сооружения, а остатки объекта производственно-жилищного характера с остатками печи. С юга к рассматриваемому комплексу примыкают сооружения культово-ритуального характера доисламского времени (VII—X вв.): ямы с остатками массового ритуального захоронения, прежде всего, коров, а также лошадей и мелкого рогатого скота.

С расширением границ Волжской Булгарии в конце XI — нач. XII в. на территории Урматского поселения располагается крупное булгарское селение с развитым ремеслом и торговыми контактами. В XII—XIII вв. бассейн Казанки был прочно освоен булгарами.

Во второй половине XIII в. в Заказанье, спасаясь от монгольского нашествия, проникают переселенцы из центральной Волжской Болгарии. Стабилизация положения в Поволжье в связи с образованием сильного и стабильного государства Улус Джучи, в состав которого вошли и булгарские земли, привели к возникновению новых сельских и городских поселений в Заказанье. Среди них особое место занимал Иске Казан (Эчке Казан — внутренняя Казань. — А.Б.) на месте Урматского поселения, который превратился в ядро вновь образованного в составе Улуса Джучи сильного княжества. Судя по данным археологии, в последней четверти XIII—XIV вв. этот город был самым крупным политическим, экономическим и культурным центром Среднего Поволжья. Исследования подтверждают высокий уровень развития керамического, металлургического, стекольного и косторезного производств, ювелирного и монетного дела. Часты находки джучидских монет XIV в. Город имел торговые связи с Китаем, среднеазиатскими государствами, русскими землями, народами Урала и областями Нижнего Поволжья.

В рассматриваемый период площадь поселения по обоим берегам Урматки составляла более 200 га (ранее считалось 84—130 га), а культурный слой узкой линией протягивался до слияния ее с Казанкой. Важно отметить, что Урматское поселение — это, скорее всего, городище, а не селище. Следы предполагаемого вала прослежены у правого берега Урматки и на пашне.

В это же время существовала пока еще небольших размеров Новая Казань, которая постепенно становилась крупным стратегическим и административным пунктом в устье Казанки и в регионе в целом.

Нашествие Тамерлана, погром крупнейших городских центров на основных землях Улуса Джучи, и междоусобная борьба господствующих кланов в государстве и регионах, постоянные нападения с севера ушкунников привели к изменению политической, экономической и культурно-этнической ситуации в средневолжском регионе. Ослабевают производительные силы Урматского поселения, часть населения города уходит в более безопасные места и в другие укрепленные крепости, в том числе в усиливающуюся Новую Казань. В связи с этим жизнь в Иске Казани к началу XV в. начинает затухать.

В конце XIV—нач. XV в. в связи с проникновением этнических кипчакизированных групп в Закавказье возникает несколько новых укрепленных поселений-крепостей, среди которых важное место заняло Камаевское городище. Вероятно, в конце XIV—нач. XV в. Урматское поселение и Камаевское городище существовали параллельно, образуя как бы единый политико-экономический организм.

С возникновением и укреплением Казанского ханства со столицей в Новой Казани объекты Иске Казани постепенно теряют лидирующее положение в регионе, и территория Заказанья становится частью нового государственного образования. На Урматском поселении в XV — первой половине XVI вв. продолжали жить в основном сельское население и небольшая группа мастеров-ремесленников, обеспечивавших потребности правящего клана, гарнизона Камаевского городища и жителей окрестных селений вплоть до 1552 г. Южная часть Урматского поселения постепенно превратилась в кладбище. Выявлены остатки шести детских и взрослых мусульманских захоронений, связанных с финальным этапом существования памятника. Здесь же отмечены около 20 местонахождений человеческих костей. Эти захоронения подтверждают мнение исследователей о наличии в этой части поселения средневекового мусульманского кладбища.

Камаевское городище в период Казанского ханства становится его региональным центром в Заказанских землях, хорошо укреп-

ленным опорным и стратегическим форпостом на северных границах государства, а также местом политической ссылки неугодных для ханов деятелей, тюрьмой для военнопленных. Крепость упоминается в русских летописях под 1536 годом в связи с убийством там в результате государственного переворота казанского хана Джан-Али (Еналея). Неподалеку от Камаевского городища расположено средневековое кладбище, где покоятся останки известных людей того времени. Об этом говорят надгробные плиты, в том числе 1494 г.

Гибель крепости связана с событиями 1552 года, когда «остров на высокой горе» был взят штурмом и разрушен русскими войсками, наступавшими на Арск, что подтверждено раскопками 1996 г.

В период вхождения земель бывшего Казанского ханства в состав Русского государства иске-казанские земли были переданы во владения князя Камая и его наследников, а жизнь на Урматском поселении и Камаевском городище прекратилась.

А.А. Бурханов, И.Л. Измайлов
(Казань, Институт истории АНРТ).

Новые данные по фортификации Казанского ханства
(по итогам раскопок памятников Заказанья)

В исследовании проблем средневековой истории Среднего Поволжья огромное значение имеют археологические памятники. В этой связи важное место приобретают данные, полученные Заказанской историко-археологической экспедицией (ЗИАЭ) Института истории АНТ и Минкультуры РТ в ходе исследований в районах Заказанья и Казани в 1995–1998 гг., в частности на Арском городище, на объектах Иске-Казанского (ИКИКК) и Измянско-Утернянского (ИУИКК) историко-культурных комплексов.

В 1996 г. ЗИАЭ впервые проведено детальное изучение оборонительных сооружений важнейшего ИКИКК – Камаевского городища и выяснены этапы строительства и перестройки его укреплений.

Памятник известен в литературе еще с 70-х гг. XVIII в. Разведочные работы проводились И. И. Бороздиным (1928), Н. Ф. Калининым (1945 и 1951), А. П. Смирновым (1960) и Р. Г. Фахрутдиновым (1969–1970). Раскопки производились экспедициями Н. Ф. Калинина (1957), Р. Г. Фахрутдинова (1972, 1979 и 1981) и А. А. Бурханова (1995–1996).

Городище площадью 6,12 га, расположено на высоком мысу правого берега Казанки, в 1,5 км от д. Камаево Высокогорского района, в 40 км от Казани. Его трапециевидной формы площадка с востока и юга ограничена обрывистым берегом Казанки, с запада — глубоким оврагом. С северной, напольной, стороны оно очерчено системой двух валов и рва между ними. Еще два вала и ров отделяют южную оконечность мыса от площадки городища. До создания заповедника городище распаивалось.

В целях исследования оборонительных сооружений был заложен раскоп (414 кв. м) в виде траншеи длиной 72 м с двумя прирезками, прорезавший всю ширину укреплений и часть площадки городища. Траншея, разрезавшая валы и ров, имеет длину 34 м.

Установлено, что укрепления крепости были возведены в начальный период освоения площадки городища. Детально выявлена система обороны, которая включала два вала и ров между ними: внешний вал имеет высоту до 1 м, а внутренний — 2,5 м (глубина рва — 4,3–4,8 м). Определена структура внутривальных конструкций: они состояли из внешнего ряда горизонтально уложенных друг на друга бревен, поставленного поверх гребня и внутренней стенки из вертикально врытых столбов, частично засыпанных со стороны городища. Поверх стен находились дощатый настил — боевая площадка и парапет стены с бойницами. Внутреннее пространство между этими стенками засыпано материковой глиной и кусками щебня. Общая ширина стен достигала 3 м.

Укрепления возводились дважды — во второй раз после значительного разрушения оборонительной системы: пространство было также забутовано крупными кусками щебня и камнями, что препятствовало сожжению и уничтожению укреплений.

Ров выкапывался небольшими террасами и со стороны площадки городища был более крутым (30–45°), а с напольной стороны — отлогим (45–50°). Стенки склона специально покрыты слоем плотно утрамбованной и заглаженной глины.

Основание крепости можно отнести к концу XIV — началу XV в. Большинство из почти сотни монет, найденных ранее и нами, отчеканены в первой четверти XV в. В это время крепость уже существовала и была сильным фортификационным сооружением — одним из важнейших форпостов Казанского ханства. Р.Г. Фахрутдинов, основываясь на упоминаниях русских летописей под 1536 г., связывает с Камаевским городищем место убийства казанского хана Джан-Али (Еналея).

Гибель Камаевской крепости, скорее всего, связана с событиями 1552 г., когда войска князя А.Б. Горбатого двигались для захвата земель на Арское городище. По пути они, как сообщает русская летопись, «взяли острог на высокой горе». Раскопки подтверждают, что укрепления городища были разрушены в результате военной катастрофы. Об этом свидетельствуют сожженные надвальные оборонительные сооружения, прослойки прокала и рассыпанные крупные куски щебня из забутовки межстенного пространства, а также наконечники стрел, каменные пушечные ядра, железная сабля, ножи.

О катастрофических обстоятельствах гибели крепости свидетельствует также братская могила, обнаруженная у подножия вала на площадке городища, несомненно, связанная с периодом запустения, так как прорезает более ранние слои. По определению И.Р. Газимзянова, здесь выявлены остатки четырех мужских и женских черепов, возраст погибших от 25 до 30 лет.

Ранее найденное на Камаевском городище и неоднократно упоминаемое Р.Г. Фахрутдиновым «погребение кочевника», скорее всего, представляет погребение убитого жителя города, совершенное в хозяйственной яме без соблюдения необходимых мусульманских обрядов.

Внутри крепости выявлены остатки производственно-хозяйственных объектов и жилищ, найдены фрагменты керамики, предметы быта и производства, оружие, 10 серебряных и одна бронзовая джучидские монеты XV в. Археологический материал позволяет ограничить время основания и существования Камаевского городища первой третью XV — серединой XVI в., т. е. оно функционировало весь период истории Казанского ханства.

Подводя некоторые итоги исследований памятников периода Казанского ханства, необходимо отметить, что Камаевское и Утер-

няськое (изучено летом 1998 г. ЗИАЭ) городища являются уникальными объектами для всестороннего изучения истории и культуры населения Казанского ханства, в том числе последних этапов его существования. Если на основании археологического материала время существования Камаевского городища определяется первой третью XV — серединой XVI в., то раскопки Утерняського городища дают прекрасный материал (керамика, различные предметы, наконечники стрел, 7 серебряных монет: 5 джучидских и 2 русских периода правления Ивана IV Грозного), в основном, по финальному этапу существования этого государства — 30—50-м годам XVI в. Учитывая, что после середины XVI в. на площадках обоих городищ не велось широкого строительства, можно считать эти памятники однослойными и благодаря относительной изученности — эталонными и для решения проблем археологии и истории Казанского ханства. Найденный на Камаевском и Утерняськом городищах культурный и хозяйственно-бытовой комплекс станет эталонным для изучения материалов, полученных в ходе последних раскопок в Казанском Кремле, на Арском, Кабанском и других городищах периода Казанского ханства.

Список сокращений

АНТ	– Академия наук республики Татарстан
ВАО	– Вотская автономная область
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГОМРТ	– Государственный объединенный музей республики Татарстан
ИА	– Институт археологии
ИГ РАН	– Институт географии РАН
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
МарНИИЯЛ	– Марийский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
МИА	– Материалы и исследования по археологии
МНИИЯЛИЭ	– Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
НПЦ	– Научно-производственный центр
НЦ	– Научный центр
ОАК	– Отчет Археологической комиссии
РАН	– Российская Академия наук
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
САИ	– Свод археологических источников
УАССР	– Удмуртская автономная советская социалистическая республика
УдНИИ	– Удмуртский научно-исследовательский институт (ныне: УдИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы)
ФТИ	– Физико-технический институт Уральского отделения РАН

<i>Федоров-Давыдов Г.А.</i> (Москва)	
Алексей Петрович Смирнов — ученый, человек	3
<i>Останина Т.И.</i> (Ижевск) Археологические исследования	
А.П.Смирнова на территории Удмуртии	4
<i>Кузьминых С.В.</i> (Москва) А.П.Смирнов как исследователь	
бронзового века Волго-Камья	6
<i>Зеленев Ю.А.</i> (Йошкар-Ола) Этнокультурная история	
Поволжья XIII—XV вв. в работах А.П.Смирнова 40—50-х гг.	10
<i>Макаров Л.Д.</i> (Ижевск) А.П.Смирнов о древнерусском	
населении Прикамья	12
<i>Шишлина Н.И., Александровский А.Л., Йоханнес ван дер Плихт,</i>	
<i>Чичагова О.А.</i> (Москва, Голландия)	
Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы	14
<i>Шишлина Н.И., Гольева А.А.</i> (Москва) Палеоэкология	
Калмыкии в бронзовом веке	16
<i>Демкин В.А., Демкина Т.С.</i> (Пушино) Палеоэкологические	
условия лесостепного Заволжья в эпоху бронзы (по данным	
почвенно-археологических исследований)	19
<i>Лопатин В.А.</i> (Саратов). Раннесрубный компонент	
в керамическом комплексе Смеловского грунтового	
могильника (опыт пространственно-временного анализа	
типообразующего признака)	22
<i>Багаутдинов Р.С., Крамарев А.И., Скарбовенко В.А.</i> (Самара)	
Раскопки курганов эпохи поздней бронзы в лесостепном	
Ульяновском Заволжье	24
<i>Хоркин Д.А.</i> (Саратов) Производственно-ритуальная	
постройка на срубном поселении Усть-Курдюм под Саратовом	29
<i>Ставицкий В.В.</i> (Пенза) Фатьяно-балановские древности	
в верховьях Суры и Мокши	30
<i>Челяпов В.П.</i> (Рязань) Ерахтур V — новое поселение	
поздняковской культуры на Средней Оке	32
<i>Коренюк С.Н.</i> (Пермь) Ананьинская культура в трудах	
А.П.Смирнова и новые данные в ее изучении.....	34
<i>Смирнов К.А.</i> (Москва) Еще раз о проблеме «отделившихся	
скифов»	37

<i>Васкул И.О.</i> (Сыктывкар) Культуры раннего железного века на территории Европейского Северо-Востока	39
<i>Бугров Д.Г., Руденко К.А.</i> (Казань) Памятники эпохи бронзы и раннего железа в низовьях р. Кама (новые поступления в фонды ГОМ РТ), стендовый доклад	40
<i>Зубов С.Э.</i> (Самара) Проблемы хронологии и происхождения пьяноборской культуры	42
<i>Бугров Д.Г.</i> (Казань) Тойгузинское II городище по итогам раскопок 1995–1998-х гг., стендовый доклад	45
<i>Бугров Д.Г.</i> (Казань) К вопросу о костяных наконечниках стрел пьяноборской культуры (по материалам Тойгузинского II городища)	47
<i>Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф.</i> (Пермь) Современные исследования гляденовских костяшек	49
<i>Мельничук А.Ф.</i> (Пермь) Гляденовские всадники	50
<i>Кулябина Н.В.</i> (Пермь) К вопросу о роли сармат в этнической истории Прикамья	53
<i>Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В.</i> (Москва) Хронология Кошибеевского могильника	56
<i>Белоцерковская И.В.</i> (Москва) Лопастные привески из рязано-окских могильников	58
<i>Тавлинцева Е.Ю.</i> (Москва) К вопросу о металлическом бисере в рязано-окских могильниках (по материалам Шокшинского могильника)	60
<i>Зеленцова О.В.</i> (Саранск) О месте Серповского могильника в истории древнемордовского населения	62
<i>Букина О.В.</i> (Самара) Среднецнинские могильники: обычай кремации	64
<i>Матвеева Г.И.</i> (Самара) К вопросу о хронологии и периодизации именьковской культуры	66
<i>Лифанов Н.А.</i> (Самара) Раннесредневековые жилые постройки лесостепного Поволжья как источник культурогенетических реконструкций	68
<i>Розанова Л.С., Терехова Н.Н.</i> (Москва) Культурные контакты азелинских племен (по данным археологической металлографии)	70
<i>Бражник О.И.</i> (Самара) Процесс тюркизации кочевников лесостепного Поволжья	72

<i>Сташенков Д.А.</i> (Самара) Самарское пограничье (к проблеме взаимодействия кочевого и оседлого миров в эпоху средневековья) ...	75
<i>Расторопов А.В.</i> (Пенза) О генезисе населения пензенских памятников болгарского типа	77
<i>Герман Е.Ф.</i> (Ижевск) Погребальные лицевые покрытия памятников Прикамья	79
<i>Завьялов В.И.</i> (Москва) Кузнечное производство на средневековых памятниках Среднего Прикамья (родановская культура)	81
<i>Кураев И.В.</i> (Москва) Некоторые особенности погребальных обрядов ярославских курганных могильников	82
<i>Иванова М.Г.</i> (Ижевск) Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы исследования средневековых памятников Удмуртии	85
<i>Журбин И.В., Зелинский А.В., Смагин М.Г.</i> (Ижевск) Картографирование и хронологическая реконструкция археологических памятников Волго-Камья (по материалам исследований городища-крепости Иднакар IX–XIII вв.)	87
<i>Грибов Н.Н.</i> (Н.Новгород) Раскопки могильника на Саровском городище (по материалам работ 1996–1998 гг.)	90
<i>Никитина Т.Б.</i> (Йошкар-Ола) О преемственности культуры могильников Волго-Вятского междуречья IX–XI вв. с марийской культурой XVI–XVIII вв.	92
<i>Шутова Н.И.</i> (Ижевск) Посуда в обрядовой жизни финнопермских племен Прикамья (по данным археологии, фольклора и этнографии)	94
<i>Казаков Е.П.</i> (Казань) Некоторые итоги и задачи изучения древностей Волжской Болгарии	96
<i>Старостин П.Н.</i> (Казань) О раннем Болгаре	99
<i>Руденко К.А.</i> (Казань) Некоторые итоги исследований болгарских памятников Нижнего Прикамья в 1988–1998 гг. ...	101
<i>Кочкина А.Ф.</i> (Самара) Муромский городок как региональный центр Волжской Болгарии на Самарской Луке	103
<i>Полякова Г.Ф.</i> (Москва) О датировке некоторых типов ювелирных изделий из Волжской Болгарии	105
<i>Валиулина С.И., Беговатов Е.А.</i> (Казань) Исследование Билярского городища и памятников в его округе	107

<i>Измайлов И.Л.</i> (Казань) Научное наследие А.П.Смирнова и проблемы изучения истории военного дела Волжской Булгарии	109
<i>Набиуллин Н.Г.</i> (Казань) Город Джукетау в свете новых археологических исследований	113
<i>Петренко А.Г., Асылгараева Г.Ш.</i> (Казань) К истории хозяйственной деятельности булгаро-татарского населения (по остеологическим материалам)	115
<i>Руденко К.А.</i> (Казань) Металлические котлы VIII–XIV вв. Поволжья и Приуралья	117
<i>Егоров В.Л.</i> (Москва) Русские и золотоордынские города XIII–XIV вв. – общее и особенное	119
<i>Недашковский Л.Ф.</i> (Казань) Округа золотоордынского города Укека: хронологический аспект	120
<i>Рудаков В.Г.</i> (Москва) К вопросу о существовании двух Сараев и местоположении города Гюлистана	122
<i>Белов А.В., Бурханов А.А.</i> (Казань) Новые данные по средневековой Казани (итоги раскопок Кабанского городища) 127	
<i>Бурханов А.А.</i> (Казань) А.П.Смирнов и некоторые проблемы историко-археологического изучения Заказанья	130
<i>Бурханов А.А., Измайлов И.Л.</i> (Казань) Новые данные по фортификации Казанского ханства (по итогам раскопок памятников Заказанья)	135

Государственный Исторический музей
Институт Археологии РАН
Московский Государственный университет им. М. В. Ломоносова
Выпуск 103
**Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы
археологии Волго-Камья**

Редакционно-издательский центр ГИМ
Заведующая *Т. А. Кравченко*
Редактор *С. Н. Романова*
Художественный редактор *И. К. Борисова*
Технический редактор *Л. В. Жигульская*
Компьютерные работы: набор — *Г. А. Камелина, В. Г. Рудаков*
верстка — *С. В. Сухарев*
Выпускающий *М. Н. Ватиашвили*

Формат 60х90 1/16	Подписано в печать 25.03.1999
Гарнитура Таймс	Бумага офсет. № 1
Печ. л. 9	Печать офсетная
Тираж 500 экз	

Государственный Исторический музей
103012, Москва, Красная площадь, д. 1/2

Отпечатано в типографии ЦИ МПП
135800, г. Москва, Краснопрудный пер., д. 7

